

- [Агата Кристи](#)
- [ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА](#)
- [ГЛАВА I](#)
- [ГЛАВА II](#)
- [II](#)
- [III](#)
- [ГЛАВА III](#)
- [II](#)
- [ГЛАВА IV](#)
- [II](#)
- [ГЛАВА V](#)
- [II](#)
- [ГЛАВА VI](#)
- [II](#)
- [III](#)
- [ГЛАВА VII](#)
- [II](#)
- [III](#)
- [ГЛАВА VIII](#)
- [II](#)
- [ГЛАВА IX](#)
- [II](#)
- [ГЛАВА X](#)
- [II](#)
- [III](#)
- [ГЛАВА XI](#)
- [II](#)
- [III](#)
- [ГЛАВА XII](#)
- [ГЛАВА XIII](#)
- [II](#)
- [ГЛАВА XIV](#)
- [II](#)
- [ГЛАВА XV](#)
- [II](#)
- [III](#)
- [ГЛАВА XVI](#)
- [II](#)

- [ГЛАВА XVII](#)
 - [II](#)
 - [III](#)
 - [IV](#)
 - [V](#)
 - [ГЛАВА XVIII](#)
 - [II](#)
 - [ГЛАВА XIX](#)
 - [II](#)
 - [III](#)
 - [ГЛАВА XX](#)
 - [II](#)
 - [ГЛАВА XXI](#)
 - [II](#)
 - [III](#)
 - [ГЛАВА XXII](#)
 - [II](#)
 - [III](#)
 - [IV](#)
 - [ГЛАВА XXIII](#)
 - [II](#)
 - [??](#)
-

Агата Кристи

Месть Нофрет. Смерть приходит в конце

ПРИМЕЧАНИЯ АВТОРА

Описанные в этой книге события происходят за 2000 лет до нашей эры в Египте, а точнее, на западном берегу Нила возле Фив, ныне Луксора. Место и время действия выбраны автором произвольно. С таким же успехом можно было назвать другие место и время, но так уж получилось, что сюжет романа и характеры действующих лиц оказались навеяны содержанием нескольких писем периода XI династии, найденных экспедицией 1920-1921 годов из нью-йоркского музея "Метрополитен" в скальной гробнице на противоположном от Луксора берегу реки и переведенных профессором Баттискоумбом Ганном для выпускаемого музеем бюллетеня.

Читателю, возможно, будет небезынтересно узнать, что получение должности жреца "ка"¹, а следует отметить, что культ "ка" являлся неотъемлемым признаком древнеегипетской цивилизации, - было по сути дела весьма схоже с передачей по завещанию часовни для отправления заупокойной службы в средние века. Жреца "ка" - хранителя гробницы - наделяли земельными владениями, за что он был обязан содержать гробницу того, кто там покоем, в полном порядке и в праздничные дни совершать жертвоприношения, дабы душа усопшего пребывала в мире.

В Древнем Египте слова "брат" и "сестра", обычно обозначавшие возлюбленных, часто служили синонимами словам "муж" и "жена". Такое значение этих слов сохранено и в этой книге.

Сельскохозяйственный год Древнего Египта, состоявший из трех сезонов по четыре тридцатидневных месяца в каждом, определял жизнь и труд земледельца и с добавлением в конце пяти дней для согласования с солнечным годом считался официальным календарным годом из 365 дней. Новый год традиционно начинался с подъема воды в Ниле, что обычно случалось в третью неделю июля по нашему календарю. За многие столетия отсутствие високосного года произвело такой сдвиг во времени,

что в ту пору, когда происходит действие нашего романа, официальный новый год начинался на шесть месяцев раньше, чем сельскохозяйственный, то есть в январе, а не в июле. Чтобы избавить читателя от необходимости постоянно держать это в уме, даты, указанные в начале каждой главы, соответствуют сельскохозяйственному календарю того времени, то есть Разлив - конец июля - конец ноября. Зима - конец ноября - конец марта и Лето - конец марта - конец июля.

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Ренисенб - дочь Имхотепа. Слишком юная и красивая, чтобы долго оставаться вдовой, она стоит перед роковым выбором: жизнь или смерть.

Яхмос - старший сын Имхотепа. Сварливая жена и властный отец лишили его храбрости отстаивать свои права.

Себек - второй сын Имхотепа, красавец и хвастун. Он тоже недоволен своим подневольным положением в доме отца.

Имхотеп - тщеславный и спесивый священнослужитель культа "ка", или, проще говоря, хранитель гробницы, он обеспечивает содержание всех членов своей многочисленной семьи и, взяв в дом наложницу, не подозревает, что навлекает на себя беду.

Сатипи - рослая, энергичная, громкоголосая жена Яхмоса, она третирует своего мужа и оскорбляет всех вокруг.

Кайт - жена Себека, ею владеет одна страсть: любовь к детям.

Хенет - домоправительница Имхотепа; постоянно жалуясь на собственную судьбу, исподтишка вносит разлад в семью и с наслаждением раздувает семейные ссоры.

Иза - мать Имхотепа, считающая своего сына глупцом; она не побоялась бросить вызов смерти, но и ей довелось узнать, что такое страх.

Хори - писец и управляющий у Имхотепа, он строит свои расчеты, как уберечь Ренисенб от опасности, исходя из логики и... любви.

Ипи - младший сын Имхотепа; только отец готов сносить мальчишескую заносчивость своего любимца.

Нофрет - прекрасная юная наложница стареющего Имхотепа, она разожгла страсти, подспудно тлевшие в семье хранителя гробницы.

Камени - родственник Имхотепа. Широкий в плечах красавец, он поет любовные песни, которые находят отклик в сердце Ренисенб.

ГЛАВА I

Второй месяц Разлива, 20-й день

Ренисенб стояла и смотрела на Нил.

Откуда-то издалека доносились голоса старших братьев, Яхмоса и Себека. Они спорили, стоит ли укрепить кое в каких местах дамбу. Себек, как обычно, говорил резко и уверенно. Он всегда высказывал свое мнение с завидной определенностью. Голос его собеседника звучал приглушенно и нерешительно. Яхмос постоянно пребывал в сомнениях и тревоге по тому или иному поводу. Он был старшим из сыновей, и, когда отец отправлялся в Северные Земли, все управление помещьем так или иначе оказывалось в его руках. Плотного сложения, неторопливый в движениях, Яхмос в отличие от жизнерадостного и самоуверенного Себека был осторожен и склонен отыскивать трудности там, где их не существовало.

С раннего детства помнились Ренисенб точно такие же интонации в спорах ее старших братьев. И от этого почему-то пришло чувство успокоения... Она снова дома. Да, она вернулась домой.

Но стоило ей увидеть сверкающую под лучами солнца гладь реки, как душу опять захлестнули протест и боль. Хей, ее муж, умер... Хей, широкоплечий и улыбчивый. Он ушел к Осирису² в Царство мертвых, а она, Ренисенб, его горячо любимая жена, так одинока здесь. Восемь лет они были вместе - она приехала к нему совсем юной - и теперь, уже вдовой, вернулась с малышкой Тети в дом отца.

На мгновенье ей почудилось, что она никуда и не уезжала...

И эта мысль была приятна...

Она забудет восемь лет безоблачного счастья, безжалостно прерванного и разрушенного утратой и горем.

Да, она их забудет, выкинет из головы. Снова превратится в юную Ренисенб, дочь хранителя гробницы Имхотепа, легкомысленную и ветреную. Любовь мужа и брата жестоко обманула ее своей сладостью. Она увидела широкие бронзовые плечи, смеющийся рот Хея - теперь Хей, набальзамированный, обмотанный полотняными пеленами, охраняемый амулетами, совершает путешествие по Царству мертвых. Здесь, в этом мире, уже не было Хея, который плавал в лодке по Нилу, ловил рыбу и

смеялся, глядя на солнце, а она с малышкой Тети на коленях, растянувшись рядом, смеялась ему в ответ...

"Забудь обо всем, приказала себе Ренисенб. - С этим покончено. Ты у себя дома. И все здесь так, как было прежде. И ты тоже должна быть такой, какой была. Тогда все будет хорошо. Тети уже забыла. Она играет с детьми и смеется".

Круто повернувшись, Ренисенб направилась к дому. По дороге ей встретились груженные поклажей ослы, которых гнали к реке. Миновав закрома с зерном и амбары, она открыла ворота и очутилась во внутреннем дворе, обнесённом глиняными стенами. До чего же здесь было славно! Под сенью фиговых деревьев в окружении цветущих олеандров и жасмина блестел искусственный водоем. Дети, а среди них и Тети, шумно играли в прятки, укрываясь в небольшой беседке, что стояла на берегу водоема. Их звонкие чистые голоса звенели в воздухе. Тети, заметила Ренисенб, держала в руках деревянного льва, у которого, если дернуть за веревочку, открывалась и закрывалась пасть, это была любимая игрушка ее собственного детства. И снова к ней пришла радостная мысль: "Я дома..." Ничто здесь не изменилось, все оставалось прежним. Здесь не знали страхов, не ведали перемен. Только теперь ребенком была Тети, а она стала одной из матерей, обитающих в стенах этого дома. Но сама жизнь, суть вещей ничуть не преобразилась.

Мяч, которым играл кто-то из детей, подкатился к ее ногам. Она схватила его и, смеясь, кинула назад ребенка.

Ренисенб поднялась на галерею, своды которой поддерживали расписанные яркими красками столбы, и вошла в дом, где, миновав главный зал, - его стены наверху были украшены изображением лотоса и мака, - очутилась в задней части дома, на женской половине.

Громкие голоса заставили ее застыть на месте, чтобы вновь насладиться почти забытыми звуками. Сатипи и Кайт - ссорятся, как всегда! И, как всегда, голос Сатипи резкий, властный, не допускающий возражений. Высокого роста, энергичная, громкоголосая Сатипи, жена Яхмоса, по-своему красивая, деспотичная женщина. Она вечно командовала в доме, то и дело придиралась к слугам и добивалась от них невозможного злобной бранью и неукротимым нравом. Все боялись ее языка и спешили выполнить любое приказание. Сам Яхмос восхищался решительным и напористым характером своей супруги и позволял ей помыкать собою, что приводило Ренисенб в ярость.

В паузах между пронзительными возгласами Сатипи слышался тихий, но твердый голос Кайт. Кайт, жена красивого, веселого Себека, была

широка в кости и непривлекательна лицом. Она обожала своих детей, и все ее помыслы и разговоры были только о детях. В своих ежедневных ссорах со свояченицей она стойко держала оборону одним и тем же незатейливым способом, невозмутимо и упрямо отвечая первой пришедшей ей в голову фразой. Она не проявляла ни горячности, ни пыла, но ее ничто не интересовало, кроме собственных забот. Себек был очень привязан к жене и, не смущаясь, рассказывал ей обо всех своих любовных приключениях в полной уверенности, что она, казалось бы, слушая его и даже с одобрением или неодобрением хмыкая в подходящих местах, на самом деле все пропускает мимо ушей, поскольку мысли ее постоянно заняты только тем, что связано с детьми.

- Безобразие, вот как это называется, - кричала Сатипи. - Будь у Яхмоса хоть столько храбрости, сколько у мыши, он бы такого не допустил. Кто здесь хозяин, когда нет Имхотепа? Яхмос! И я, как жена Яхмоса, имею право первой выбирать циновки и подушки. Этот толстый, как гиппопотам, черный раб обязан...

- Нет, нет, малышка, куклины волосы сосать нельзя, - донесся низкий голос Кайт. - Смотри, вот тебе сладости, они куда вкуснее...

- Что до тебя, Кайт, ты совершенно невоспитанна. Не слушаешь меня и не считаешь нужным отвечать. У тебя ужасные манеры.

- Синяя подушка всегда была у меня... Ой, посмотрите на крошку Анх: она пытается встать на ножки...

- Ты, Кайт, такая же глупая, как твои дети, если не сказать больше. Но просто так тебе от меня не отделаться. Знай, я не отступлю от своих прав.

Ренисенб вздрогнула, заслышав за спиной тихие шаги. Она обернулась и, увидев Хенет, тотчас испытала привычное чувство неприязни.

На худом лице Хенет, как всегда, играла подобострастная улыбка.

- Ничего не изменилось, правда, Ренисенб? - пропела она. - Не понимаю, почему мы все терпим от Сатипи. Кайт, конечно, может ей ответить. Но не всем дано такое право. Я, например, знаю свое место и благодарна твоему отцу за то, что он дал мне кров, кормит меня и одевает. Он добрый человек, твой отец. И я всегда стараюсь делать для него все, что в моих силах. Я вечно при деле, помогаю то тут, то там, не надеясь услышать и слова благодарности. Будь жива твоя ненаглядная мать, все было бы по-другому. Она-то уж умела ценить меня. Мы были как родные сестры. А какая она была красавица! Что ж, я выполнила свой долг и сдержала данное ей обещание. "Возьми на себя заботу о детях, Хенет", - умирая, завещала мне она. И я не нарушила своего слова. Была всем вам рабыней и никогда не ждала благодарности. Не просила, но и не получала!

"Это всего лишь старая Хенет, - говорят люди. - Что с ней считаться?" Да и с какой стати? Никому нет до меня дела. А я все стараюсь и стараюсь, чтоб от меня была польза в доме.

И, ужом скользнув у Ренисенб под локтем, она исчезла во внутренних покоях со словами:

- А про те подушки, ты прости меня, Сатипи, но я краем уха слышала, как Себек сказал...

Ренисенб отвернулась. Она почувствовала, что ее давнишняя неприязнь к Хенет стала еще острее. Ничего удивительного, что все они дружно не любят Хенет из-за ее вечного нытья, постоянных сетований на судьбу и злорадства, с которым она раздувает любую ссору.

"Для нее это своего рода развлечение", - подумала Ренисенб. - Но ведь и вправду жизнь Хенет была безрадостной, она действительно трудилась как вол, ни от кого никогда не слыша благодарности. Да к ней и невозможно было испытывать благодарность - она так настаивала на собственных заслугах, что появившийся было в сердце отклик тотчас исчезал.

Хенет, по мнению Ренисенб, принадлежала к тем людям, которым судьбою уготовано быть преданной другим, ничего не получая взамен. Внешне она была нехороша собой, да к тому же глупа. Однако отлично обо всем осведомлена. При способности появляться почти бесшумно, ничто не могло укрыться от ее зоркого взгляда и острого слуха. Иногда она держала тайну при себе, но чаще спешила нашептать ее каждому на ухо, с наслаждением наблюдая со стороны за произведенным впечатлением.

Время от времени кто-нибудь из домочадцев начинал уговаривать Имхотепа прогнать Хенет, но Имхотеп даже слышать об этом не желал. Он, пожалуй, единственный относился к ней с симпатией, за что она платила ему такой собачьей преданностью, от которой остальных членов семьи воротило с души.

Ренисенб постояла еще с секунду, прислушиваясь к ссоре своих невесток, подогретой вмешательством Хенет, а затем не спеша направилась к покоям, где обитала мать Имхотепа Иза, которой прислуживали две чернокожие девочки-рабыни. Сейчас она была занята тем, что разглядывала полотняные одежды, которые они ей показывали, и добродушно ворчала на маленьких прислужниц.

Да, все было по-прежнему, думала Ренисенб, прислушиваясь к воркотне старухи. Старая Иза чуть усохла, вот и все. Голос у нее тот же, и говорила она то же самое, почти слово в слово, что и тогда, когда восемь лет назад Ренисенб покидала этот дом...

Ренисенб тихо выскользнула из ее покоев. Ни старуха, ни две маленькие рабыни так ее и не заметили. Секунду-другую Ренисенб постояла возле открытой в кухню двери. Запах жареной уткины, реплики, смех и перебранка - все вместе. И гора ожидающих разделки овощей.

Ренисенб стояла неподвижно, полужакрыв глаза, Отсюда ей было слышно все, что происходило в доме. Начиненный запахами пряностей шум в кухне, скрипучий голос старой Изы, решительные интонации Сатипи и приглушенное, но настойчивое контральто Кайт. Хаос женских голосов - болтовня, смех, горестные сетования, брань, восклицания...

И вдруг Ренисенб почувствовала, что задыхается в этом шумном женском обществе. Целый дом крикливых вздорных женщин, никогда не закрывающих рта, вечно ссорящихся, занятых вместо дела пустыми разговорами.

И Хей, Хей в лодке, собранный, сосредоточенный на одном - вовремя поразить копьём рыбу.

Никакой зряшной болтовни, никакой бесцельной суетливости.

Ренисенб выбежала из дому в жаркую безмятежную тишину. Увидела, как возвращается с полей Себек, а вдалеке к гробнице поднимается Яхмос.

Тогда и она пошла по тропинке к гробнице, вырубленной в известняковых скалах. Это была усыпальница великого и благородного Мериптаха, и ее отец состоял жрецом - хранителем этой гробницы, обязанным содержать ее в порядке, за что и дарованы были ему владения и земли.

Не спеша поднявшись по крутой тропинке, Ренисенб увидела, что старший брат беседует с Хори, управителем отцовских владений. Укрывшись в небольшом гроте рядом с гробницей, мужчины склонились над папирусом, разложенным на коленях у Хори. При виде Ренисенб оба подняли головы и заулыбались. Она присела рядом с ними в тени. Ренисенб любила Яхмоса. Кроткий и мягкосердечный, он был ласков и приветлив с ней. А Хори когда-то чинил маленькой Ренисенб игрушки. У него были такие искусные руки! Она запомнила его молчаливым и серьезным не по годам юношей. Теперь он стал старше, но почти не изменился. Улыбка его была такой же сдержанной, как прежде.

Мужчины тихо переговаривались между собой.

- Семьдесят три меры ячменя у Ипи-младшего...

- Тогда всего будет двести тридцать мер пшеницы и сто двадцать ячменя.

- Да, но предстоит еще заплатить за лес, за хлеб в колосьях мы расплачивались в Пераа маслом...

Разговор продолжался, и Ренисенб чуть не задремала, убаюканная тихими голосами мужчин. Наконец Яхмос встал и удалился, оставив свиток папируса в руках у Хори.

Ренисенб, помолчав, дотронулась до свитка и спросила:

- Это от отца?

Хори кивнул.

- А о чем здесь говорится? - с любопытством спросила она, развернув папирус и глядя на непонятные знаки, - ее не научили читать.

Чуть улыбаясь, Хори заглянул через ее плечо и, водя мизинцем по строчкам, принялся читать. Письмо было написано пышным слогом профессионального писца Гераклеополя³.

- Имхотеп, жрец души умершего, верно несущий свою службу, желает вам уподобиться тому, кто возрождается к жизни бесчисленное множество раз, и да пребудет на то благоволение бога Херишефа⁴, повелителя Гераклеополя, и всех других богов. Да ниспошлет бог Птах⁵ вам радость, коей он вознаграждает вечно оживающего. Сын обращается к своей матери, жрец "ка" вопрошает свою родительницу Изу: пребываешь ли ты во здравии и благополучии? О домочадцы мои, я шлю вам свое приветствие. Сын мой Яхмос, пребываешь ли ты во здравии и благополучии? Преумножай богатства моих земель, не ведая устали в трудах своих. Знай, если ты будешь усерден, я вознесу богам молитвы за тебя...

- Бедный Яхмос! - засмеялась Ренисенб. - Он и так старается изо всех сил.

Слушая это напыщенное послание, она ясно представила себе отца: тщеславного и суетливого, своими бесконечными наставлениями и поучениями он замучил всех в доме. Хори продолжал:

- Твой первейший долг проявлять заботу о моем сыне Ипи. До меня дошел слух, что он пребывает в неудовольствии. Позаботься также о том, чтобы Сатиби хорошо обращалась с Хенет. Помни об этом. Не премини сообщить мне о сделках со льном и маслом. Береги зерно, береги все, что мне принадлежит, ибо спрошу я с тебя. Если земли зальет, горе тебе и Себеку.

- Отец ни капельки не изменился, - с удовольствием заметила Ренисенб. - Как всегда уверен, что без него все будет не так, как следует. - Свиток папируса соскользнул с ее колен, и она тихо добавила:

- Да, все осталось по-прежнему...

Хори молча подхватил папирус и принялся писать. Некоторое время Ренисенб лениво следила за ним. На душе было так покойно, что не хотелось даже разговаривать.

- Хорошо бы научиться писать, - вдруг мечтательно заявила она. - Почему всех не учат?

- В этом нет нужды.

- Может, и нет нужды, но было бы приятно.

- Ты так думаешь, Ренисенб? Но зачем, зачем это тебе?

Секунду-другую она размышляла.

- По правде говоря, я не знаю, что тебе ответить, Хори.

- Сейчас даже в большом владении достаточно иметь несколько писцов, - сказал Хори, - но я верю, придет время, когда в Египте потребуется множество грамотных людей. Мы живем в преддверии великой эпохи.

- Вот это будет замечательно! - воскликнула Ренисенб.

- Я не совсем уверен, - тихо отозвался Хори.

- Почему?

- Потому что, Ренисенб, записать десять мер ячменя, сто голов скота или десять полей пшеницы не требует большого труда. Но будет казаться, будто самое важное уметь написать это, словно существует лишь то, что написано. И тогда те, кто умеет писать, будут презирать тех, кто пашет землю, растит скот и собирает урожай. Тем не менее, на самом деле существуют не знаки на папирусе, а поля, зерно и скот. И если все записи и все свитки папируса уничтожить, а писцов разогнать, люди, которые трудятся и пахут, все равно останутся, и Египет будет жить.

Сосредоточенно глядя на него, Ренисенб медленно произнесла:

- Да, я понимаю, что ты хочешь сказать. Только то, что человек видит, может потрогать или съесть, только оно настоящее... Можно написать: "У меня двести сорок мер ячменя", но если на самом деле у тебя их нет, это ничего не значит. Человек может написать ложь.

Хори улыбнулся, глядя на ее серьезное лицо.

- Ты помнишь, как чинил когда-то моего игрушечного льва? - вдруг спросила Ренисенб.

- Конечно, помню.

- А сейчас им играет Тети... Это тот же самый лев. - И, помолчав, доверчиво добавила:

- Когда Хей ушел в царство Осириса, я была безутешна. Но теперь я вернулась домой и снова буду счастлива и забуду о своей печали - потому что здесь все осталось прежним. Ничто не изменилось.

- Ты уверена в этом?

Ренисенб насторожилась.

- Что ты хочешь сказать, Хори?

- Я хочу сказать, что все меняется. Восемь лет - немалый срок.

- Все здесь осталось прежним, - уверенно заявила Ренисенб.

- Тогда, возможно, перемена еще грядет.

- Нет, нет! - воскликнула Ренисенб. - Я хочу, чтобы все было прежним.

- Но ты сама не та Ренисенб, которая уехала с Хеем.

- Нет, та! А если и не та, то скоро буду той.

- Назад возврата нет, Ренисенб. Это как при подсчетах, которыми я здесь занимаюсь: беру половину меры, добавляю к ней четверть, потом одну десятую, потом одну двадцать четвертую и в конце концов получаю совсем другое число.

- Я та же Ренисенб.

- Но к Ренисенб все эти годы что-то добавлялось, и потому она стала совсем другой!

- Нет, нет! Вот ты, например, ты остался прежним Хори.

- Думай, как хочешь, но в действительности это не так.

- Да, да, и Яхмос как всегда чем-то озабочен и встревожен, а Сатипи по-прежнему помыкает им, и они с Кайт все так же ссорятся из-за циновок и бус, а потом, помирившись, как лучшие подруги, сидят вместе и смеются, и Хенет, как и раньше, бесшумно подкрадывается и подслушивает и жалуется на свою судьбу, и бабушка ворчит на рабынь из-за кусков полотна! Все, все как было! А когда отец вернется домой, он поднимет шум, будет кричать: "Зачем вы это сделали?", "Почему не сделали того?", и Яхмос будет оправдываться, а Себек только посмеется и скажет, что он тут ни при чем, и отец будет потакать Ипи, которому уже шестнадцать лет, так же, как потакал ему, когда тому было восемь, и все останется прежним! - выпалила она на одном дыхании и умолкла, обессиленная.

Хори вздохнул и тихо возразил:

- Ты не понимаешь, Ренисенб. Бывает зло, которое приходит в дом извне, оно нападает на виду у всех, но есть зло, которое зреет изнутри, и его никто не замечает. Оно растет медленно, день ото дня, пока не поразит все вокруг, и тогда гибели не избежать.

Ренисенб смотрела на него, широко раскрыв глаза. Хори говорил как-то странно, словно обращался не к ней, а к самому себе, размышляя вслух.

- Что ты хочешь сказать, Хори? - воскликнула она. - От твоих слов мне становится страшно.

- Я и сам боюсь.

- Но о чем ты говоришь? Какое зло имеешь в виду?

Он взглянул на нее и вдруг улыбнулся.

- Не обращай внимания, Ренисенб. Я говорил о болезнях, которые

поражают плоды.

- Как хорошо! - с облегчением вздохнула Ренисенб. - А то уж я подумала... Я сама не знаю, что я подумала.

ГЛАВА II

Третий месяц Разлива, 4-й день

I

Сатипи, по своему обыкновению громогласно, на весь дом наставляла Яхмоса:

- Ты должен отстаивать свои права. Сколько раз я тебе говорила, с тобой никто не будет считаться, если ты не можешь постоять за себя. Твой отец велит тебе делать то одно, то совершенно другое, а потом спрашивает, почему ты не выполнил его приказаний. Ты же покорно выслушиваешь его и просишь прощения за то, что не выполнил того, что он велел, хотя, богам известно, понять, чего он хочет, невозможно. Твой отец относится к тебе, как к безответственному мальчишке! Словно тебе столько же лет, сколько Ипи.

- Мой отец никогда не относится ко мне, как к Ипи, - тихо возразил Яхмос.

- Разумеется, нет, - с удвоенной яростью переключилась на новую тему Сатипи. - Его безрассудная любовь совсем испортила этого баловня. С каждым днем Ипи наглеет все больше и больше. Слоняется без дела, а стоит дать ему поручение, заявляет, что оно ему не по силам. Безобразие! И все потому, что знает - отец ему потворствует и всегда будет на его стороне. Вам с Себеком следует воспрепятствовать этому.

- Что толку? - пожал плечами Яхмос.

- От тебя с ума можно сойти, Яхмос, всегда ты так. Никакой твердости характера, словно ты не мужчина. Что бы твой отец ни говорил, ты сразу соглашаешься!

- Я очень уважаю отца.

- Правильно, и он этим пользуется. Ты же покорно выслушиваешь его обвинения и просишь прощения за то, в чем вовсе не виноват! Ты должен, когда надо, возражать ему, как это делает Себек. Себек никого не боится.

- Да, но вспомни, Сатипи, что мне, а не Себеку отец доверяет вести хозяйство. Отец не полагается на Себека. Дела решаю я, а не Себек.

- Именно поэтому отцу давно пора сделать тебя совладельцем! Когда он уезжает, ты заменяешь его во всем, даже совершаешь жреческие обряды. Все делаешь ты, и тем не менее никто не считает тебя полноправным хозяином. Этому надо положить конец. Тебе уже немало лет, а на тебя до сих пор смотрят как на мальчишку.

- Отец предпочитает быть единовластным владельцем, - с сомнением в голосе возразил Яхмос.

- Именно. Ему доставляет удовольствие, что все в этом доме зависят от него и от его прихотей. От этого нам и так нелегко, а будет еще хуже. На сей раз, когда он приедет, ты должен поговорить с ним самым решительным образом. Скажи ему, что требуешь узаконить твоё положение и записать это на папирусе.

- Он не будет слушать.

- Заставь его слушать. О, если бы я была женщиной! Будь я на твоём месте, я бы знала, как поступить! Порой мне кажется, что мой муж не человек, а слизняк.

Яхмос вспыхнул.

- Ладно, посмотрим, что можно сделать. Быть может, на этот раз мне удастся поговорить с отцом, попросить его...

- Не попросить, а потребовать! В конце концов, ты его правая рука. Только на тебя он может положиться в своё отсутствие. Себек чересчур необуздан, твой отец ему не доверяет, а Ипи слишком молод.

- Есть ещё Хори.

- Хори не член семьи. Твой отец ценит его мнение, но правом распоряжаться в своих владениях он облечет только кровного родственника. Вся беда в том, что ты слишком кроток и послушен - у тебя в жилах не кровь течет, а молоко. Ты не думаешь обо мне и наших детях. Пока твой отец не умрет, мы не займем в доме подобающего нам положения.

- Ты презираешь меня, Сатипи, да? - сокрушенно проговорил Яхмос.

- Ты выводешь меня из себя.

- Ладно, обещаю тебе поговорить с отцом, когда он вернется. Даю слово.

- Верю. Только, - еле слышно пробормотала Сатипи, - как ты будешь говорить? Опять будешь вести себя как мышь?

II

Кайт играла с самой младшей из своих детей, крошкой Анх. Девочка только начала ходить, и Кайт стояла, раскинув руки, на коленях и, ласково подбадривая, подзывала дочку к себе. Малышка, неуверенно ковыляя на нетвердых ножках, наконец добралась до материнских объятий.

Кайт хотела поделиться с Себеком радостью по поводу успехов крошки Анх, но вдруг заметила, что он, не обращая на нее внимания, сидит задумавшись и нахмутив свой высокий лоб.

- О Себек, ты не смотришь на нас! Скажи своему отцу, маленькая, какой он нехороший, - даже не смотрит, как ты ходишь!

- Мне хватает других забот, - раздраженно отозвался Себек.

Кайт села на корточки и откинула закрывшие лоб до густых темных бровей пряди волос, за которые хваталась пальчиками Анх.

- А что? Разве что-нибудь случилось? - спросила она, не проявляя особого интереса, просто по привычке.

- Отец мне не доверяет, - сердито ответил Себек. - Он старый человек, упорно держится нелепых старомодных представлений, будто все должны ему подчиняться, и совсем не считается со мной.

- Да, да, это плохо, - покачав головой, пробормотала Кайт.

- Если бы у Яхмоса хватило духа поддержать меня, можно было бы образумить отца. Но Яхмос чересчур робок. Он рабски следует любому отцовскому распоряжению.

- Да, это правда, - подтвердила Кайт, развлекая ребенка звоном бус.

- Когда отец вернется, скажу ему, что я принял собственное решение о том, как поступить с лесом. И что лучше рассчитывать на льно, чем на масло.

- Ты совершенно прав, я уверена.

- Но отец так настаивает на своем, что его не переубедишь. Он станет возмущаться: "Я велел тебе расплачиваться маслом. Все делается не так, когда меня нет. Ты пока еще ничего не смыслишь в делах". Сколько, он думает, мне лет? Он не понимает, что я мужчина в самом расцвете сил, а он уже старик. И когда он отказывается от любой нетрадиционной сделки, мы только проигрываем. Чтобы стать богатым, нужно рисковать. Я смотрю дальше собственного носа и ничего не боюсь, а у моего отца этих качеств нет.

Не отрывая глаз от ребенка, Кайт ласково проговорила:

- Ты такой храбрый и умный, Себек.

- На этот раз, если ему не понравится то, что я сделал, и он опять примется меня ругать, я скажу ему всю правду. И если он не позволит мне поступать по собственному разумению, я уйду. Навсегда.

Кайт, которая протянула к ребенку руки, резко повернула голову и застыла в этой позе.

- Уйдешь? Куда?

- Куда глаза глядят! Мне надоело выслушивать попреки и придирки старика, который чересчур много мнит о себе и не дает мне показать, на что я способен.

- Нет, - твердо сказала Кайт. - Нет, говорю я, Себек.

Он уставился на нее во все глаза, словно только сейчас заметив ее присутствие. Он так привык к тому, что она лишь вполголоса поддакивала ему, что воспринимал ее как некий убаюкивающий аккомпанемент к своим речам и часто вообще забывал о ее существовании.

- Что ты имеешь в виду, Кайт?

- Я хочу сказать, что не позволю тебе делать глупости. Все имущество - земля, поля, скот, лес, лен - принадлежит твоему отцу, а после его смерти перейдет нам, тебе, Яхмосу и детям. Если ты поссоришься с отцом и уйдешь из дому, он разделит твою долю между Яхмосом и Ипи - он и так чересчур благоволит к нему. Ипи это знает и часто пользуется благосклонностью отца. Ты не должен играть ему на руку. Если ты поссоришься с Имхотепом и уйдешь, Ипи это будет только на пользу. Нам нужно думать о наших детях.

Себек не сводил с нее глаз. Потом коротко и удивленно рассмеялся.

- Никогда не знаешь, чего ожидать от женщины. Вот уж не предполагал, Кайт, в тебе столько решительности.

- Не ссорься с отцом, - настойчиво повторила Кайт. - Промолчи. Веди себя благоразумно, потерпи еще немного.

- Возможно, ты и права, но ведь могут пройти годы. Пусть отец пока хоть сделает нас совладельцами.

- Он не пойдет на это, - покачала головой Кайт. - Он слишком любит говорить, что мы все едим его хлеб, что мы зависим от него и что без него мы бы пропали.

Себек взглянул на нее с любопытством.

- Ты не очень жалуешь моего отца, Кайт.

Но Кайт уже снова занялась делаящей попытки ходить Анх.

- Иди сюда, родненькая. Смотри, вот кукла. Иди сюда, иди...

Себек смотрел на склоненную над ребенком черноволосую голову

жены. Потом с тем же озадаченным выражением на лице вышел из дому.

III

Иза послала за своим внуком Ипи.

Ипи, на красивом лице которого застыла гримаса вечного недовольства, стоял перед ней, пока она скрипучим голосом распекала внука, напряженно вглядываясь в него тусклыми глазами. Хотя зрение у старухи порядком ослабело, взгляд ее по-прежнему оставался пронизательным.

- Что это такое? Что я слышу? Ты не желаешь делать то одно, то другое! Согласен приглядывать за волами, но не хочешь помогать Яхмосу или следить за пахотой? К чему это приведет, если ребенок вроде тебя будет говорить, что он желает и чего не желает делать?

- Я не ребенок, - угрюмо возразил Ипи. - Я уже взрослый, и пусть ко мне относятся, как к взрослому, а не держат на побегушках, поручая без моего ведома то одно, то другое. И пусть Яхмос мною не командует. Кто он такой, в конце концов?

- Он твой старший брат и ведает всеми делами во владении моего сына Имхотепа, когда тот в отсутствии.

- Яхмос дурак, недотепа и дурак. Я куда умнее его. И Себек дурак, хотя и хвастается, как он хорошо соображает. Отец уже велел в письме поручать мне ту работу, которую я сам выберу...

- Ничего подобного, - перебила его Иза.

- ..кормить и поить меня послаще и еще добавил, что ему очень не понравится, если до него дойдут слухи, что я не доволен и что со мной плохо обращаются.

Повторив наставления отца, он улыбнулся хитрой, злорадной улыбкой.

- Ах ты, негодник! - в сердцах бросила Иза. - Так я и скажу Имхотепу.

- Нет, бабушка, ты этого не скажешь.

Теперь он улыбался ласково, хотя и чуть нагло.

- Только мы с тобой, бабушка, из всего нашего семейства умеем соображать.

- Ну и наглец же ты!

- Отец всегда поступает, как ты советуешь. Он знает, какая ты мудрая.

- Возможно... Пусть так, но я не желаю слышать это от тебя.

Ипи засмеялся.

- Тебе лучше быть на моей стороне, бабушка.

- О чем это ты ведешь речь?

- Старшие братья очень недовольны, разве ты не знаешь? Конечно, знаешь. Хенет тебе обо всем докладывает. Сатипи и днем и ночью, как только остается с Яхмосом наедине, убеждает его поговорить с отцом. А Себек просчитался на сделке с лесом и теперь боится, что отец разгневается, когда узнает. Вот увидишь, бабушка, через год-другой отец сделает меня совладельцем и будет во всем слушаться.

- Тебя? Младшего из своих детей?

- Какое значение имеет возраст? Сейчас вся власть в руках отца, а я единственный, кто имеет власть над ним.

- Я запрещаю тебе так говорить! - рассердилась Иза.

- Ты у нас умная, бабушка, - тихо продолжал Ипи, - и прекрасно знаешь, что мой отец, несмотря на все его громкие слова, на самом деле человек слабый...

И сразу умолк, заметив, что Иза перевела взгляд и смотрит куда-то поверх его головы. Он повернулся и увидел Хенет.

- Значит, Имхотеп человек слабый? - скорбным тоном переспросила Хенет. - Не очень-то ему будет по душе твое мнение о нем.

Ипи смущенно рассмеялся.

- Но ведь ты не скажешь ему об этом, Хенет. Пожалуйста, Хенет, дай слово, что не скажешь... Милая Хенет...

Хенет скользнула мимо него к Изе. И ноющим голосом, правда, громче, чем обычно, проговорила:

- Конечно, не скажу. Тебе ведь хорошо известно, что я всегда стараюсь никому не причинять неприятностей. Я всей душой служу вам и никогда не передаю чужих слов, кроме тех случаев, когда долг обязывает меня сделать это.

- Я просто дразнил бабушку, вот и все, - нашелся Ипи. - Так я и объясню отцу. Он знает, что я никогда не скажу такое всерьез.

И, коротко кивнув Хенет, вышел из комнаты.

- Красивый мальчик, глядя ему вслед, проронила Хенет. - Красивый и уже совсем взрослый. И какие дерзкие ведет речи!

- Опасные, а не дерзкие, - недовольно возразила Иза. - Не нравятся мне его мысли. Мой сын чересчур к нему снисходителен.

- Ничего удивительного. Такой красивый и симпатичный мальчик.

- Судят не по внешности, а по делам, - снова резко проговорила Иза. И, помолчав секунду-другую, добавила:

- Хенет, мне страшно.

- Страшно? Чего тебе бояться, Иза? Скоро вернется господин, и все встанет на свои места.

- Встанет ли? Не знаю.

И, опять помолчав, спросила:

- Мой внук Яхмос дома?

- Несколько минут назад я видела, как он возвращался домой.

- Пойди и скажи ему, что я хочу с ним поговорить.

Хенет вышла и, разыскав Яхмоса на прохладной галерее, украшенной массивными, ярко расписанными столбами, передала ему пожелание Изы. Яхмос тотчас поспешил явиться.

- Яхмос, Имхотеп со дня на день будет здесь, сразу приступила к делу Иза.

Добродушное лицо Яхмоса осветилось улыбкой.

- Я знаю и очень рад этому.

- Все готово к его приезду? Дела в порядке?

- Я приложил все усилия, чтобы выполнить распоряжения отца.

- А как насчет Ипи?

Яхмос вздохнул.

- Отец слишком к нему благоволит, что может оказаться пагубным для мальчика.

- Следует объяснить это Имхотепу. Лицо Яхмоса отразило сомнение.

- Я поддержу тебя, - твердо добавила Иза.

- Порой мне кажется, - вздохнул Яхмос, - что вокруг одни неразрешимые трудности. Но как только отец вернется домой, все уладится. Он сам будет принимать решения. В его отсутствие действовать так, как ему бы хотелось, нелегко, да еще когда я не наделен законной властью, а лишь выполняю поручения отца.

- Ты хороший сын, - медленно заговорила Иза, - преданный и любящий. И муж ты тоже хороший: ты следуешь наставлениям Птахотепаб, которые гласят:

...заведи себе дом.

Как подобает, его госпожу возлюби.

Чрево ее насыщай, одевай ее тело,

Кожу ее умащай благовонным бальзамом,

Сердце ее услаждай, поколе ты жив!⁷

Но я дам тебе совет: не позволяй жене взять над собой верх. На твоём месте, внук мой, я бы всегда об этом помнила.

Яхмос взглянул на Изу и, покраснев от смущения, вышел из ее покоев.

ГЛАВА III

Третий месяц Разлива, 14-й день

I

Повсюду царили суматоха и приготовления. В кухне уже напекли сотни хлебов, теперь жарились утки, пахло луком, чесноком и разными пряностями. Женщины кричали, отдавая распоряжения, слуги метались, выполняя приказы.

"Господин... Господин приезжает..." - несло по Дому.

Ренисенб помогала плести гирлянды из цветов мака и лотоса, и душа ее исходила радостным волнением. Отец едет домой! За последние несколько месяцев она, сама того не замечая, окончательно втянулась в прежнюю жизнь. Чувство смутной тревоги перед чем-то неведомым и загадочным, возникшее в ней, по ее мнению, после слов Хори, исчезло. Она прежняя Ренисенб, и Яхмос, Сатипи, Себек и Кайт тоже ничуть не изменились, как и всегда, перед приездом Имхотепа в доме шумная суета. Пришло известие, что хранитель гробницы прибудет до наступления темноты. На берег реки послали одного из слуг, который криком должен был возвестить о приближении господина, и вот наконец ясно послышался его громкий предупреждающий клич.

Бросив цветы, Ренисенб вместе с остальными побежала к причалу на берегу реки. Яхмос и Себек уже были там, окруженные небольшой толпой из рыбаков и землепашцев - они все возбужденно кричали, указывая куда-то пальцем.

А по реке под большим квадратным парусом, надутым северным ветром, быстро шла ладья. За ее кормой следовала еще одна ладья-кухня, на которой теснились слуги. Наконец, Ренисенб разглядела отца с цветком лотоса в руках, а рядом с ним сидел еще кто-то, кого Ренисенб приняла за певца.

Приветственные крики на берегу раздались с удвоенной силой.

Имхотеп в ответ помахал рукой. Гребцы оставили весла и взялись за фалы. Послышались возгласы: "Добро пожаловать, господин!" - и слова благодарности богам за счастливое возвращение:

- Слава Себеку⁸, сыну Нейт⁹, который покровительствовал твоему благополучному путешествию по воде! Слава Птаху, доставившему тебя из Мемфиса к нам на юг! Слава Ра¹⁰, освещающему Северные и Южные Земли!¹¹

И вот уже Имхотеп, сойдя на берег, отвечает, как того требует обычай, на громкие приветствия и вознесенную богам хвалу по случаю его возвращения.

Ренисенб, зараженная общим радостным волнением, протиснулась вперед. Она увидела отца, который стоял с важным видом, и вдруг подумала: "А ведь он небольшого роста. Я почему-то думала, что он куда выше".

И чувство, похожее на смятение, овладело ею.

Усох отец, что ли? Или просто ей изменяет память? Он всегда казался видным, властным, порой, правда, суетливым, поучающим всех вокруг, иногда она в душе посмеивалась над ним, но тем не менее он был личностью. А теперь перед ней стоял маленький пожилой толстяк, который из всех сил тщетно пытался произвести впечатление значительного человека. Что с ней? Почему такие непочтительные мысли приходят ей в голову?

Имхотеп, завершив свою напыщенную ответную речь, принялся здороваться с домочадцами. Прежде всего он обнял сыновей.

- А, дорогой мой Яхмос, ты весь лучишься улыбкой, надеюсь, ты прилежно вел дела в мое отсутствие? И Себек, красивый мой сын, вижу, ты так и остался весельчаком? А вот и Ипи, любимый мой Ипи, дай взглянуть на тебя, отойди, вот так. Вырос, совсем мужчина! Какая радость моему сердцу снова обнять тебя! И Ренисенб, моя дорогая дочь, ты снова дома! Сатипи и Кайт, вы тоже мне родные дочери. И Хенет, преданная Хенет...

Хенет, стоя на коленях, вцепилась ему в ноги и нарочито, на виду у всех утирала слезы радости.

- Счастлив видеть тебя, Хенет. Ты здорова? Никто тебя не обижает? Верна мне, как всегда, что не может не радовать душу... И Хори, мой превосходный Хори, столь искусный в своих отчетах и так умело владеющий пером! Все в порядке? Уверен, что да.

Затем, когда приветствия завершились и шум замер, Имхотеп поднял руку, призывая к тишине, и громко возвестил:

- Сыновья и дочери мои! Друзья! У меня есть для вас новость. Уже

много лет, как вам известно, я жил одиноко. Моя жена, а ваша мать, Яхмос и Себек, и моя сестра - твоя мать, Ипи, - обе ушли к Осирису давным-давно. Поэтому вам, Сатипи и Кайт, я привез новую сестру, которая войдет в наш дом. Вот моя наложница Нофрет, которую из любви ко мне вы все должны любить. Она приехала со мной из Мемфиса в Северных Землях и останется здесь с вами, когда мне снова придется уехать.

С этими словами он вывел вперед молодую женщину. Она стояла рядом с ним, откинув назад голову и высокомерно сощутив глаза, - юная и красивая.

"Она совсем еще девочка, - с изумлением смотрела на нее Ренисенб. - Ей, наверное, меньше лет, чем мне".

На губах Нофрет порхала легкая улыбка, в ней сквозила скорей насмешка, чем желание понравиться.

Черные брови юной наложницы были безукоризненно прямой формы, кожа на лице цвета бронзы, а ресницы такие длинные и густые, что за ними едва можно было разглядеть глаза.

Семейство хозяина дома в растерянности молча взидало на нее.

- Подойдите, дети, поздоровайтесь с Нофрет. - В голосе Имхотепа звучало раздражение. - Разве вам не известно, как следует приветствовать женщину, которую отец избрал своей наложницей?

Они один за другим приблизились к ней и, запинаясь, произнесли положенные слова приветствия.

Имхотеп, чтобы скрыть некоторое замешательство, преувеличенно радостным тоном воскликнул:

- Вот так-то лучше! Сатипи, Кайт и Ренисенб отведут тебя, Нофрет, на женскую половину. А где короба? Короба не забыли снести на берег?

Дорожные короба с круглыми крышками переносили с ладьи на берег.

- Твои украшения и одежды доставлены в сохранности. Пригляди, чтобы их аккуратно выложили.

Затем, когда женщины все вместе направились к дому, он обратился к сыновьям:

- А как дела в хозяйстве?

- Нижние поля, которые в аренде у Нехте... - начал было Яхмос, но отец его перебил:

- Сейчас не до подробностей, дорогой Яхмос, С этим можно повременить. Сегодня будем веселиться. А завтра мы с тобой и Хори займемся делами. Подойди ко мне, Ипи, мой мальчик, я хочу, чтобы ты шел до дома рядом со мной. Как ты вырос! Ты уже выше меня!

Себек, хмуро шагая вслед за отцом и Ипи, прошептал на ухо Яхмосу:

- Украшения и одежды, слышал? Вот куда ушли доходы от наших северных владений. Наши доходы.

- Молчи, - предостерег его Яхмос, - не то отец услышит.

Как только Имхотеп вошел в свои покои, тотчас появилась Хенет, приготовить ему воду для омовения. Она вся сияла.

Имхотеп, отбросив показную веселость, озабоченно спросил:

- Ну, Хенет, что скажешь про мой выбор? Хотя он был настроен вести себя самым решительным образом, тем не менее отлично сознавал, что появление Нофрет, вызовет бурю, по крайней мере на женской половине дома. Иное дело Хенет, полагал он. И верная Хенет не обманула его ожиданий.

- Красавица! Необыкновенная красавица! - восторженно воскликнула она. - Какие волосы, как сложена! Она достойна тебя, Имхотеп, иначе и не скажешь. Твоя покойная жена будет рада, что такая женщина скрасит твое одиночество!

- Ты так думаешь, Хенет?

- Я уверена, Имхотеп. Ты столько лет оплакивал жену, пора тебе наконец снова вкусить радости жизни.

- Да, ты ее хорошо знала... Я тоже чувствую, что заслужил право жить, как подобает настоящему мужчине. Но вряд ли мои снохи и дочь будут довольны этим решением, а?

- Еще чего! - возмутилась Хенет. В конце концов, разве они не зависят от тебя?

- Истинная правда, истинная правда, - согласился Имхотеп.

- Ты их щедро кормишь и одеваешь. Их благополучие - плод твоих усилий.

- Несомненно, - вздохнул Имхотеп. - Ради них я вечно в труде и заботах. Но порой меня одолевают сомнения: понимают ли они, чем обязаны мне?

- Ты должен напоминать им об этом. Я, покорная и преданная тебе Хенет, никогда не забываю о твоих благодеяниях. Дети же порой бездумны и себялюбивы, они слишком много мнят о себе, не понимая, что лишь выполняют твои распоряжения.

- Истинная правда, - подтвердил Имхотеп. - Я всегда знал, что ты умная женщина, Хенет.

- Если бы и другие так думали, - вздохнула Хенет.

- А что? Кто-то плохо к тебе относится?

- Нет, нет, то есть никто этого нарочно не делает... Просто я тружусь не покладая рук, что, по правде сказать, делаю с радостью, но...

признательность и благодарность - их так не хватает!

- В этом ты можешь положиться на меня, - великодушно пообещал Имхотеп. - И твой дом здесь, запомни.

- Ты слишком добр, господин. - Помолчав, она добавила: - Рабы ждут тебя, вода уже согрета. А потом, когда они тебя омоют и оденут, тебе предстоит пойти к своей матери, она зовет тебя.

- Кто? Моя мать? Да, да, конечно...

Имхотеп чуть заметно смутился, но тут же поспешил скрыть смущение, воскликнув:

- Конечно, конечно. Я и сам собирался навестить ее. Скажи Изе, что я тотчас приду.

II

Иза, в праздничном одеянии из полотна, заложенного в мелкую складку, встретила сына язвительной усмешкой:

- Добро пожаловать, Имхотеп! Итак, ты вернулся домой - и не один, как мне донесли.

Собравшись с духом, Имхотеп спросил:

- Ты уже знаешь?

- Разумеется. Все только об этом и говорят. Я слышала, девушка очень красивая и совсем юная...

- Ей девятнадцать... И она недурна собой.

Иза рассмеялась - злым коротким смешком.

- Что ж, седина в бороду, а бес в ребро.

- Дорогая Иза, я решительно не понимаю, о чем ты.

- Ты всегда был глуп, Имхотеп, - невозмутимо проговорила Иза.

Имхотеп вновь собрался с духом и рассердился. При том что он обычно был преисполнен самомнения, матери всякий раз ничего не стоило сбить с него спесь. В ее присутствии ему всегда было не по себе. Ехидная насмешка в ее подслеповатых глазах приводила его в замешательство. Мать, отрицать не приходилось, никогда не была большого мнения о его умственных способностях. И хотя сам он не сомневался в собственной значительности, отношение матери к нему тем не менее каждый раз выводило его из равновесия.

- Разве мужчина не может привести в дом наложницу?

- Почему же? Может. Мужчины вообще в большинстве своем дураки.

- Тогда в чем же дело?

- Ты что, не понимаешь, что появление этой девушки нарушит покой в доме? Сатипи и Кайт будут вне себя и распялят своих мужей.

- А какое им до этого дело? Какое у них право быть недовольными?

- Никакого.

Имхотеп разгневанно зашагал вдоль покоев.

- Почему я не могу делать, что хочу, в собственном доме? Разве я не содержу своих сыновей и их жен? Разве не мне они обязаны хлебом, который едят? Разве я не напоминаю им об этом ежедневно?

- Чересчур часто напоминаешь, Имхотеп.

- Но это же правда. Они все зависят от меня. Все до одного.

- И ты уверен, что это хорошо?

- Разве плохо, когда человек содержит свою семью?

Иза вздохнула.

- Не забывай, что они работают на тебя.

- Ты хочешь, чтобы я позволил им бездельничать? Естественно, они работают.

- Они взрослые люди. Яхмос и Себек, по крайней мере.

- Себек мало смыслит в делах и все делает не так, как надо. К тому же он часто ведет себя крайне нагло, чего я не намерен терпеть. Вот Яхмос хороший, послушный мальчик.

- Он уже далеко не мальчик, - вставила Иза.

- Однако мне нередко приходится по несколько раз ему объяснять, прежде чем он поймет, что от него требуется. Я и так вынужден думать обо всем, поспевать всюду. Мне приходится, будучи в отъезде, присылать сыновьям подробные наставления... Я не знаю ни отдыха, ни сна! И сейчас, когда я вернулся домой, заслужив право хоть немного пожить в мире и покое, меня снова ждут неприятности. Даже ты, моя мать, отказываешь мне в праве иметь наложницу, как подобает мужчине. Ты сердишься...

- Нет, я не сержусь, - перебила его Иза. Мне даже интересно посмотреть, что будет твориться в доме. Это меня развлечет. Но я тебя предупреждаю, Имхотеп, когда ты снова задумаешь отправиться в Северные Земли, возьми девушку с собой.

- Ее место здесь, в моем доме. И горе тому, кто посмеет с ней дурно обращаться.

- Дело вовсе не в том, посмеют или не посмеют с ней дурно обращаться. Помни, что в иссушенной жарой стерне легче разжечь костер. Когда в доме слишком много женщин, добра, говорят, не жди. - Помолчав, Иза не спеша добавила: - Нофрет красива. А мужчины теряют голову, ослепленные женской красотой, и в мгновение ока превращаются в бесцветный сердолик.

И глухим голосом проговорила строку из гимна:

- "Начинается с ничтожного, малого, подобного сну, а в конце приходит смерть".

ГЛАВА IV

Третий месяц Разлива, 15-й день

I

В зловещем молчании слушал Имхотеп доклад Себека о сделке с лесом. Лицо его стало багровым, на виске билась жилка.

Вид у Себека был не столь беззаботным, как обычно. Он надеялся, что все обойдется, но, увидев, как отец все больше мрачнел, начал запинаться.

- Понятно, - наконец раздраженно перебил Имхотеп, - ты решил, что разбираешься в делах лучше меня, а потому поступил вопреки моим распоряжениям. Ты всегда так делаешь, когда меня здесь нет и я не могу за всем проследить. - Он вздохнул. - Не представляю, что стало бы с вами без меня!

- Появилась возможность заключить более выгодную сделку, - упрямо стоял на своем Себек, - вот я и пошел на риск. Нельзя вечно осторожничать.

- А когда это ты осторожничал, Себек? Ты всегда стремителен и безрассуден, а потому и принимаешь неверные решения.

- Разве у меня была когда-нибудь возможность принять решение?

- На этот раз, например, - сухо отпарировал Имхотеп. - Вопреки моему приказу...

- Приказу? Почему я должен подчиняться приказам? Я уже взрослый человек.

Потеряв терпение, Имхотеп перешел на крик:

- Кто тебя кормит? Кто одевает? Кто заботится о твоём будущем? Кто постоянно думает о твоём благополучии, о твоём и всех остальных? Когда уровень воды в Ниле упал и нам угрожал голод, разве не я присылал вам с севера еду? Тебе повезло, что у тебя такой отец, который печется обо всех вас! И что я требую взамен? Только чтобы вы прилежно трудились и следовали моим наставлениям...

- Разумеется, - возвысил голос и Себек, мы должны работать на тебя, как рабы, чтобы ты мог дарить своей наложнице золотые украшения!

Вконец разъяренный, Имхотеп двинулся на Себека.

- Наглец! Как ты смеешь так разговаривать с отцом? Берегись, не то я выгоню тебя из дому! Пойдешь куда глаза глядят!

- Берегись и ты, не то я сам уйду! У меня есть мысли... отличные мысли, как можно разбогатеть, если бы я не был связан по рукам и ногам твоими распоряжениями.

- Все сказал? - угрожающе спросил Имхотеп.

Себек, немного поостыв, сердито пробормотал:

- Да, больше мне нечего сказать... пока.

- Тогда иди и присмотри за скотом. Нечего бездельничать.

Себек резко повернулся и зашагал прочь. Когда он проходил мимо Нофрет, оказавшейся неподалеку, она искоса взглянула на него и засмеялась. Кровь бросилась Себеку в лицо, и он рванулся было к ней. Она стояла неподвижно, глядя на него презрительным взглядом из-под полуопущенных век.

Себек что-то невнятно пробурчал и двинулся в прежнем направлении. Нофрет снова рассмеялась и неспешным шагом приблизилась к Имхотепу, обратившему теперь свое внимание на Яхмоса.

- Почему ты позволил Себеку делать глупости? - напустился он на Яхмоса. - Ты обязан был помешать ему. Тебе что, неизвестно, что он совсем не сведущ в торговых делах? Он заранее уверен, что все непременно получится так, как он задумал.

- Ты не представляешь, отец, как мне трудно, - начал оправдываться Яхмос. - Ты сам велел поручить эту сделку Себеку. Мне оставалось предоставить ему возможность решать самостоятельно.

- Решать самостоятельно? Он этого не умеет. Его дело - следовать моим распоряжениям, а ты обязан смотреть за тем, чтобы он их выполнял.

- Я? По какому праву?

- По какому праву? По тому, которым я тебя оделил.

- Будь я законным совладельцем, у меня было бы право...

Он умолк, потому что подошла Нофрет. Зевая, она мяла в руках алый цветок мака.

- Имхотеп, не хочешь ли пройти в беседку на берегу водоема? Там прохладно, и я велела подать туда фрукты и пиво. Ты уже покончил с делами?

- Повремени, Нофрет, повремени немного.

- Пойдем сейчас, - тихо произнесла Нофрет. - Я хочу, чтобы ты пошел

сейчас...

На лице Имхотепа появилась смущенная улыбка. Яхмос поспешил сказать:

- Давай сначала закончим разговор. Это очень важно. Я хочу попросить тебя...

Нофрет, оставив без внимания слова Яхмоса, произнесла, обращаясь к Имхотепу:

- Ты не можешь в собственном доме поступать, как тебе хочется?

- В другой раз, сын мой, - решительно проговорил Имхотеп. - В другой раз.

И ушел вместе с Нофрет, а Яхмос, глядя им вслед, остался стоять на галерее.

Из дома появилась Сатипи.

- Ну, поговорил? - спросила она. - Что он сказал?

Яхмос вздохнул.

- Наберись терпения, Сатипи. Время было не совсем... подходящим.

- Ну, конечно! - воскликнула Сатипи. - Вечно у тебя неподходящее время. Каждый раз ты этим отговариваешься. А если по правде, просто ты боишься отца. Ты, как овца, только блеять умеешь, а не разговаривать, как мужчина! Ты что, не помнишь, что обещал поговорить с отцом в первый же день его приезда? А что получается? Из нас двоих я больше мужчина, чем ты, так оно и есть.

Сатипи остановилась, но только чтобы перевести дух.

- Ты не права, Сатипи, - мягко сказал Яхмос. - Я начал было говорить, но нас перебили.

- Перебили? Кто?

- Нофрет.

- Нофрет! Эта женщина! Твой отец не должен позволять наложнице вмешиваться в деловой разговор со своим старшим сыном. Женщинам не положено вмешиваться в дела мужчин.

Возможно, Яхмосу хотелось посоветовать Сатипи придерживаться того правила, которое она так решительно провозглашала, но он не успел раскрыть и рта.

- Твой отец должен немедленно дать ей это понять, - продолжала Сатипи.

- Мой отец, - сухо отрезал Яхмос, - не выказал ни малейшего недовольствия.

- Какой позор! - вскричала Сатипи. - Твой отец совсем потерял голову. Он позволяет ей говорить и делать все, что она хочет.

- Она очень красива... - задумчиво произнес Яхмос.

- Да, она недурна собой, - фыркнула Сатипи, - но не умеет себя вести. Плохо воспитана. Грубит нам и даже не извиняется.

- Может, это вы грубы с ней?

- Я сама вежливость. Мы с Кайт оказываем ей должное почтение. Во всяком случае, у нее нет оснований жаловаться на нас твоему отцу. Мы ждем своего часа.

Яхмос пристально взглянул на нее.

- Что значит "своего часа"?

Сатипи многозначительно рассмеялась.

- Это чисто женское понятие, тебе его не постичь. У нас есть свои возможности и свое оружие. Нофрет следовало бы держаться поскромнее. В конце концов, жизнь женщины проходит на женской половине, среди других женщин.

В ее голосе прозвучала угроза.

- Твой отец не всегда будет здесь, - добавила она. - Он снова уедет в свои северные владения. Вот тогда посмотрим!

- Сатипи...

Сатипи рассмеялась громко и весело и исчезла в глубине дома.

II

У водоема резвились дети: два сына Яхмоса, здоровые, красивые мальчишки, больше похожие на мать, чем на отца; трое детишек Себека, включая младшую крошку, едва научившуюся ходить, и четырехлетняя Тети, хорошенькая девочка с печальными глазами.

Они смеялись, кричали, подбрасывали мячи, порой ссорились, и тогда раздавался пронзительный детский плач.

Сидя рядом с Нофрет и не спеша отхлебывая пиво, Имхотеп заметил:

- Как любят дети играть возле воды. Сколько я помню, всегда было так. Но, клянусь Хатор¹², какой от них шум!

- Да, а здесь могло бы быть так покойно, - тотчас подхватила Нофрет. - Почему бы тебе не сказать, чтобы их сюда не пускали, пока ты здесь? В конце концов, следует быть почтительными к хозяину дома и дать возможность ему отдохнуть. Разве не так?

- Видишь ли... - не сразу нашелся что ответить Имхотеп. Мысль эта была новой для него, но приятной. - По правде говоря, они мне не мешают, - неуверенно закончил он. И добавил с сомнением в голосе: - Дети привыкли играть на берегу водоема.

- Когда ты уезжаешь, разумеется, - быстро согласилась Нофрет. - Но, по-моему, Имхотеп, принимая во внимание все, что ты делаешь для семьи, им полагалось бы проявлять к тебе больше почтительности, больше уважения. Ты слишком снисходителен, слишком терпелив.

- Я сам во всем виноват, - мирно проговорил Имхотеп со вздохом. - Я никогда не требовал особого почтения.

- И посему эти женщины, твои снохи, пользуются твоей добротой. Им следует дать понять - когда ты возвращаешься сюда на отдых, в доме должны быть тишина и покой. Я сейчас же пойду к Кайт и скажу ей, чтобы она увела отсюда своих детей, да и остальных тоже. Тогда сразу станет тихо.

- Ты очень заботлива, Нофрет, и добра. Ты всегда печешься о том, чтобы мне было хорошо.

- Раз хорошо тебе, значит, хорошо и мне, - отозвалась Нофрет.

Она поднялась и направилась к Кайт, которая стояла на коленях у воды, помогая своему младшему сыну, капризному, избалованному мальчишке, отправить в плавание игрушечную деревянную ладью.

- Уведи отсюда детей, Кайт, - требовательно сказала Нофрет.

Кайт непонимающе уставилась на нее.

- Увести? О чем ты говоришь? Они всегда здесь играют.

- Но не сегодня. Имхотепу нужен покой. А дети чересчур шумят.

Грубоватое, с крупными чертами лицо Кайт залилось краской.

- Не выдумывай, Нофрет! Имхотеп любит смотреть, как дети его сыновей здесь играют. Он сам говорил.

- Но не сегодня, - повторила Нофрет. - Он велел передать, чтобы ты увела всю эту свору в дом. Он хочет побыть в тишине... со мной.

- С тобой... - Кайт не договорила, поднялась с колен и подошла к беседке, где полусидел, полувозлежал Имхотеп. Нофрет последовала за ней.

Кайт не стала деликатничать.

- Твоя наложница говорит, что детей надо увести. Почему? Что они делают плохого? За что их прогоняют отсюда?

- Потому что так желает господин, разве этого не достаточно, - ровным голосом произнесла Нофрет.

- Вот именно, - раздраженно подхватил Имхотеп, - Почему я должен объяснять? Кому принадлежит этот дом, в конце концов?

- Потому что она так захотела. - Кайт повернулась к Нофрет и смерила ее взглядом.

- Нофрет заботится о том, чтобы мне было удобно, хочет сделать мне приятное, - сказал Имхотеп. - Больше никому в доме нет до этого дела, кроме, пожалуй, Хенет.

- Значит, детям больше нельзя здесь играть?

- Когда я возвращаюсь домой на отдых, нет.

- Почему ты позволяешь этой женщине, - вдруг гневно вырвалось у Кейт, - настраивать тебя против твоей собственной плоти и крови? Почему она вмешивается в давно заведенные в доме порядки?

Имхотеп счел нужным показать свою власть и заорал:

- Порядки в доме завожу я, а не ты! Вы все тут заодно поступаете, как хотите, устраиваетесь, как вам удобно. И когда я, хозяин этого дома, возвращаюсь из странствий, никто не уделяет должного внимания моим желаниям! Позволь тебе напомнить, что здесь хозяин я! Я постоянно думаю о вас, забочусь о вашем будущем - и где благодарность, где уважение к моим нуждам? Их нет. Сначала Себек ведет себя нагло и непочтительно, а теперь ты, Кайт, пытаешься меня в чем-то упрекать. Почему я обязан вас содержать? Поостерегись так разговаривать со мной, иначе я перестану вас кормить. Себек заявляет, что он уйдет. Вот и скажи ему, пусть уходит и прихватит с собой тебя и детей.

На мгновение Кайт застыла. Ее неподвижное лицо совсем окаменело.
Потом она сказала совершенно бесстрастным голосом:

- Я уведу детей в дом...

Сделав шаг-другой, она остановилась около Нофрет.

- Это дело твоих рук, Нофрет, - еле слышно проронила она. - Я этого не забуду. Я тебе этого не забуду...

ГЛАВА V

Четвертый месяц Разлива, 5-й день

I

Совершив поминальный обряд, который надлежит исполнять жрецу - хранителю гробницы, Имхотеп вздохнул с облегчением. Все до мелочей было сделано, как подобает, ибо Имхотеп был человеком в высшей степени добросовестным. Он излил вино, воскурил благовония, совершил положенные приношения еды и питья душе умершего.

И вот теперь в примыкающем к гробнице прохладном гроте, где его ждал Хори, снова превратился в землевладельца и занялся делами. Они обсудили положение в хозяйстве, что и по какой обменной цене сейчас идет, какие доходы получены от сделок с зерном, скотом и лесом.

Спустя полчаса или около того Имхотеп с удовлетворением кивнул головой.

- У тебя отличная деловая хватка, Хори, - заметил он.

- Так и должно быть, Имхотеп, - улыбнулся Хори. - Недаром я уже много лет веду твои дела.

- И преданно мне служишь. Ладно, а сейчас мне хотелось бы с тобой посоветоваться. Речь пойдет об Ипи. Он жалуется, что все им командуют.

- Он еще очень молод.

- Но проявляет большие способности. Он считает, что братья не всегда к нему справедливы. Себек, по-видимому, груб и требует беспрекословного повиновения, а Яхмос чересчур робок и осторожен, что не может не раздражать. Ипи по натуре человек горячий. Он не любит, когда ему приказывают. Более того, он говорит, что только я, его отец, имею на это право.

- Верно, - согласился Хори. - По-моему, это и порождает все недоразумения, которые не идут на пользу твоему хозяйству. Ты позволишь мне говорить откровенно?

- Разумеется, мой дорогой Хори. Твои слова всегда разумны и хорошо обдуманны.

- Тогда вот что я скажу тебе, Имхотеп. Когда ты уезжаешь, тебе следует оставлять здесь за себя человека, наделенного законными полномочиями.

- Я доверяю вести дела тебе и Яхмосу...

- Я знаю, что в твое отсутствие мы имеем право действовать от твоего имени, но этого недостаточно. Почему бы тебе не взять в совладельцы одного из сыновей, письменно засвидетельствовав его право на ведение твоих дел?

Имхотеп, нахмурившись, зашагал по залу.

- И кого же из моих сыновей ты предлагаешь? Себек умеет распоряжаться, но не умеет слушаться. Ему я не доверяю, у него дурной характер.

- Я имел в виду Яхмоса. Он твой старший сын. Человек он добрый, отзывчивый. И предан тебе.

- Да, характер у него хороший, но он чересчур уж уступчив. Со всеми соглашается. Конечно, будь Ипи постарше...

- Давать власть слишком молодому всегда опасно, - перебил его Хори.

- Верно, верно. Хорошо, Хори, я подумаю о том, что ты сказал... Яхмос, конечно, примерный сын, послушный...

- Тебе следовало бы всерьез над этим призадуматься, - мягко, но настойчиво сказал Хори.

- Что ты имеешь в виду, Хори? - внимательно взглянул на него Имхотеп.

- Только что я сказал, что опасно давать власть слишком молодому, - медленно произнес Хори. - Но столь же опасно слишком долго не давать власти.

- Ты хочешь сказать, что Яхмос привык выполнять приказания, а не приказывать сам? Пожалуй, в этом что-то есть. - Имхотеп вздохнул. - Да, нелегко править семьей. И особенно трудно управляться с женщинами. У Сатипи неукротимый нрав. Кайт никого вокруг не замечает. Но я им объяснил, что к Нофрет они должны относиться с уважением. По-моему, могу я сказать...

Он замолчал. По узкой тропинке, задыхаясь, бежал раб.

- В чем дело?

- Господин, к берегу пристала фелюга. С сообщением из Мемфиса прибыл писец по имени Камени.

Имхотеп встревоженно поднялся на ноги.

- Опять неприятности! - воскликнул он. - Это столь же несомненно, как то, что бог Ра плывет в своей лодке по небесному океану. Нас ждут новые неприятности. Стоит мне дать себе поблажку, обязательно что-нибудь случается.

Он, стуча сандалиями, поспешил вниз по тропинке, а Хори сидел неподвижно и смотрел ему вслед.

На лице его была написана обеспокоенность.

II

Ренисенб неведомо зачем бродила по берегу Нила, как вдруг услышала шум и крик и увидела, что к причалу бегут люди. Она последовала за толпой. В приближающейся к берегу фелюге стоял молодой человек, и на мгновение, когда она увидела в ярком свете солнца его силуэт, сердце ее замерло.

Безумная, несбыточная надежда овладела ею.

"Хей! Хей вернулся из Царства мертвых".

И сама же посмеялась над собой за эту тщетную надежду. В ее воспоминаниях Хей всегда виделся ей в лодке, плывущей по Нилу, а этот молодой человек походил телосложением на Хея - вот ей и пришла в голову такая фантазия. Молодой человек оказался моложе Хея, у него были ловкие, изящные движения и веселое, приветливое лицо.

Юноша представился писцом по имени Камени из северных владений Имхотепа.

За хозяином дома послали раба, а Камени отвели в дом и предложили ему еду и питье. Вскоре появился Имхотеп и долго беседовал с писцом.

О чем они говорили, стало известно на женской половине дома благодаря Хенет, которая всегда приносила все новости первой. Ренисенб порой удивлялась, каким образом Хенет удавалось выведать и разузнать даже то, что хранилось в строжайшей тайне.

Камени, сын двоюродного брата Имхотепа, как выяснилось, служил у Имхотепа писцом. Он обнаружил подделку счетов, а поскольку дело было сложным и запутанным и в подлоге оказались замешаны управляющие, он счел за лучшее самому явиться сюда и обо всем доложить хозяину. Ренисенб эта история мало интересовала. Однако доставленное Камени известие изменило все планы Имхотепа - он стал срочно готовиться к отъезду. Отец намеревался было еще месяца два пробыть дома, но теперь решил, что чем скорее он отправится на север, тем лучше.

По этому случаю были созваны все обитатели дома и щедро наделены многочисленными наставлениями и поручениями. Следует делать то и это. Яхмос ни в коем случае не должен делать того-то и того-то. Себеку надлежит проявлять благоразумие в том-то. Все это, думала Ренисенб, ей знакомо. Яхмос был само внимание, Себек мрачен и угрюм. Хори, как всегда, спокоен и деловит. От назойливых требований Ипи отец отмахнулся решительнее обычного.

- Ты еще слишком молод, чтобы получить право распоряжаться средствами на твое содержание. Слушайся Яхмоса. Ему известны мои желания и воля. - Имхотеп положил руку на плечо старшего сына. - Я доверяю тебе, Яхмос. По возвращении мы продолжим разговор о том, чтобы сделать тебя совладельцем.

Яхмос расцвел от удовольствия. И даже расправил плечи.

- Смотри только, чтобы все было в порядке, пока меня здесь нет, - продолжал Имхотеп. - Пригляди, чтобы к моей наложнице относились с должным почтением. Ты за нее в ответе. Следи за порядком на женской половине дома. Заставь Сатипи прикусить язык. Присмотри, чтобы Себек должным образом наставлял Кайт. Ренисенб тоже должна быть вежлива и предупредительна по отношению к Нофрет. Кроме того, я не потерплю, чтобы с дорогой мне Хенет обращались дурно. Я знаю, что наши женщины ее недолюбливают. Но она уже давно живет среди нас, и ей по праву позволено говорить то, что кое-кому может быть не по сердцу. Она, конечно, не блистает ни красотой, ни умом, но нам она предана и, помните, всегда блюдет мои интересы. Я не позволю выказывать ей пренебрежение.

- Все будет так, как ты велишь, отец, - ответил Яхмос. - Правда, случается, Хенет болтает лишнее.

- Подумаешь! Все женщины болтают лишнее. И Хенет не больше других. Что касается Камени, то он останется здесь. У нас есть возможность содержать еще одного писца. Он будет помогать Хори. А вот насчет того земельного участка, который мы отдали в аренду женщине по имени Яаи...

Имхотеп перешел к делам по хозяйству.

Когда наконец все было готово к отплытию, Имхотепа вдруг одолели сомнения. Он отвел Нофрет в сторону и тихо спросил:

- Нофрет, ты довольна, что остаешься здесь? Может, тебе лучше поехать со мной?

Нофрет покачала головой и улыбнулась.

- Ты ведь скоро вернешься, - сказала она.

- Месяца через три, а может, и четыре. Кто знает?

- Вот видишь, скоро. А мне здесь будет хорошо.

- Я поручил Яхмосу и двум другим моим сыновьям выполнять каждое твое желание, - самоуверенно проговорил Имхотеп. - В случае малейшего твоего недовольства на их головы падет мой гнев.

- Они выполняют твой приказ, Имхотеп, не сомневаюсь. - Нофрет помолчала. - Кому, по-твоему, я могу полностью доверять? Кто по-настоящему тебе предан? Я не говорю о членах семьи.

- Хори. Мой дорогой Хори. Он поистине моя правая рука, человек разумный и выдержанный.

- Но он и Яхмос как братья, - задумчиво произнесла Нофрет. - Может...

- Тогда Камени. Он тоже писец. Я приставлю его к тебе в услужение. Если ты будешь чем-то недовольна, продиктуй ему письмо ко мне.

- Отличная мысль, - кивнула Нофрет. - Камени приехал из Северных Земель. Он знает моего отца. Твои родственники не смогут на него повлиять.

- И Хенет! - вспомнил Имхотеп. - Есть еще Хенет.

- Да, - с сомнением в голосе согласилась Нофрет, - еще, есть Хенет. Быть может, ты поговоришь с нею сейчас, в моем присутствии?

- С удовольствием.

За Хенет послали, и она тотчас явилась, будто только этого и ждала. Она принялась сетовать по поводу отъезда Имхотепа. Но он прервал ее причитания:

- Да, да, моя дорогая Хенет, но от этого никуда не денешься. Я из тех людей, кому редко удастся отдохнуть в тиши и покое. Я должен день и ночь трудиться на благо моей семьи, хотя это принимается как должное. А сейчас мне нужно всерьез поговорить с тобой. Я знаю, что ты служишь мне верно и преданно. А потому могу полностью тебе доверять. Охраняй Нофрет, она мне очень дорога.

- Тот, кто дорог тебе, господин, дорог и мне, - твердо заявила Хенет.

- Очень хорошо. Значит, ты будешь предана Нофрет всей душой?

Хенет повернулась к Нофрет, которая наблюдала за ней из-под полуопущенных век.

- Ты чересчур красива, Нофрет, - сказала она, - вот в чем беда. Поэтому все тебе завидуют. Но я присмотрю за тобой и буду передавать тебе все, что они говорят или замышляют. Можешь на меня рассчитывать!

Наступило молчание. Взгляды обеих женщин встретились.

- Можешь на меня рассчитывать, - повторила Хенет.

Улыбка, странная, загадочная улыбка тронула губы Нофрет.

- Да, - согласилась она, - я верю тебе, Хенет. И думаю, что могу на тебя рассчитывать.

Имхотеп громко откашлялся.

- Значит, мы договорились. Все в порядке. Улаживать дела - это я умею, как никто.

В ответ послышался сдержанный смешок. Имхотеп резко обернулся и увидел в дверях главного зала свою мать. Она стояла, опираясь на палку, и

казалась еще более высохшей и ехидной, нежели обычно.

- Какой у меня замечательный сын! - обронила она.

- Я должен спешить... Мне надо еще кое-что сказать Хори... - озабоченно пробормотал Имхотеп и так поспешно вышел из зала, что ему удалось не встретиться с матерью взглядом.

Иза повелительно кивнула головой Хенет, и та беспрекословно выскользнула из главных покоев.

Нофрет встала. Они с Изой смотрели друг на друга.

- Итак, мой сын оставляет тебя здесь? - спросила Иза. - Советую тебе ехать с ним, Нофрет.

- Он хочет, чтобы я осталась здесь.

Голос Нофрет был тихим и кротким. Иза коротко рассмеялась.

- И вправду, какой толк ему брать тебя с собой! Но почему ты не хочешь ехать - вот чего я не понимаю. Что задерживает тебя здесь? Ты жила в городе, много, наверное, путешествовала. Почему ты предпочитаешь остаться в этом скучном доме среди людей, которые, я буду откровенна, тебя не любят, более того, ненавидят?

- И ты меня ненавидишь?

- Нет, - покачала головой Иза, - у меня нет к тебе ненависти. Я уже старуха и, хотя плохо вижу, все же способна разглядеть красоту и любоваться ею. Ты красива, Нофрет, и мне приятно на тебя смотреть. Потому что ты красива, я не желаю тебе зла. Но послушай меня: поезжай в Северные Земли вместе с моим сыном.

- Он хочет, чтобы я осталась здесь, - повторила Нофрет.

В покорном тоне теперь явно слышалась насмешка.

- Ты остаешься здесь с какой-то целью, - резко сказала Иза. - Интересно, с какой? Что ж, потом пеняй на себя. А пока будь осмотрительна и благоразумна. И никому не доверяй!

Она круто повернулась и вышла из зала. Нофрет стояла неподвижно. Медленно, очень медленно ее губы раздвинулись в усмешке, делая ее похожей на разозлившуюся кошку.

ГЛАВА VI

Первый месяц Зимы, 4-й день

I

Ренисенб взяла себе в обычай почти каждый день подниматься наверх к гробнице. Иногда она заставляла там Яхмоса и Хори, иногда одного Хори, а порой там вовсе никого не было, но всегда, поднявшись, Ренисенб испытывала странное чувство облегчения и покоя, едва ли не избавления от какой-то опасности. Больше всего ей нравилось, когда она находила у гробницы одного Хори. Ей была приятна его сдержанность: не любопытствуя ни о чем, он одобрительно принимал ее появление. Обхватив одно колено руками, она садилась в тени у входа в грот - обитель Хори - и устремляла взор на полосу зеленых полей, туда, где сверкали воды Нила, сначала бледно-голубые, потом в дымке желтовато-коричневые, а дальше кремово-розовые.

Первый раз она поднялась туда, когда ее вдруг охватило непреодолимое желание избавиться от женского общества. Ей хотелось тишины и дружеского участия, и она обрела их там. Это желание не исчезло и потом, но уже не из-за стремления бежать из дома, где царили суета и раздоры, а из-за ощущения, что грядет нечто более грозное.

- Я боюсь... - однажды сказала она Хори.

- Чего ты боишься, Ренисенб? - изучающе посмотрел на нее он.

- Ты как-то говорил про болезни, которые поражают плоды. И недавно мне пришло в голову, что то же самое происходит с людьми.

Хори кивнул головой.

- Значит, ты поняла... Да, Ренисенб, это так.

Неожиданно для себя самой Ренисенб сказала:

- Именно это происходит у нас в доме. К нам пришло зло. И я знаю, кто его принес. Нофрет.

- Ты так считаешь? - спросил Хори.

- Да, - энергично потрянула головой Ренисенб, - да. Я знаю, о чем говорю. Послушай, Хори, когда я вернулась сюда к вам и сказала, что все в доме осталось по-прежнему, даже ссоры между Сатипи и Кайт, это была правда. Их ссоры, Хори, были не настоящие. Они были для них развлечением, заполняли досуг, женщины не испытывали друг к другу неприязни. Но теперь все стало по-другому. Теперь они не просто ругаются, теперь они на самом деле стараются оскорбить друг друга и, когда видят, что цель достигнута, искренне радуются! Это страшно, Хори, страшно! Вчера Сатипи так разозлилась, что воткнула Кайт в руку длинную золотую булавку, а два-три дня назад Кайт опрокинула тяжелую медную кастрюлю с кипящим маслом Сатипи на ногу. Сатипи целый вечер бранит Яхмоса - ее слышно во всех покоях. Яхмос выглядит усталым и задерганным. А Себек ходит в деревню, знает там с женщинами и, возвратившись домой пьяным, кричит о том, какой он умный.

- Да, все это так, я знаю, - нехотя согласился Хори. - Но при чем тут Нофрет?

- Потому что это дело ее рук. Она шепнет одному одно, другому другое, какую-то мелочь, но не глупость - вот тут-то все и начинается! Она как стрекало, которым подгоняют вола. И ведь знает, что шептать. Иногда мне кажется, что ей подсказывает Хенет...

- Да, - задумчиво сказал Хори. - Вполне может быть.

Ренисенб вздрогнула.

- Не люблю я Хенет. Противно смотреть, как она крадучись ходит по дому. Твердит, что предана нам всей душой, но кому нужна ее преданность? Как могла моя мать привезти ее сюда и так привязаться к ней?

- Мы знаем об этом только со слов самой Хенет, - сухо отозвался Хори.

- И с чего это Хенет так полюбила Нофрет, что ходит за ней по пятам, прислуживает ей и что-то нашептывает? О Хори, если бы ты знал, как мне страшно! Я ненавижу Нофрет! Хорошо бы она куда-нибудь уехала! Она красивая, но жестокая и плохая!

- Какой ты еще ребенок, Ренисенб. - И тихо добавил: - Она идет сюда.

Ренисенб повернула голову и увидела, как по крутой тропинке, что шла вверх к гробнице, поднимается Нофрет. Она чему-то улыбалась про себя и тихо напевала.

Дойдя до того места, где они сидели, она огляделась вокруг. На лице ее было написано лукавое любопытство.

- Вот, значит, куда ты бегаешь ежедневно, Ренисенб.

Ренисенб сердито молчала, как ребенок, тайное убежище которого оказалось раскрытым.

Нофрет огляделась.

- А это и есть знаменитая гробница?

- Совершенно верно, Нофрет, - ответил Хори.

Она взглянула на него и улыбнулась своей хищной улыбкой.

- Она, верно, приносит тебе недурной доход, а, Хори? Ты ведь человек деловой, я слышала, - со злой насмешкой добавила она, но на Хори это не произвело впечатления. Он по-прежнему улыбался ей своей тихой, степенной улыбкой.

- Она приносит недурной доход всем нам... Смерть всегда кому-нибудь выгодна...

Нофрет вздрогнула, обежала взглядом столы для приношений, вход в усыпальницу и ложную дверь.

- Я ненавижу смерть! - воскликнула она.

- Напрасно, - тихо проговорил Хори. - Смерть - главный источник богатств у нас в Египте. Смерть оплатила украшения, что на тебе надеты, Нофрет. Смерть тебя кормит и одевает.

- Что ты имеешь в виду? - не сводила с него глаз Нофрет.

- Имхотеп - жрец "ка", он совершает заупокойные обряды. Все его земли, весь его скот, лес, лен и ячмень дарованы ему за то, что он служит душе умершего.

Он помолчал, а потом задумчиво продолжал:

- Странные люди мы, египтяне. Мы любим жизнь и потому очень рано начинаем готовиться к смерти. Вот куда идет богатство Египта - в пирамиды, в усыпальницы, в земельные наделы, которые придаются гробницам.

- Перестань говорить о смерти! - крикнула Нофрет. - Я не хочу этого слышать.

- Потому что ты настоящая египтянка, потому что ты любишь жизнь, потому что... и ты порой чувствуешь, что смерть бродит где-то поблизости...

- Перестань!

Она едва не бросилась на него. Потом, пожав плечами, отвернулась и пошла вниз по тропинке. Ренисенб вздохнула с облегчением.

- Как хорошо, что она ушла, - с наивной откровенностью проговорила она. - Ты ее напугал, Хори.

- Пожалуй... А ты тоже испугалась, Ренисенб?

- Нет, - не совсем уверенно произнесла Ренисенб. - Все, что ты сказал, чистая правда, только я почему-то раньше об этом не задумывалась: ведь мой отец священнослужитель души усопшего.

- Весь Египет одержим мыслями о смерти! - с внезапной горечью воскликнул Хори. - И знаешь почему, Ренисенб? Потому что мы верим только в то, что видим, а думать не умеем и боимся представить себе, что будет с нами после смерти. Вот и воздвигаем пирамиды и гробницы, укрываясь в них от будущего и не надеясь на богов.

Ренисенб с удивлением смотрела на него.

- Что ты говоришь, Хори? У нас ведь так много богов, так много, что я не в силах их всех запомнить. Только вчера вечером мы вели разговор о том, кому какой из богов больше нравится. Себеку, оказалось, Сехмет¹³, а Кайт молится богине Мехит¹⁴. Камени всем богам предпочитает Тота¹⁵ - ну конечно, ведь он писец. Сатипи верит в коршуноголового Гора¹⁶ и нашу здешнюю богиню Меритсегер¹⁷. Яхмос сказал, что поклоняется Птаху, потому что он творец всего на земле. Я больше других люблю Исиду¹⁸. А Хенет утверждает, что лучше всех наш местный бог Амон¹⁹. По ее словам, среди жрецов ходит поверие, что в один прекрасный день Амон станет самым могущественным богом в Египте, поэтому она приносит жертвы ему, хотя пока он совсем не главный бог. И затем есть Ра, бог солнца, и Осирис, перед которым взвешивают на весах сердца умерших.

Ренисенб с трудом перевела дыхание и умолкла. Хори улыбался.

- А в чем, Ренисенб, различие между богом и человеком?

Она опять удивилась.

- Боги умеют творить чудеса.

- И это все?

- Я не понимаю, о чем ты говоришь, Хори.

- Я хочу сказать, что тебе бог, по-видимому, представляется только мужчиной или женщиной, которые способны делать то, чего не могут делать обычные люди.

- Странно ты рассуждаешь! Я не понимаю тебя.

Она озадаченно смотрела на него, а когда взглянула вниз в долину, ее внимание привлекло нечто иное.

- Посмотри! - воскликнула она. - Нофрет беседует с Себеком. Она смеется. И вдруг ахнула. - Нет, ничего. Мне показалось, что он хочет ее ударить. Она пошла в дом, а он поднимается сюда.

Явился Себек, мрачный, как грозовая туча.

- Пусть крокодил сожрет эту женщину! - выкрикнул он. - Мой отец сделал большую, чем всегда, глупость, взяв ее себе в наложницы.

- Чем она тебе так досадила? - поинтересовался Хори.

- Она как всегда оскорбила меня! Спросила, поручил ли мне отец и на этот раз торговать лесом. Я готов был задушить ее.

Он походил по площадке и, подобрав камень, швырнул его вниз в долину. Потом тронул камень покрупнее, но отскочил, когда свернувшаяся в клубок под камнем змея подняла голову. Она, шипя, вытянулась, и Ренисенб увидела, что это кобра.

Схватив тяжелую палку, Себек яростно бросился на змею и, хотя первым же удачным ударом переломил ей хребет, все равно продолжал с остервенением бить по ней палкой, откинув голову и что-то злобно бормоча сквозь зубы. Глаза его сверкали.

- Перестань, Себек! - крикнула Ренисенб. - Перестань! Змея уже мертвая.

Себек остановился, забросил подальше палку и рассмеялся.

- Одной ядовитой змеей меньше на свете.

И снова расхохотался. Он заметно повеселел и зашагал вниз по тропинке.

- По-моему, Себеку нравится убивать, - тихо заметила Ренисенб.

- Да, - не выказав удивления, проговорил Хори, по-видимому, лишь подтверждая то, что давно знал. Ренисенб повернулась к нему.

- Змей надо бояться, - произнесла она. - Но какой красивой была эта кобра...

Она не могла отвести глаз от растерзанной змеи. Почему-то сердце ее пронзило острое сожаление.

- Я помню, когда мы все еще были детьми, - не спеша заговорил Хори, - Себек подрался с Яхмосом. Яхмос был на год старше, но Себек крупнее, и сильнее. Он схватил камень и принялся бить Яхмоса по голове. Прибежала ваша мать и разняла их. Я помню, как она кричала: "Нельзя этого делать, Себек, нельзя, это опасно. Говорю тебе, это опасно!" - Он помолчал и добавил: - Она была очень красивая... Я понимал это еще в детстве. Ты похожа на нее, Ренисенб.

- Правда? - обрадовалась Ренисенб. И спросила: - А Яхмос сильно пострадал?

- Нет, хотя поначалу казалось, что сильно. Зато Себек на следующий день заболел. По-видимому, чем-то отравился, но ваша мать сказала, что это из-за его злости и жаркого солнца. Стояла самая середина лета.

- У Себека горячий нрав, - задумчиво проронила Ренисенб.

Она снова бросила взгляд на мертвую змею и, вздрогнув, отвернулась.

II

Когда Ренисенб подошла к дому, на галерее сидел Камени со свитком папируса. Он пел. Она остановилась и прислушалась к словам песни.

В Мемфис хочу поспеть и богу Пта взмолиться:
Любимую дай мне сегодня ночью!
Река - вино!
Бог Пта - ее тростник,
Растений водяных листы - богиня Сехмет,
Бутоны их - богиня Иарит²⁰, бог Нефертум²¹ - цветок.
Блистая красотой, ликует Золотая²²,
И на земле светло.
Вдали Мемфис,
Как чаша с померанцами, поставлен
Рукою бога.

Он поднял глаза и улыбнулся.
- Тебе нравится моя песня, Ренисенб?
- А что это такое?
- Это любовная песня, которую поют в Мемфисе.
И не спуская с нее глаз, тихо повторил:

В Мемфис хочу поспеть и богу Пта взмолиться:
Любимую дай мне сегодня ночью!

Лицо Ренисенб залилось краской. Она вбежала в дом, едва не столкнувшись с Нофрет.

- Почему ты так спешишь, Ренисенб?

В голосе Нофрет звучало раздражение. Ренисенб удивленно взглянула на нее. Нофрет не улыбалась. Лицо ее было мрачно-напряженным, руки стиснуты в кулаки.

- Извини, Нофрет, я тебя не разглядела. Здесь, в доме, темно, когдаходишь со света.

- Да, здесь темно... - Нофрет секунду помолчала. - Куда приятнее

побыть на галерее и послушать, как Камени поет. Он ведь хорошо поет, правда?

- Да. Да, конечно.

- Но ты не стала слушать. Камени будет огорчен.

Щеки у Ренисенб снова зарделись. Ей было неуютно под холодным, насмешливым взглядом Нофрет.

- Тебе не нравятся любовные песни, Ренисенб?

- А тебя интересует, что мне нравится, а что нет, Нофрет?

- Ага, значит, у кошечки есть коготки?

- Что ты хочешь этим сказать?

Нофрет рассмеялась.

- Оказывается, ты не такая дурочка, какой кажешься, Ренисенб. Как по-твоему, Камени красивый, да? Что ж, это его обрадует, не сомневаюсь.

- По-моему, ты ведешь себя гнусно, - разозлилась Ренисенб.

Она пробежала мимо Нофрет в глубь дома, слыша позади ее язвительный смех. Но он не заглушил в ее памяти голос Камени и звуки песни, которую он пел, не сводя глаз с ее лица...

III

В ту ночь Ренисенб приснился сон.

Они с Хеем плыли в ладье усопших в Царство мертвых. Хей стоял на носу ладьи - ей был виден только его затылок. Когда забрезжил рассвет, Хей повернул голову, и Ренисенб увидела, что это не Хей, а Камени. И в ту же минуту нос лодки превратился в голову извивающейся змеи. "Ведь это живая змея, кобра, - подумала Ренисенб, - та самая, что выползает из-под гробницы, чтобы пожирать души усопших". Ренисенб окаменела от страха. А потом голова змеи оказалась головой женщины с лицом Нофрет, и Ренисенб проснулась с криком:

- Нофрет! Нофрет!

Она вовсе не кричала, все это ей приснилось. Она лежала неподвижно, сердце ее билось, подтверждая, что все увиденное - лишь сон. И Ренисенб вдруг подумала: "Вот что бормотал Себек, когда убивал змею: "Нофрет... Нофрет..."

ГЛАВА VII

Первый месяц Зимы, 5-й день

I

Разбуженная страшным сном, Ренисенб никак не могла уснуть, лишь время от времени на мгновение впадая в забытие. Когда под утро она открыла глаза, предчувствие неминуемой беды уже не оставляло ее.

Она встала рано и вышла из дому. Ноги сами повели ее, как бывало часто, на берег Нила. Там рыбаки снаряжали большую ладью, и вот, влекомая вперед мощными взмахами весел, она устремилась в сторону Фив. На воде качались лодки с парусами, хлопающими от слабых порывов ветра.

В сердце Ренисенб что-то пробудилось - какое-то смутное желание, которое она не могла определить. Она подумала: "Я чувствую... Я чувствую..." Но что она чувствует, она не знала. То есть не могла подыскать слов, чтобы выразить свое ощущение. Она подумала: "Я хочу... Но что я хочу?"

Хотела ли она увидеть Хея? Но Хей умер и никогда к ней не вернется. Она сказала себе: "Я больше не буду вспоминать Хея. Зачем? Все кончено, навсегда".

Затем она заметила, что на берегу стоит еще кто-то, глядя вслед уплывающей к Фивам ладье. Узнав в неподвижной фигуре, от которой веяло горьким одиночеством, Нофрет, Ренисенб была потрясена.

Нофрет смотрела на Нил. Нофрет одна. Нофрет задумалась - о чем?

И тут Ренисенб вдруг поняла, как мало они все знают о Нофрет. Сразу приняли ее за врага, за чужую, им не было дела до того, где и как она жила прежде.

Как должно быть Нофрет тяжело, внезапно осознала Ренисенб, очутиться здесь одной, без друзей, в окружении людей, которым она не по Душе.

Ренисенб нерешительно направилась к Нофрет, подошла и встала рядом. Нофрет бросила на нее мимолетный взгляд, потом отвернулась и снова стала смотреть на реку. Лицо ее было бесстрастно.

- Как много лодок на реке, - робко заметила Ренисенб.

- Да.

И, подчиняясь какому-то смутному порыву завязать дружбу, Ренисенб продолжала:

- Там, откуда ты приехала, тоже так?

Нофрет коротко рассмеялась - в ее смехе звучала горечь.

- Отнюдь. Мой отец - купец из Мемфиса. А в Мемфисе весело и много забав. Играет музыка, люди поют и танцуют. Кроме того, отец часто путешествует. Я побывала с ним в Сирии, видела царство Вавилонское. Я плавала на больших судах в открытом море.

Она говорила с гордостью и воодушевлением.

Ренисенб молча слушала, поначалу не очень представляя себе то, о чем рассказывала Нофрет, но постепенно ее интерес и понимание росли.

- Тебе, должно быть, скучно у нас, - наконец сказала она.

Нофрет нервно рассмеялась.

- Здесь сплошная тоска. Только и говорят про пахоту и сев, про жатву и укос, про урожай и цены на лен.

Ренисенб странно было это слышать, она с удивлением смотрела на Нофрет. И внезапно, почти физически, она ощутила ту волну гнева, горя и отчаяния, которая исходила от Нофрет.

"Она совсем юная, моложе меня. И ей пришлось стать наложницей старика, спесивого, глупого, хотя и доброго старика, моего отца..."

Что ей, Ренисенб, известно про Нофрет? Ничего. Что сказал вчера Хори, когда она выкрикнула: "Она красивая, но жестокая и плохая"? - "Какой ты еще ребенок, Ренисенб", - вот что он сказал. Теперь Ренисенб поняла, что он имел в виду. Ее слова были наивны - нельзя судить о человеке, ничего о нем не ведая. Какая тоска, какая горечь, какое отчаяние скрывались за жестокой улыбкой на лице Нофрет? Что она, Ренисенб, или кто-нибудь другой из их семьи сделали, чтобы Нофрет чувствовала себя у них как дома?

Запинаясь, Ренисенб проговорила:

- Ты ненавидишь нас всех... Теперь мне понятно почему... Мы не были доброжелательны к тебе. Но еще не поздно. Разве не можем мы, ты, Нофрет, и я, стать сестрами? Ты далеко от своих друзей, ты одинока, так не могу ли я помочь тебе?

Ее сбивчивые слова были встречены молчанием. Наконец Нофрет

медленно повернулась.

Секунду-другую выражение ее лица оставалось прежним - только взгляд, показалось Ренисенб, чуть потеплел. В тиши раннего утра, когда все вокруг дышало ясностью и покоем, Ренисенб почудилось, будто Нофрет чуть оттаяла, будто слова о помощи проникли сквозь непрístupную стену.

Это было мгновение, которое Ренисенб запомнила навсегда...

Затем постепенно лицо Нофрет исказилось злобой, глаза засверкали, а во взгляде запылали такая ненависть и ожесточение, что Ренисенб даже попятилась.

- Уходи! - в ярости прохрипела Нофрет. - Мне от вас ничего не нужно. Вы все дураки, вот вы кто, все до единого...

Помедлив секунду, она круто повернулась и быстро зашагала в сторону дома.

Ренисенб двинулась вслед за ней. Странно, но слова Нофрет вовсе ее не рассердили. Они открыли ее взору черную бездну ненависти и горя, до сих пор ей самой неведомую, и навели на мысль, пока не совсем четкую, как страшно быть во власти таких чувств.

II

Когда Нофрет, войдя в ворота, шла через двор, дорогу ей заступила, догоняя мяч, одна из дочерей Кайт.

Нофрет с такой силой толкнула девочку, что та растянулась на земле. Услышав ее вопль, Ренисенб подбежала и подняла ее.

- Разве так можно, Нофрет! - упрекнула ее Ренисенб. - Смотри, она ушиблась. У нее ссадина на подбородке.

Нофрет резко рассмеялась.

- Значит, я все время должна думать о том, чтобы ненароком не задеть одно из этих избалованных отродьев? С какой стати? Разве их матери считаются с моими чувствами?

Услышав плач ребенка, из дома выскочила Кайт. Она подбежала к девочке, осмотрела ее личико. И повернулась к Нофрет.

- Ядовитая змея! Злыдня! Подожди, мы еще расправимся с тобой! - И изо всех сил ударила Нофрет по лицу. Ренисенб вскрикнула и перехватила ее руку, предупреждая второй удар.

- Кайт! Кайт! Что ты делаешь, так нельзя.

- Кто сказал, что нельзя? Берегись, Нофрет. В конце концов, нас здесь много, а ты одна.

Нофрет не двигалась с места. На щеке у нее алел четкий отпечаток руки Кайт. Возле глаза кожа была рассечена браслетом, что был у Кайт на запястье, и по лицу текла струйка крови.

Но что поразило Ренисенб - это выражение лица Нофрет. Да, поразило и напугало. Нофрет не рассердилась. Наоборот, взгляд у нее был почему-то торжествующим, а рот снова растянулся, как у разозлившейся кошки, в довольной усмешке.

- Спасибо, Кайт, - сказала она. И вошла в дом.

III

Что-то мурлыча про себя и полузакрыв глаза, Нофрет позвала Хенет.

Хенет прибежала, остановилась пораженная, заохала... Нофрет велела ей замолчать.

- Разыщи Камени. Скажи ему, чтобы принес палочку, которой пишут, и папирус. Нужно написать письмо господину.

Хенет не сводила глаз со щеки Нофрет.

- Господину?.. Понятно... - И, не выдержав, спросила: - Кто это сделал?

- Кайт, - тихо улыбнулась Нофрет, вспоминая происшедшее.

Хенет покачала головой, цокая языком.

- Ах, как дурно, очень дурно... Об этом обязательно надо сообщить господину. - Она искоса поглядела на Нофрет. - Да, Имхотепу следует об этом знать.

- Мы с тобой, Хенет, мыслим одинаково... - ласково произнесла Нофрет. - По-моему тоже, господину следует об этом знать.

Она сняла со своего одеяния оправленный в золото аметист и положила его в руку Хенет.

- Мы с тобой, Хенет, всем сердцем печемся о благополучии Имхотепа.

- Нет, я этого не заслужила, Нофрет... Ты чересчур великодушна... Такой прекрасной работы вещица!

- Имхотеп и я, мы оба ценим преданность.

Нофрет улыбалась, по-кошачьи щуря глаза.

- Приведи Камени, - сказала она. - И сама приходи вместе с ним. Вы с ним будете свидетелями того, что произошло.

Камени явился без большой охоты, хмурый и недовольный.

- Ты не забыл, что тебе велел Имхотеп перед отъездом? - свысока обратилась к нему Нофрет.

- Нет, не забыл.

- Сейчас настало время, - продолжала Нофрет. - Садись, бери чернила и палочку и пиши, что я скажу. - И, поскольку Камени все еще медлил, нетерпеливо добавила: - То, что ты напишешь, ты видел собственными глазами и слышал собственными ушами, и Хенет тоже подтвердит все, что я скажу. Письмо следует отправить немедленно и никому про него не говорить.

- Мне не по душе... - медленно возразил Камени.

- Я не собираюсь жаловаться на Ренисенб, - метнула на него взгляд Нофрет. - Она глупое и жалкое создание, но меня она не пыталась обижать. Тебя это удовлетворяет?

Бронзовое лицо Камени запылало.

- Я об этом и не думал...

- А по-моему, думал, - тихо сказала Нофрет. - Ладно, приступай к выполнению своих обязанностей. Пиши.

- Пиши, пиши, - вмешалась Хенет. - Я очень огорчена тем, что произошло, очень. Имхотепу непременно следует об этом знать. Пусть справедливость восторжествует. Как ни трудно, но человек обязан выполнять свой долг. Я всегда так считала.

Нофрет беззвучно рассмеялась.

- Я в этом не сомневалась, Хенет. Ты неизменно выполняешь свой долг! А Камени будет делать свое дело. Я же... я буду поступать, как мне хочется...

Но Камени все еще медлил. Лицо у него было мрачное, почти злое.

- Не нравится мне это, - повторил он. - Нофрет, лучше бы тебе не спешить и сначала подумать.

- Ты смеешь говорить это мне?

Ее тон задел самолюбие Камени. Он отвел взгляд, лицо его окаменело.

- Берегись, Камени, - тихо произнесла Нофрет. - Имхотеп полностью в моей власти. Он слушается меня и... пока тобой доволен... - Она многозначительно умолкла.

- Ты мне угрожаешь, Нофрет? - спросил Камени.

- Возможно.

Мгновение он со злостью смотрел на нее, затем склонил голову.

- Я сделаю, что ты скажешь, Нофрет, но думаю, тебе придется об этом пожалеть.

- Ты угрожаешь мне, Камени?

- Я предупреждаю тебя...

ГЛАВА VIII

Второй месяц Зимы, 10-й день

I

День шел за днем, и Ренисенб порой казалось, что она живет как во сне.

Дальнейших робких попыток подружиться с Нофрет она не предпринимала. Теперь она ее боялась. В Нофрет было что-то такое, чего Ренисенб не могла понять.

С того дня, когда произошла ссора во дворе, Нофрет изменилась. В ней появилась какая-то странная удовлетворенность, ликование, которые были непостижимы для Ренисенб. Иногда ей думалось, что смешно и глупо считать Нофрет глубоко несчастной. Нофрет, казалось, была довольна собой и всем, что ее окружало.

А в действительности все вокруг Нофрет изменилось, и определенно не в ее пользу. В первые дни после отъезда Имхотепа Нофрет намеренно, по мнению Ренисенб, сеяла вражду между членами их семьи и преуспела в этом.

Теперь же все в доме объединилось против прищелицы. Прекратились ссоры между Сатипи и Кайт. Сатипи перестала ругать вконец растерявшегося Яхмоса. Себек стих и хвастался куда меньше. Ипи стал вести себя более уважительно к старшим братьям. В семье, казалось, воцарилось полное согласие, но оно не принесло Ренисенб душевного спокойствия, ибо породило стойкую скрытую неприязнь к Нофрет.

Обе женщины, Сатипи и Кайт, больше с ней не ссорились - они ее избегали. Не затевали с Нофрет разговоров и, как только она появлялась во дворе, тотчас подхватывали детей и куда-нибудь удалялись. И в то же время в доме стали случаться мелкие, но странные происшествия. Одно льняное одеяние Нофрет оказалось прожженным чересчур горячим утюгом, а другое запачкано краской. За ее одежды почему-то цеплялись колючки, а

возле кровати нашли скорпиона. Еда, которую ей подавали, была то чересчур переперчена, то в нее вовсе забыли положить специи. А однажды в испеченном для нее хлебе очутилась дохлая мышь.

Это было тихое, мелочное, но безжалостное преследование - ничего очевидного, ничего такого, к чему можно было бы придраться, - одним словом, типичная женская месть.

Затем, в один прекрасный день, старая Иза призвала к себе Сатипи, Кайт и Ренисенб. За креслом Изы уже стояла Хенет, качая головой и заламывая руки.

- Чем, мои умные внучки, - спросила Иза, вглядываясь в женщин с присущим ей ироническим выражением на лице, - объяснить, что одежды Нофрет, как я слышала, испорчены, а ее еду нельзя взять в рот?

Сатипи и Кайт улыбнулись. Улыбка их отнюдь не грела душу.

- Разве Нофрет тебе жаловалась? - спросила Сатипи.

- Нет, ответила Иза и сдвинула набок накладные волосы, которые она носила даже дома. - Нет, Нофрет не жаловалась. Вот это-то меня и беспокоит.

- А меня нет, - вскинула свою красивую голову Сатипи.

- Потому что ты дура, - заметила Иза. - У Нофрет вдвое больше ума, чем у каждой из вас...

- Посмотрим, - усмехнулась Сатипи. Она, по-видимому, пребывала в хорошем настроении и была довольна собой.

- Зачем вы все это делаете? - спросила Иза.

Лицо Сатипи отвердело.

- Ты старый человек, Иза. Не хотелось бы говорить с тобой непочтительно, но то, чему ты уже не придаешь значения, остается важным для нас, ибо у нас есть мужья и малые дети. Мы решили взять дело в свои руки и наказать женщину, которая пришлась нам не ко двору и не по душе.

- Отличные слова, - сказала Иза. - Отличные. - Она хихикнула. - Только не все годится, что говорится.

- Вот это верно и умно, - вздохнула Хенет из-за кресла.

Иза повернулась к ней.

- Хенет, что говорит Нофрет по поводу происходящего? Ты ведь знаешь. Все время крутишься при ней.

- Так приказал Имхотеп. Мне это противно, но я обязана выполнять волю господина. Не думаешь же ты, я надеюсь...

- Мы все это знаем, Хенет, - прервала ее нытье Иза. - Что ты всем нам предана и что тебя мало благодарят. Я спрашиваю, что говорит по этому поводу Нофрет?

- Она ничего не говорит, - покачала головой Хенет. - Только улыбается.

- Вот именно. - Иза взяла с блюда, что стояло у ее локтя, ююбу, внимательно осмотрела и только потом положила себе в рот. А затем вдруг резко и зло сказала: - Вы дуры, все трое. Власть на стороне Нофрет, а не на вашей. Все, что вы делаете, ей только на пользу. Могу поклясться, что ваши проделки даже доставляют ей удовольствие.

- Еще чего, - возразила Сатипи. - Нофрет одна, а нас много. Какая у нее власть?

- Власть молодой красивой женщины над стареющим мужчиной. Я знаю, о чем говорю. - И, повернув голову, Иза добавила: - И Хенет понимает, о чем я говорю.

Верная себе Хенет принялась вздыхать и заламывать руки.

- Господин только о ней и думает. Что естественно, вполне естественно в его возрасте.

- Иди на кухню, - приказала Иза. - И принеси мне фиников и сирийского вина. Да еще меду.

Когда Хенет вышла, старуха сказала:

- Я чувствую, что замышляется что-то дурное, чую по запаху. И всем этим заправляешь ты, Сатипи. Так будь же благоразумна, коли считаешь себя умной. Не лей воду на чужую мельницу!

И, откинувшись на спинку кресла, закрыла глаза.

- Я вас предупредила - теперь уходите.

- Власть на стороне Нофрет, еще чего! - тряхнула головой Сатипи, когда они очутились возле водоема. - Иза уже такая старая, что в голову ей приходят совсем несуразные мысли. Власть на нашей стороне, а не у Нофрет. Не будем делать ничего такого, что дало бы ей возможность жаловаться на нас с доказательствами в руках. И тогда скоро, очень скоро она пожалеет, что вообще приехала сюда.

- Какая ты жестокая! - воскликнула Ренисенб.

Сатипи язвительно проговорила:

- Не притворяйся, будто любишь Нофрет, Ренисенб.

- А я и не притворяюсь. Но в тебе столько злости!

- Я забочусь о моих детях и о Яхмосе. Я не из тех, кто терпит оскорбления. У меня есть чувство собственного достоинства. И я с удовольствием бы свернула этой женщине шею. К сожалению, это нелегко сделать. Можно навлечь на себя гнев Имхотепа. Но, по-моему, кое-что придумать можно.

II

Копьем, вонзившимся в рыбу, влетело в дом письмо.

Ошеломленные, в полном молчании, Яхмос, Себек и Ипи слушали, что читал им Хори, разворачивая свиток папируса.

- "Разве я не говорил Яхмосу, что возлагаю на него вину за всякую обиду, чинимую моей наложнице? Отныне, покуда ты жив, мы друг другу враги. Я буду стоять против тебя, а ты - против меня. Отныне тебе не место в моем доме, ибо ты не выказал должного почтения моей наложнице. Ты мне больше не сын, не плоть моя. Равно как Себек и Ипи не сыновья мне, не плоть моя. Каждый из вас сотворил зло моей наложнице, чему свидетели Камени и Хенет. Я изгоню вас из дому всех, с детьми и женами! Я был вам кормильцем и защитой, отныне не стану кормить и защищать!"

Хори помолчал, а затем продолжал:

- "Имхотеп, жрец души умершего, обращается к Хори. О ты, кто верно служит мне, пребываешь ли ты во здравии и благополучии? Передай мои благопожелания моей матери Изе и дочери Ренисенб, передай слова приветствия Хенет. Правь моим хозяйством, пока я не вернусь домой, и тем временем составь грамоту, согласно которой наложница Нюфрет отныне, как жена моя, обретает право владеть вместе со мной всем, что я имею. Ни Яхмоса, ни Себека я не возьму в совладельцы и не буду им больше опорой, ибо обвиняю их в том, что они причинили зло моей наложнице! Содержи все в сохранности, пока я не вернусь. Как горько, когда сыновья хозяина дома дурно относятся к его наложнице! Что же до Ипи, то предупреди его, что если он причинит хоть малейший вред моей наложнице, он тоже покинет мой дом".

Молчание всех словно парализовало. Затем в порыве ярости с места сорвался Себек.

- В чем дело? Что стало известно отцу? Кто это ему насплетничал? Мы этого не потерпим! Отец не имеет права лишать нас наследства и отдавать все свои владения наложнице!

- По закону он волен распоряжаться своим имуществом как ему заблагорассудится, - мягко объяснил Хори, - хотя, конечно, пойдут разные разговоры и его будут обвинять в несправедливости.

- Она околдовала его! Эта вечно улыбающаяся змея заворожила отца! - кричал Себек.

- Невероятно... Не могу поверить, - бормотал вконец потрясенный

Яхмос.

- Отец сошел с ума! - выкрикнул Ипи. - Эта женщина настроила его даже против меня!

- Имхотеп, по его словам, скоро вернется, - спокойно сказал Хори. - К тому времени его гнев, возможно, остынет; не думаю, что он поступит так, как пишет.

В ответ раздался короткий и неприязненный смех. В дверях, ведущих на женскую половину, стояла Сатипи и, глядя на них, смеялась.

- Значит, нам остается только ждать и надеяться, о мудрый наш Хори?

- А что еще? - растерянно произнес Яхмос.

- Что еще? - возвысила голос Сатипи. И выкрикнула: - Что течет в ваших жилах? Кровь или молоко? Яхмос, насколько мне известно, не мужчина. Но ты, Себек, ты тоже не знаешь средства избавиться от этой нечисти? Нож в сердце, и эта женщина навсегда перестанет причинять нам зло.

- Сатипи, - вскричал Яхмос, - отец нам этого никогда не простит!

- Это ты так считаешь. А я считаю, что мертвая наложница совсем не то, что живая. Как только она умрет, он снова обратится всем сердцем к своим сыновьям и внукам. И, кроме того, откуда он узнает, что было причиной ее смерти? Можем сказать, что ее ужалил скорпион. Мы ведь все заодно, не так ли?

- Отец узнает. Хенет ему скажет, - возразил Яхмос.

Сатипи истерически захохотала.

- Благоразумный Яхмос! Тихий и осторожный Яхмос! Это тебе следовало бы приглядывать за детьми и выполнять прочие женские обязанности в доме. Помогите мне, о Себек! Я замужем за человеком, в котором нет ничего мужского. А ты, Себек, ты ведь всем рассказываешь, какой ты храбрый и решительный! Клянусь богом Ра, во мне больше мужества, чем в любом из вас.

Она повернулась и скрылась внутри дома.

Кайт, которая стояла за ее спиной, сделала шаг вперед.

- Сатипи верно говорит, - глухим дрожащим голосом сказала она. - Она рассуждает, как настоящий мужчина, а вы, Яхмос, Себек и Ипи, только сидите сложа руки. Что будет с нашими детьми, Себек? Их вышвырнут на улицу умирать с голоду. Обещаю вам, если вы ничего не предпримете, тогда за дело возьмусь я. Вы не мужчины.

И, повернувшись, тоже скрылась в женской половине дома. Себек вскочил на ноги.

- Клянусь Девяткой богов Эннеады²³, Кайт права. Это дело мужчин, а

мы только болтаем и в растерянности пожимаем плечами.

И он решительно направился к выходу.

- Себек! Куда ты, Себек? - вдогонку ему крикнул Хори. - Что ты собираешься делать?

Прекрасный в своей ярости, Себек отозвался:

- Не знаю, но что-нибудь придумаю. А уж то, что надумаю, сделаю с удовольствием.

ГЛАВА IX

Второй месяц Зимы, 10-й день

I

Ренисенб выскочила из дому на галерею и остановилась на мгновение, прикрыв глаза от слепящих лучей солнца.

Ее мутило и трясло от какого-то непонятного страха. Она твердила про себя одни и те же слова: "Я должна предупредить Нофрет... Я должна предупредить ее..."

За ее спиной еще слышались мужские голоса: Хори и Яхмос убеждали в чем-то друг друга, их слова были почти неразличимы, зато звенел по-мальчишески высокий голос Ипи:

- Сатипи и Кайт правы; у нас в семье нет мужчин! Но я мужчина. Если не возрастом, то сердцем. Нофрет смеется и глумится надо мной, она обращается со мной, как с ребенком. Я докажу ей, что давно уже не ребенок. Мне нечего опасаться отцовского гнева. Я знаю отца. Он околдован, эта женщина заморозила его. Если ее не будет, его сердце снова обратится ко мне, да, ко мне! Я его любимый сын. Вы все смотрите на меня как на ребенка, но я докажу вам, чего стою. Увидите!

Выбежав из дому, он столкнулся с Ренисенб и чуть не сбил ее с ног. Она схватила его за рукав.

- Ипи! Ипи, куда ты!

- К Нофрет. Она узнает, каково смеяться надо мной!

- Подожди! Успокойся. Нельзя действовать необдуманно.

- Необдуманно? - Ипи презрительно расхохотался. - Ты похожа на Яхмоса. Благоразумие! Осторожность! Ничего нельзя делать, не подумав! Яхмос - древняя старуха, а не мужчина. Да и Себек - только на словах молодец. Пусти меня, Ренисенб!

И выдернул у нее из рук свой рукав.

- Где Нофрет?

Хенет, только что появившаяся в дверях дома, промурлыкала:

- Дурное дело вы затеяли, дурное. Что станется со всеми нами? Что скажет моя любимая госпожа?

- Где Нофрет, Хенет?

- Не говори ему, - выкрикнула Ренисенб.

Но Хенет уже отвечала:

- Она пошла задним двором. Туда, на поля, где растет лен.

Ипи бросился обратно в дом.

- Зачем ты ему сказала, Хенет? - укорила ее Ренисенб.

- Ты не доверяешь старой Хенет. Ты всегда отказывала мне в доверии.

- Обида явственно зазвучала в ее ноющем голосе. - А бедная старая Хенет знает, что делает. Надо, чтобы мальчишка остыл. Ему не найти Нофрет возле тех полей. - Она усмехнулась. - Нофрет здесь, в беседке... с Камени. - И она кивнула в сторону водоема, повторив с явным удовольствием: - С Камени...

Но Ренисенб уже шла через двор.

От водоема навстречу матери бежала Тети. Она тянула за веревочку своего деревянного льва. Ренисенб схватила ее на руки и, когда прижала к себе, поняла, какая сила движет поступками Сатипи и Кайт. Эти женщины защищали своих детей.

- Мне больно, пусти меня, - закапризничала Тети.

Ренисенб опустила девочку на землю. И медленно двинулась в сторону беседки. У дальней стены ее стояли Нофрет и Камени. Когда Ренисенб приблизилась, они повернулись к ней.

- Нофрет, я пришла предостеречь тебя, - быстро проговорила Ренисенб. - Будь осмотрительна. Береги себя.

По лицу Нофрет скользнула презрительная улыбка.

- Собаки, значит, завыли?

- Они очень рассердились и могут причинить тебе зло.

Нофрет покачала головой.

- Никто из них не способен причинить мне зла, - с уверенностью изрекла она. - А если попытаются, я тотчас же сообщу Имхотепу, и он найдет способ, как их наказать. Что они и сами поймут, если как следует призадумаются. - Она рассмеялась. - Как глупо они себя вели, оскорбляя и обижая меня разными пустяками! Ведь они только играли мне на руку!

- Значит, ты все это предусмотрела? - спросила Ренисенб. - А я-то жалела тебя - мне казалось, что мы поступаем плохо. Больше мне тебя не жаль... По-моему, ты дурная женщина. Когда в судный час тебе придется каяться в грехах перед сорока двумя богами - Владыками

справедливости²⁴, ты не сможешь сказать: "Я не творила дурного", как не сможешь сказать: "Я не вождедела чужого богатства". И когда твое сердце положат на чашу весов, она перетянет другую чашу - кусочек правды, чаша с сердцем резко пойдет вниз.

- Ты что-то вдруг стала чересчур благочестивой, Ренисенб, - угрюмо отозвалась Нофрет. - А ведь я на тебя не жаловалась. Про тебя я ничего не писала. Спроси у Камени, он подтвердит.

И она, пройдя через двор, поднялась по ступенькам вверх на галерею. Навстречу ей вышла Хенет, и они обе исчезли в недрах дома.

Ренисенб повернулась к Камени.

- Значит, это ты, Камени, помогал ей против нас?

- Ты очень сердишься на меня, Ренисенб? - с отчаянием в голосе спросил Камени. - Но что мне оставалось делать? Перед отъездом Имхотеп поручил мне по первому же требованию Нофрет написать ему все, что она прикажет. Скажи, что ты не сердишься, Ренисенб. Что я мог сделать?

- У меня нет права сердиться на тебя, - ответила Ренисенб. - Я понимаю, ты был обязан выполнить волю моего отца.

- Я не хотел писать, говорил, что мне это не по душе... И, между прочим, Ренисенб, клянусь, в письме не было ни слова против тебя.

- Мне это безразлично.

- А мне нет. Невзирая ни на какие приказы Нофрет, я бы никогда не написал ничего такого, что могло бы быть тебе во вред. Прошу тебя, Ренисенб, верь мне.

Ренисенб с сомнением покачала головой. Попытки Камени оправдаться звучали для нее неубедительно. Она чувствовала себя оскорбленной и сердилась на Камени: ей казалось, что он в какой-то степени предал ее. Хотя что с него спросить? Ведь он ей чужой, хоть и родственник по крови, но чужой человек, приехавший к ее отцу из далеких краев. Он был всего лишь младшим писцом, получившим распоряжение от своего господина и безропотно выполнившим его.

- Я писал только правду, - настаивал Камени. - В письме не было ни слова лжи, клянусь тебе.

- Конечно, - согласилась Ренисенб, - лжи там и быть не могло. Нофрет слишком умна для этого.

Значит, старая Иза оказалась права. Эти мелкие гадости, которым так радовались Сатипи и Кайт, лишь сослужили службу Нофрет. Нечего удивляться, что с ее лица не сходила злорадная ухмылка.

- Она плохая, - сказала Ренисенб, отвечая своим мыслям. - Очень плохая.

- Да, - согласился и Камени, - она дурная женщина.

Ренисенб повернулась и с любопытством посмотрела на него.

- Ты знал ее и до приезда сюда, верно? Ты был знаком с ней там, в Мемфисе?

Камени смутился.

- Я знал ее совсем немного... Но слышал про нее. Говорили, что она гордая, заносчивая и безжалостная, из тех, кто не умеет прощать.

Ренисенб вдруг сердито вскинула голову.

- Я не верю тому, что написал отец, заявила она. - Он не выполнит своих угроз. Сейчас он сердится, но по натуре он человек справедливый, и, когда вернется домой, он нас простит.

- Когда он вернется, - сказал Камени, - Нофрет постарается сделать так, чтобы он не изменил своего решения. Она умна и своего добьется, к тому же, не забудь, она очень красивая.

- Да, - согласилась Ренисенб, - она красивая. - И двинулась в сторону дома. Почему-то слова Камени о том, что Нофрет очень красивая, показались ей обидными...

II

Всю вторую половину дня Ренисенб провела с детьми. Пока она с ними играла, неясное чувство боли, сжимавшей ее сердце, исчезло. Уже почти село солнце, когда она поднялась на ноги, пригладила волосы и расправила складки на мятой и перепачканной одежде. Интересно, почему это ни Сатипи, ни Кайт ни разу не вышли во двор?

Камени давно ушел. Ренисенб направилась к дому. В главном зале никого не было, и она прошла вглубь, на женскую половину. В своих покоях дремала Иза, а ее маленькая рабыня ставила метки на куски полотна. В кухне пекли трехугольные караваи хлеба. Дом словно опустел.

Ренисенб вдруг стало одиноко. Куда все подевались?

Хори, наверное, поднялся к себе наверх. Может, и Яхмос с ним или он пошел на поля? Себек и Ипи, скорее всего, при стаде или приглядывают за тем, как засыпают в закрома зерно. Но где Сатипи с Кайт, и где, да, где Нофрет?

В просторных покоях, которые облюбовала для себя Нофрет, терпко пахло ее притираниями. Ренисенб остановилась в дверном проеме и обвела взглядом деревянный подголовник кровати, шкатулку с украшениями, кучку браслетов из бусинок и кольцо с лазуритовым скарабеем. Душистые притирания, масла, одежды, белье, сандалии - все говорило о том, что их владелица Нофрет была чужой в этом доме и даже врагом.

"Где, интересно, сама Нофрет", - подумала Ренисенб.

Она пошла к дверям, ведущим на задний двор, и столкнулась с Хенет.

- Куда все подевались, Хенет? В доме никого нет, кроме бабушки.

- Откуда мне знать, Ренисенб? Я занята работой, помогаю ткать, приглядываю за тысячью и одним делом. Мне некогда гулять.

Это означает, решила Ренисенб, что кто-то отправился на прогулку. Может, Сатипи поднялась вслед за Яхмосом к гробнице, чтобы и там досаждать ему упреками? Но где тогда Кайт? Как не похоже на Кайт так надолго оставлять своих детей!

И снова, словно подводным течением, пронеслась мысль: "А где Нофрет?"

И Хенет, будто прочитав ее мысль, тотчас откликнулась:

- Что касается Нофрет, то она уже давно пошла наверх, к Хори. - И Хенет язвительно рассмеялась. - Вот Хори ей ровня. Он тоже человек умный. - Она придвинулась к Ренисенб совсем близко. - Ты даже не

представляешь себе, Ренисенб, как я переживаю из-за всей этой истории. В тот день - помнишь? - она явилась ко мне с отпечатком пощечины Кайт, и кровь текла у нее по лицу. Она позвала Камени, чтобы он писал, а меня заставила подтвердить, что я все видела собственными глазами. И разве я могла сказать, что ничего не видела? О, она очень умная. А я, вспоминая все это время твою дорогую мать...

Но Ренисенб, не дослушав ее, выбежала из дверей в золотой закат вечернего солнца. Скалы уже окутала густая тень - как прекрасен был мир в этот час!

Дойдя до тропинки, ведущей наверх, к гробнице, Ренисенб ускорила шаг. Она поднимется туда и разыщет Хори. Да, разыщет Хори. Так она всегда поступала в детстве, когда у нее ломались игрушки, когда она чего-либо не понимала или боялась. Хори был сам как скала - негиббемый, стойкий, твердый духом.

"Все будет в порядке, как только я доберусь до Хори", - убеждала себя Ренисенб.

И снова ускорила шаг. Она почти бежала.

Потом вдруг увидела, что навстречу ей идет Сатипи. Сатипи, должно быть, тоже побывала наверху.

Как странно идет Сатипи: шатается из стороны в сторону, спотыкается, словно слепая...

Когда Сатипи увидела Ренисенб, она замерла на месте, прижав руку к груди. Ренисенб подошла к ней и была поражена, увидев ее лицо.

- Что случилось, Сатипи? Тебе плохо?

- Нет, нет.

Голос у Сатипи был хриплым, глаза бегали.

- Ты что, заболела? Или испугалась? Что произошло?

- Что могло произойти? Ничего не произошло.

- Где ты была?

- Я ходила наверх, искала Яхмоса. Его там нет. Там никого нет.

Ренисенб смотрела на нее во все глаза. Перед ней была другая Сатипи, словно она разом лишилась твердости характера и решительности.

- Пойдем, Ренисенб. Пойдем домой.

Рука ее чуть приметно дрожала, когда она схватила Ренисенб за плечо, принуждая повернуть назад, и это прикосновение вызвало у Ренисенб внезапный протест.

- Нет, я поднимусь наверх.

- Говорю тебе, там никого нет.

- Я хочу посидеть и посмотреть на реку.

- Но уже поздно. Солнце почти село.

Пальцы Сатипи впились ей в плечо. Ренисенб попыталась вырваться.

- Пусти меня, Сатипи.

- Нет. Пойдем вместе назад.

Но Ренисенб уже удалось вырваться, и она бросилась вверх по тропинке.

Там что-то есть, инстинктивно чувствовала она, что-то есть... Она ускорила шаги...

И тут она увидела - в тени от скалы что-то лежит... Она подбежала.

И ничуть не удивилась тому, что увидела. Словно именно это ожидала увидеть.

Нофрет лежала навзничь в неестественной позе. Ее открытые глаза были безжизненны.

Наклонившись, Ренисенб дотронулась до холодной, уже застывшей щеки. Потом выпрямилась, не отводя взгляда от Нофрет. Она не слышала, как сзади подошла Сатипи.

- Наверное, она упала, - сказала Сатипи. - Шла по тропинке наверх и сорвалась...

Да, подумала Ренисенб, возможно, именно так и случилось. Нофрет сорвалась со скалы и, пока падала, несколько раз ударилась об известняковые глыбы.

- Возможно, увидела змею, - говорила Сатипи, - и испугалась. На тропинке часто можно встретить спящих на солнце змей.

Змеи. Да, змеи. Себек и змея. Змея, голова у нее разбита, она лежит на солнце. И Себек с горящими от ярости глазами...

Себек... Нофрет...

- Что случилось? - раздался голос Хори.

Ренисенб с облегчением вздохнула. К ним подошли Хори и Яхмос. Сатипи принялась с жаром объяснять, что Нофрет, по-видимому, сорвалась со скалы.

- Она, наверное, поднималась, чтобы разыскать нас, но мы с Хори ходили проверять оросительные каналы. Нас не было здесь около часа. А когда шли обратно, увидели, что вы стоите здесь, - сказал Яхмос.

- А где Себек? - спросила Ренисенб и сама удивилась тому, как хрипло звучит ее голос.

Она скорее почувствовала, чем увидела, как, услышав ее вопрос, резко повернул голову Хори. Яхмос же, видно, не очень удивился, потому что ответил:

- Себек? Во второй половине дня я его не видел. Во всяком случае, с

тех пор, как он, рассердившись, убежал из дому.

Но Хори продолжал смотреть на Ренисенб. Она подняла голову и встретилась с ним взглядом. И когда увидела, что он отвел глаза и задумчиво смотрит на тело Нофрет, поняла, что знает, о чем он думает.

- Себек? - переспросил он.

- О нет, - услышала Ренисенб собственный ответ. - Нет... Нет...

- Она сорвалась с тропинки, - настойчиво повторила Сатипи. - Как раз над нами тропинка становится узкой, и поэтому особенно опасно...

"Опасно? О чем это говорил Хори? Ах да, он рассказывал ей, как еще ребенком Себек напал на Яхмоса и как ее покойная мать, растащив их, сказала: "Нельзя этого делать, Себек. Это опасно..."

Себек любит убивать. "А уж то, что надумаю, сделаю с удовольствием..."

Себек убил змею... Себек встретился с Нофрет на узкой тропинке...

И опять она услышала собственный шепот:

- Мы не знаем... Мы не знаем...

А потом с огромным облегчением, будто с души у нее спала тяжесть, услышала, как Хори твердо и с уверенностью подтвердил предположение Сатипи:

- Да, наверное, она сорвалась со скалы... Взгляд его снова встретился со взглядом Ренисенб. "Мы оба знаем... - подумала она. - И всегда будем знать..."

- Да, она сорвалась со скалы, - услышала Ренисенб собственный дрожащий голос.

И эхом отозвался Яхмос, словно ставя заключительную точку:

- Скорей всего, она и вправду сорвалась со скалы.

ГЛАВА X

Четвертый месяц Зимы, 6-й день

I

Имхотеп сидел перед Изой.

- Они все рассказывают одно и то же, - хмуро пожаловался он.

- Что ж, по крайней мере, хоть это удачно.

- Удачно? Что значит "удачно"? Станные у тебя выражения!

Иза издала короткий смешок.

- Я знаю, что говорю, сын мой.

- Правда ли то, что они рассказывают, - вот что я должен решить, - с важным видом заявил Имхотеп.

- Ты не богиня Маат²⁵. И не умеешь, как Анубис²⁶, взвешивать сердца на весах правды.

- Несчастный ли это случай? - допытывался Имхотеп. - Я не имею права забывать, что мое письмо с угрозой выгнать их всех из дому могло возбудить у них низменные чувства.

- Да, конечно, - согласилась Иза. - Чувства у них явно были низменные. Они так кричали, что я, не выходя из своей комнаты, могла слышать каждое слово. Между прочим, ты на самом деле был намерен так поступить?

Имхотеп смущенно заерзал в кресле.

- Я пребывал в гневе, когда писал, я имел основания сердиться. Моих сыновей следовало проучить.

- Другими словами, - сказала Иза, - ты просто решил их попугать. Так?

- Дорогая Иза, какое это имеет значение сейчас?

- Ясно, - сказала Иза. - Ты, как обычно, сам не знал, что делаешь. И не подумал о том, чем это может кончиться.

- Я хочу сказать, что сейчас все это не имеет никакого значения, - с трудом подавил раздражение Имхотеп. - Меня интересуют обстоятельства

смерти Нофрет. Если мне предстоит заподозрить, что один из членов моей семьи может быть столь безответствен и невосдержан в чувствах, что намеренно совершил убийство, то я... я просто не знаю, как мне поступить.

- Вот, выходит, и удачно, - заметила Иза, - что все они рассказывают одно и то же. Никто ни на что не намекает?

- Нет.

- Тогда почему не считать происшедшее несчастным случаем? Тебе следовало взять девушку с собой в Северные Земли. Я ведь тебе тогда так и советовала.

- Значит, ты допускаешь...

- Я допускаю только то, что мне говорят, если это не противоречит тому, что я видела собственными глазами, - а нынче я вижу очень плохо, - или слышала собственными ушами. Ты, наверное, расспрашивал Хенет? Что она тебе сказала?

- Что она очень огорчена, страшно огорчена. За меня.

Иза подняла брови.

- Вот как? Ты меня удивляешь.

- У Хенет, - продолжал Имхотеп, - очень доброе сердце.

- Совершенно верно. И чересчур болтливый язык. Но если огорчение за тебя - это единственное, о чем она тебе сообщила, то происшедшее определенно можно считать несчастным случаем. Есть много других дел, которыми тебе предстоит заняться.

- Разумеется. - Имхотеп встал. Теперь он снова был преисполнен спеси и самоуверенности. - Яхмос ждет меня в зале с делами, которые требуют моего немедленного вмешательства. Кроме того, следует обсудить решения, которые были приняты без меня. Как ты всегда говоришь, горе, посетившее человека, не должно мешать главным в его жизни занятиям.

И он поспешил к дверям.

Иза иронически улыбнулась, потом ее лицо снова стало мрачным. Она покачала головой и тяжело вздохнула.

II

Яхмос вместе с Камени ждал отца. Хори, доложил Яхмос отцу, с самого начала неукоснительно следил за подготовкой к погребению - прежде всего за работой бальзамировщиков и изготовителей саркофага.

После получения известия о смерти Нюфрет Имхотепу потребовалось несколько недель, чтобы добраться до дому, и за это время все было готово к погребению. Тело долго пролежало в крепком соляном растворе, затем, высушив его, постарались восстановить прежний внешний облик покойной, натерли труп душистыми маслами и травами, обмотали, как полагалось, полотняными пеленами и поместили в саркофаг.

Яхмос сказал, что выбрал для погребения небольшую нишу в скале, в которую потом положат и тело Имхотепа. Он подробно доложил о всех своих распоряжениях, и Имхотеп одобрил их.

- Ты отлично потрудился, Яхмос, - довольно проговорил Имхотеп. - Принял правильное решение и действовал, не теряя присутствия духа.

Яхмос обрадовался, он никак не ожидал, что отец похвалит его.

- Ипи и Монту берут за бальзамирование слишком много, - продолжал Имхотеп. - Эти каноны, например, не стоят того, что за них просят. Подобное расточительство ни к чему. Кое-какие из предъявленных ими счетов представляются мне непомерными. Вся беда в том, что услугами Ипи и Монту пользуется семья нашего правителя, а потому они считают себя вправе требовать самой высокой платы. Было бы куда лучше обратиться к менее известным мастерам.

- Поскольку ты отсутствовал, - принялся оправдываться Яхмос, - мне пришлось решать эти вопросы самому. А я полагал, что наложнице, которой ты дорожил, должны быть оказаны наивысшие почести.

Имхотеп кивнул и потрепал Яхмоса по плечу.

- Вот тут ты ошибся, сын мой, хотя и исходил из самых лучших побуждений. Я знаю, ты обычно очень осторожен в расходах, и понимаю, что в этом случае лишние затраты были допущены только, чтобы порадовать меня. Тем не менее я не так уж богат, а наложница - это... всего лишь наложница. Откажемся, пожалуй, от наиболее дорогих амулетов и... Дай-ка мне посмотреть, не найдется ли возможности сэкономить еще на чем-нибудь... Камени, читай список услуг и называй их стоимость.

Камени зашелестел папирусом.

Яхмос с облегчением вздохнул.

III

Кайт вышла из дому и присоединилась к женщинам, которые расположились вместе с детьми возле водоема.

- Ты была права, Сатипи, - сказала она, - живая наложница совсем не то, что мертвая.

Сатипи посмотрела на нее затуманенным, невидящим взглядом и промолчала.

- Что ты имеешь в виду, Кайт? - зато быстро откликнулась Ренисенб.

- Для живой наложницы Имхотепу ничего не было жаль: нарядов, украшений, даже земель, которые по праву должны были унаследовать его сыновья. А сейчас он только и думает о том, как бы сократить расходы на погребение. И верно, чего зря тратить на мертвую женщину? Да, Сатипи, ты была права.

- А что я говорила? Я что-то не помню, - пробормотала Сатипи.

- И очень хорошо, - отозвалась Кайт. - Я тоже уже не помню. И Ренисенб забыла.

Ренисенб молча смотрела на Кайт. Что-то в голосе Кайт, какая-то нота угрозы, резанула ей слух. Она привыкла считать Кайт не очень умной, но приветливой и покладистой, хотя слишком незаметной. А сейчас ей показалось, что Кайт и Сатипи поменялись ролями. Обычно властная и задиристая Сатипи стала тихой, даже робкой, а тихоня Кайт вдруг принялась командовать.

Но людские характеры, рассуждала про себя Ренисенб, в один день не меняются. А может, меняются? Ничего не поймешь. На самом деле Кайт и Сатипи за последние несколько недель стали неузнаваемы или перемена в одной из них вызвала перемену в другой? Сделалась ли Кайт вдруг властной или просто кажется такой, потому что Сатипи пала духом?

Сатипи явно стала другой. Голоса ее, обычно бранившей всех подряд, не было слышно, ступала она по дому и по двору бесшумной, нетвердой походкой, так не похожей на прежнюю уверенную поступь. Ренисенб объясняла происшедшие в Сатипи перемены потрясением, вызванным смертью Нофрет, но что-то уж подозрительно долго Сатипи не могла прийти в себя. Было бы куда больше похоже на Сатипи, продолжала размышлять Ренисенб, откровенно, ни от кого не утаивая своей радости, ликовать по поводу внезапной и безвременной кончины наложницы. А она всякий раз, когда упоминается имя Нофрет, почему-то испуганно ежится.

Даже Яхмос, по-видимому, избавился от ее поучений и попреков и сразу стал держаться куда более уверенно. Во всяком случае, перемены в Сатипи были, пожалуй, всем на пользу - к такому выводу пришла Ренисенб. Но что-то продолжало ее смутно тревожить...

Внезапно Ренисенб, очнувшись от своих мыслей, поняла, что Кайт, нахмурившись, смотрит на нее. Видно, Кайт что-то сказала и теперь ждет от нее ответа.

- Ренисенб тоже забыла, - повторила Кайт.

В Ренисенб невольно поднялось чувство протеста. Ни Кайт, ни Сатипи, ни кому-либо другому не дано право указывать ей, что она должна или не должна забыть. Она твердо и даже с некоторым вызовом встретила взгляд Кайт.

- Женщинам в семье, - продолжала Кайт, - следует держаться заодно. Ренисенб обрела голос.

- Почему? - громко и дерзко спросила она.

- Потому что у них общие интересы.

Ренисенб покачала головой. Она думала: "Да, я женщина, но я еще и сама по себе. Я Ренисенб". А вслух произнесла:

- Не так все это просто.

- Ты ищешь неприятностей, Ренисенб?

- Нет. А кроме того, что ты имеешь в виду под "неприятностями"?

- Все, что говорилось в тот день в зале, должно быть забыто.

Ренисенб рассмеялась.

- До чего же ты глупая, Кайт. Ведь это слышали слуги, рабы, бабушка - все! Зачем делать вид, что ничего не произошло?

- Мы были раздражены, - тусклым голосом произнесла Сатипи. - Но и в мыслях не держали делать того, о чем кричали. - И с лихорадочной поспешностью добавила: - Хватит говорить об этом, Кайт. Если Ренисенб ищет неприятностей, дело ее.

- Я не ищу неприятностей, - возмутилась Ренисенб. - Но притворяться глупо.

- Нет, - возразила Кайт, - это как раз умно. Не забудь, что у тебя есть Тети.

- А что может с Тети случиться?

- Теперь, когда Нофрет умерла, ничего, - улыбнулась Кайт.

Это была безоблачная, довольная, умиротворенная улыбка, и снова все в Ренисенб восстало против.

Тем не менее к словам Кайт следовало прислушаться. Теперь, когда Нофрет нет в живых, все стало на свои места. Сатипи, Кайт, ей самой,

детям - всем им ничто не угрожает, в семье царит мир и согласие, за будущее можно не беспокоиться. Чужая женщина, внесшая в их дом раздор и страх, исчезла навсегда.

Тогда почему при мысли о Нофрет у нее в душе все переворачивается? Откуда это необъяснимое чувство жалости к умершей, которую она не любила? Нофрет была злой, она умерла. Почему не забыть про нее? Откуда этот внезапный прилив сожаления, а то и больше, чем сожаления, скорей сочувствия, сопереживания ей?

Ренисенб в недоумении замотала головой. После того как все ушли в дом, она осталась сидеть у воды, стараясь привести свои мысли в порядок.

Солнце стояло совсем низко, когда Хори, пересекая двор, увидел ее, подошел и сел рядом.

- Уже поздно, Ренисенб. Солнце заходит. Тебе пора в дом.

Его уравновешенный тон, как всегда, подействовал на нее успокаивающе. Повернувшись к нему, она спросила:

- Должны ли женщины в семье держаться заодно?

- Кто это тебе сказал, Ренисенб?

- Кайт. Они с Сатипи... - Ренисенб замолчала.

- А ты... Ты хочешь мыслить самостоятельно?

- Мыслить? Я не умею мыслить, Хори! У меня в голове все перепуталось. Я перестала понимать людей. Все оказались вовсе не такими, какими я их считала. Сатипи, по моему мнению, всегда была храброй, решительной, властной. А теперь она покорная, неуверенная, даже робкая. Какая же она на самом деле? За один день человек не может так измениться.

- За один день? Нет, не может.

- А кроткая, мирная, бессловесная Кайт вдруг принялась нас всех учить! Даже Себек, по-моему, теперь ее боится. Яхмос, и тот сделался другим - он отдает распоряжения и требует, чтобы его слушались!

- И все это сбивает тебя с толку, Ренисенб?

- Да. Потому что я не понимаю. Порой мне приходит в голову, что даже Хенет может оказаться на самом деле совсем не той, какой я привыкла ее считать.

И Ренисенб засмеялась - таким вздором ей представились ее собственные слова. Но Хори даже не улыбнулся. Его лицо было серьезно.

- Ты раньше мало задумывалась о других людях, верно, Ренисенб? Потому что, если бы задумывалась, ты бы поняла... - Он помолчал, а затем продолжал: - Ты замечала, что во всех гробницах всегда есть ложная дверь?

- Да, конечно. - Ренисенб не сводила с него глаз.

- Вот так и люди. Они создают о себе ложное представление, чтобы обмануть окружающих. Если человек сознает собственную слабость, неумелость и беспомощность, он прикрывается таким внушительным заслоном самонадеянности, хвастовства и мнимой твердости, что спустя время сам начинает верить в свои силы. Считает себя, а за ним и все считают его человеком значительным и волевым. Но как за поддельной дверью гробницы, за этим заслоном, Ренисенб, ничего нет... Поэтому только когда обстоятельства жизни вынуждают его, он обнаруживает свою истинную сущность. Покорность и кротость Кайт принесли ей все, чего она хотела: мужа и детей. Ей жилось легче, если все считали ее недалекой. Но когда ей стала угрожать действительная опасность, проявился ее настоящий характер. Она не изменилась, Ренисенб. Сила и жестокость всегда были в ней.

- Но мне это не нравится, Хори, - по-детски пожаловалась Ренисенб. - Мне страшно. Все стали совсем не такими, какими я привыкла их видеть. Почему же я осталась прежней?

- Разве? - улыбнулся ей Хори. - Тогда почему ты часами сидишь здесь, нахмутив лоб, думаешь, терзаешься сомнениями? Разве прежняя Ренисенб, та, что уехала с Хеем, так поступала?

- Нет. Ей не было нужды... - Ренисенб умолкла.

- Вот видишь, ты сама ответила на свой вопрос! Нужда - вот что заставляет человека меняться. Ты перестала быть той счастливой, бездумной девочкой, которая принимала все происходящее на веру и мыслила так же, как все остальные на женской половине дома. Ты Ренисенб, которая хочет жить своим умом, которая размышляет о том, что представляют собой другие люди...

- Я все время думаю о Нофрет и удивляюсь, - медленно произнесла Ренисенб.

- Что же тебя удивляет?

- Почему я никак не могу забыть про нее... Она была плохой, жестокой, старалась обидеть нас, и она умерла. Почему я не могу на этом успокоиться?

- А ты и вправду не можешь?

- Не могу. Стараюсь, но... - Ренисенб умолкла и растерянно провела рукой по лицу. - Порой мне кажется, что я хорошо знаю Нофрет, Хори.

- Знаешь? Что ты хочешь этим сказать?

- Не могу объяснить. Но время от времени мне представляется, будто она где-то рядом, мне кажется, что я - это она, что я понимаю, какие чувства она испытывала. Она была очень несчастна. Хори, теперь я это

знаю. Ей и хотелось причинить всем нам зло только потому, что она была так несчастна.

- Ты не можешь этого знать, Ренисенб.

- Знать я, конечно, не могу, но я это чувствую. Страдание, горечь, черную ненависть - все это я однажды прочла на ее лице и не поняла! Она, наверное, кого-то любила, но потом что-то произошло... Быть может, он умер... или уехал, что и сделало ее такой... Породило желание причинять другим боль, ранить. Говори, что хочешь, но я чувствую, что все было именно так. Когда она стала наложницей старика, моего отца, и приехала сюда, а мы ее невзлюбили, она решила сделать и нас такими же несчастными, какой была сама... Да, именно так все это было!

Хори с любопытством смотрел на нее.

- Как уверенно ты рассуждаешь, Ренисенб. А ведь ты едва знала Нофрет.

- Но я чувствую, что это правда, Хори. Я ощущаю себя ею, Нофрет.

- Понятно.

Наступило молчание. Уже совсем стемнело.

- Тебе кажется, что смерть Нофрет не была несчастным случаем? - тихо спросил Хори. - По-твоему, ее сбросили со скалы?

Ренисенб всю передернуло, когда она услышала собственную мысль из уст Хори.

- Нет, нет, не говори так!

- По-моему, Ренисенб, раз эта мысль не выходит у тебя из головы, может, лучше произнести ее вслух? Ты ведь думаешь так, правда?

- Я?... Да!

Хори помолчал.

- И ты считаешь, что это сделал Себек? - спросил он.

- А кто же еще? Помнишь, как он расправился со змеей? И помнишь, что он сказал в тот день, в день ее смерти, перед тем, как бежал из главного зала?

- Да, я помню, что он сказал. Но не всегда поступки совершают те, у кого длиннее язык.

- Ты думаешь, что ее убили?

- Да, Ренисенб... Но это всего лишь предположение. Доказательств у меня нет. И я сомневаюсь, что доказательства найдутся. Поэтому и посоветовал Имхотепу считать ее смерть несчастным случаем. Кто-то столкнул Нофрет со скалы, но кто, нам не узнать.

- Ты хочешь сказать, что это может быть и не Себек?

- Возможно, и не он. Но нам, как я уже сказал, скорей всего не узнать

этого. Так что лучше об этом не думать.

- Но, если не Себек, кто же тогда?

Хори покачал головой.

- Хоть у меня и есть мысли на этот счет, я могу ошибаться. Поэтому не буду их высказывать...

- Но в таком случае мы никогда не узнаем?

В голосе Ренисенб звучало смятение.

- Может... - Хори помолчал. - Может, это и к лучшему.

- Не знать?

- Не знать.

Ренисенб вздрогнула.

- Но тогда, о Хори, мне страшно!

ГЛАВА XI

Первый месяц Лета, 11-й день

I

Завершились последние церемонии, были прочитаны положенные заклинания. Прежде чем навсегда замуровать вход в погребальный грот, Монту, верховный жрец храма богини Хатор, произнес нараспев слова заговора, подмел грот пучком священной травы, дабы вымести из него следы злых духов.

Затем грот замуровали, а все, что осталось после бальзамирования: горшки с окисью натрия, притирания и длинные лоскуты холста, которыми пеленали тело усопшей, - все это поместили в нишу рядом, и ее тоже замуровали.

Имхотеп, расправив плечи, облегченно вздохнул и согнал с лица подобающее случаю выражение грусти. Все было сделано достойным образом. Нофрет погребли, соблюдая предписанные обряды, не жалея затрат (кое в чем лишним, по мнению Имхотепа).

Имхотеп поблагодарил жрецов, которые, завершив свои ритуальные обязанности, вновь превратились в обычных, наделенных земными заботами людей. Все спустились в дом, где жрецов ждало обильное угощение. Имхотеп обсудил с верховным жрецом недавние перемены в политике. Фивы превращались в могущественный город. Возможно, скоро снова произойдет объединение Египта под властью одного правителя, и тогда опять наступит золотой век, как во времена строителей пирамид²⁷.

Монту с уважением и похвалой отзывался о царе Небхепете-Ра. Отважный воин - и вместе с тем человек благочестивый. Вряд ли Северный Египет, где процветают корыстолюбие и трусость, сумеет оказать ему сопротивление. Единый Египет, вот что нам нужно. И в этом, несомненно, великое предназначение Фив...

Они прогуливались, рассуждая о будущем.

Ренисенб оглянулась на скалу, в которой навеки была замурована Нофрет.

- Вот и все, - сказала она себе и почувствовала облегчение. Она, неизвестно почему, все время опасалась, что в последнюю минуту вдруг вспыхнет ссора и начнут искать виноватого! Но погребение Нофрет было совершено с достойным одобрения благолепием. - Все кончилось, - прошептала Ренисенб.

- Надеюсь, да, - едва слышно откликнулась Хенет.

Ренисенб повернулась к ней.

- О чем ты, Хенет?

Но Хенет отвела взгляд.

- Я только сказала, что надеюсь, все кончено. Бывает ведь и так: думаешь, все кончилось, а оказывается, это только начало. Чего ни в коем случае нельзя допустить.

- О чем ты, Хенет? - сердито повторила Ренисенб. - На что ты намекаешь?

- Я никогда ни на что не намекаю, Ренисенб. Я не могу себе этого позволить. Нофрет погребли, и все довольны. Теперь все стало на свои места.

- Мой отец интересовался тем, что ты думаешь про смерть Нофрет? - спросила Ренисенб. Голос ее звучал требовательно.

- Конечно, Ренисенб. И очень настойчиво. Он хотел, чтобы я доложила ему все, что думаю по этому поводу.

- А что ты ему сказала?

- Что это был несчастный случай. Что еще я могла сказать? Уж не думаешь ли ты, что я предположила, будто несчастную девушку мог убить кто-нибудь из членов нашей семьи? "Никто бы не осмелился, - уверяла я его, - хотя бы из великого почтения к тебе. Они могли роптать, но не более того, - сказала я. - Можешь мне верить, - сказала я, - что ничего подобного не произошло!" - усмехнулась Хенет и кивнула головой.

- И мой отец поверил тебе?

И снова Хенет с удовлетворением кивнула головой.

- Твой отец знает, как я блюду его интересы. Он всегда верит старой Хенет. Он ценит меня, чего не делают все остальные. Пусть так, моя преданность вам служит мне наградой. Я не ищу благодарности.

- Ты была предана и Нофрет, - заметила Ренисенб.

- С чего ты это взяла, Ренисенб, не понимаю. Я обязана, как и все другие, выполнять приказания.

- Она считала, что ты ей предана.

Хенет вновь усмехнулась.

- Нофрет не была так умна, как ей казалось. Она была чересчур гордой и решила, что ей принадлежит весь мир. Что ж, сейчас ей предстоит держать ответ перед судом в Царстве мертвых - там ей вряд ли поможет ее хорошенькое личико. Мы, во всяком случае, от нее избавились. По крайней мере, - еле слышно добавила она, дотронувшись до одного из висящих у нее на шее амулетов, - я на это очень надеюсь.

II

- Ренисенб, я хочу поговорить с тобой о Сатипи.

- А в чем дело, Яхмос?

Ренисенб с участием смотрела на встревоженное лицо брата.

- С Сатипи что-то случилось. Я ничего не могу понять, с трудом выдавил из себя Яхмос.

Ренисенб согласно кивнула головой, не найдя так сразу слов утешения.

- Последнее время она очень переменилась, продолжал Яхмос. - При малейшем шорохе вздрагивает. Плохо ест. Ходит так, будто опасается собственной тени. Ты, наверное, тоже заметила это, Ренисенб?

- Да, конечно, мы все заметили.

- Я спросил ее, не больна ли она, не послать ли за лекарем, но она ответила, что не нужно, она совершенно здорова.

- Я знаю.

- Значит, ты тоже ее спрашивала? И она ничего тебе не сказала? Совсем ничего? - обеспокоенно допытывался он.

Ренисенб понимала озабоченность брата, но ничем не могла ему помочь.

- Она упорно твердит, что совершенно здорова.

- И плохо спит по ночам, - пробормотал Яхмос, - кричит во сне. Может, ее что-то мучает, о чем мы и не догадываемся?

Ренисенб покачала головой.

- По-моему, нет. Дети здоровы. В доме ничего не произошло, кроме, конечно, смерти Нофрет, но вряд ли Сатипи будет горевать по этому поводу, - сухо заключила она.

- Да, конечно, - чуть улыбнулся Яхмос. - Скорее, наоборот. Кроме того, это началось не после смерти Нофрет, а до нее.

Сказал он это не совсем уверенно, и Ренисенб быстро взглянула на него. Тогда Яхмос тихо, но настойчиво повторил:

- До смерти Нофрет. Тебе не кажется?

- Я заметила это только после ее смерти, - задумчиво ответила Ренисенб.

- И Сатипи тебе ничего не говорила? Ты твердо помнишь?

Ренисенб опять покачала головой.

- Знаешь, Яхмос, по-моему, Сатипи и вправду нездорова. Мне кажется, она чего-то боится.

- Боится? - не сумел сдержать удивления Яхмос. А чего ей бояться? Кого? Сатипи всегда была храброй, как лев.

- Я знаю, - беспомощно призналась Ренисенб. - Мы все так считали. Но люди, как ни странно, меняются.

- Как, по-твоему, может, Кайт что-нибудь известно? Не говорила ли Сатипи с ней?

- Разумеется, Сатипи скорее бы сказала ей, чем мне, но, по-моему, такого разговора между ними не было. Нет, не было, я уверена.

- А что думает Кайт?

- Кайт? Кайт никогда ни о чем не думает.

Зато Кайт, вспомнила Ренисенб, воспользовавшись необычной кротостью Сатипи, забрала себе и своим детям лучшие из вновь вытканых полотнищ льна, на что никогда бы не решилась, будь Сатипи в себе. Стены дома рухнули бы от ее крика! То, что Сатипи безропотно стерпела это, по правде говоря, просто потрясло Ренисенб.

- Ты говорил с Изой? - спросила Ренисенб. - Наша бабушка очень хорошо разбирается в женщинах и в их настроении.

- Иза посоветовала мне вознести хвалу богам за эту перемену, только и всего, - с досадой ответил Яхмос. - Можешь не надеяться, сказала она, что Сатипи долго будет пребывать в таком благодушном настроении.

- А Хенет ты спрашивал? - не сразу решилась подать ему эту мысль Ренисенб.

- Хенет? - нахмурился Яхмос. - Нет. Я не рискнул бы говорить с Хенет о таких вещах. Она и так многое себе позволяет. Отец чересчур к ней снисходителен.

- Я знаю. Она ужасно всем надоела. Тем не менее... - не сразу нашлась Ренисенб, - Хенет обычно все обо всех знает.

- Может, ты спросишь у нее, Ренисенб? - задумался Яхмос. - А потом передашь мне ее ответ?

- Пожалуйста.

Улучив минуту, когда они с Хенет оказались наедине, направляясь к навесу, под которым женщины ткали полотно, Ренисенб попробовала поговорить с ней о Сатипи. И была крайне удивлена, заметив, что этот вопрос встревожил Хенет. От ее обычного желания посплетничать и следа не осталось.

Она дотронулась до висящего у нее на шее амулета и оглянулась.

- Меня это не касается... Мне некогда замечать, кто и как себя ведет. Это не мое дело. Я не хочу быть причастной к чужой беде.

- К беде? К какой беде?

Хенет бросила на нее быстрый взгляд.

- Надеюсь, ни к какой. Нас это, во всяком случае, не касается. Нам с тобой, Ренисенб, не в чем себя упрекнуть. Это-то меня и утешает.

- Ты хочешь сказать, что Сатипи... О чем ты говоришь?

- Ни о чем. И, пожалуйста, Ренисенб, не пытайся у меня что-то выведать. Я в этом доме почти на положении служанки, и мне не пристало высказывать свое мнение о том, к чему я не имею никакого отношения. Если хочешь знать, то я считаю, что перемена эта нам на благо и, если все так и останется, значит, нам везет. А теперь, Ренисенб, мне некогда, я должна присмотреть, чтобы на полотне была поставлена правильная метка. Эти беспечные служанки только болтают и смеются, вместо того чтобы работать как следует.

И она стремглав бросилась под навес, а Ренисенб медленно двинулась обратно к дому. Она незамеченной вошла в покои Сатипи, и та с воплем вскочила с места, когда Ренисенб тронула ее за плечо.

- О, как ты меня напугала! Я думала...

- Сатипи, - обратилась к ней Ренисенб, - что случилось? Может, ты скажешь мне? Яхмос беспокоится о тебе и...

Сатипи прижала пальцы к губам. А потом, заикаясь и испуганно расширив глаза, прошептала:

- Яхмос? А что... Что он сказал?

- Он обеспокоен. Ты кричишь во сне...

- Ренисенб! - схватила ее за руку Сатипи. - Я кричала... Что я кричала? Ее глаза, казалось, от страха вот-вот вылезут из орбит.

- Яхмос считает... Что он тебе сказал?

- Мы оба считаем, что ты либо нездорова, либо чем-то расстроена.

- Расстроена? - еле слышно повторила Сатипи с какой-то странной интонацией.

- Ты в самом деле чем-то расстроена, Сатипи?

- Может быть... Не знаю. Дело не в этом.

- Я знаю. Ты чего-то боишься, верно?

Взгляд Сатипи стал холодно-неприятным.

- К чему ты это говоришь? Почему я должна чего-то бояться? Что может меня пугать?

- Не знаю, - ответила Ренисенб. - Но ведь это так, правда?

Сделав над собой усилие, Сатипи обрела прежнюю заносчивость.

- Я никого и ничего не боюсь! - вскинув голову, заявила она. - Как ты смеешь строить такие предположения, Ренисенб! И я не потерплю, чтобы вы с Яхмосом вели обо мне разговоры. Яхмос и я, мы хорошо понимаем

друг друга. - Она помолчала, а потом резко заключила: - Нофрет умерла - и тем лучше, - вот что я тебе скажу. Можешь передать это всем, кто спрашивает, что я думаю по этому поводу!

- Нофрет? - удивленно переспросила Ренисенб.

Сатипи пришла в ярость - такой она часто была прежде.

- Нофрет, Нофрет, Нофрет! Меня тошнит от этого имени! Слава богам, больше не придется слышать его в нашем доме!

Ее голос поднялся до самых высоких нот, как бывало раньше, но как только в комнате появился Яхмос, она сразу сникла.

- Замолчи, Сатипи, - сурово приказал он. - Если тебя услышит отец, опять будут неприятности. Почему ты так глупо ведешь себя?

Еще больше, чем суровый и недовольный тон Яхмоса, удивило Ренисенб поведение Сатипи.

- Прости меня, Яхмос... - кротко пролепетала она. - Я не подумала...

- Впредь будь более осмотрительной! Вы с Кайт и так достаточно натворили глупостей. Чувства меры нет у вас, женщин!

- Прости... - снова пролепетала Сатипи.

Решительным шагом, словно удачная попытка хоть раз в жизни утвердить свою власть пошла ему на пользу, Яхмос вышел из покоев.

Ренисенб решила побывать у старой Изы. Может, бабушка, подумалось ей, посоветует что-нибудь разумное.

Однако Иза, которая со вкусом расправлялась с огромной кистью винограда, отнеслась к этому вопросу крайне несерьезно.

- Сатипи? К чему вся эта шумиха вокруг Сатипи? Вам что, так нравилось, когда она вас поносила и всеми помыкала в доме, что вы враз растерялись, как только она стала вести себя примерно? - И, выплюнув виноградные косточки, добавила: - Во всяком случае, долго это не протянется, если, конечно, Яхмос не примет мер.

- Яхмос?

- Да. Надеюсь, Яхмос наконец пришел в себя и как следует поколотил Сатипи. Ей это и требовалось - она из тех женщин, которым по душе хорошая трепка. Яхмос, кроткий и не помнящий зла, должно быть, был для нее немалым испытанием.

- У Яхмоса золотое сердце, - возмутилась Ренисенб. - Он добрый и нежный, как женщина, если женщины вообще способны быть нежными, словно сомневаясь, добавила она.

- Хотя и несколько запоздалая, но верная мысль, внучка, - усмехнулась Иза. - Нет, никакой нежности в женщинах нет, а если есть, то помоги им, Исида! И очень немногие женщины хотели бы иметь доброго и нежного

мужа. Им скорее нужен красивый и буйный грубиян, вроде Себека. Такой им больше по душе. Или смысленый молодой человек, вроде Камени, а, Ренисенб? Такой не даст собой командовать. И любовные песни он недурно распевает, а? Хи-хи-хи.

Щеки у Ренисенб зарделись.

- Не понимаю, о чем ты, - с достоинством заявила она.

- Вы думаете, старая Иза ни о чем не догадывается. Догадываюсь! - Она подслеповато всматривалась в Ренисенб. - Догадываюсь раньше тебя, дитя мое. Не сердись. Так устроена жизнь, Ренисенб. Хей был тебе славным братом, но он уплыл в своей лодке к тем, кому приносят жертвы. Сестра найдет себе нового брата, который будет пронзать рыбу копьем в нашей реке Ниле - не берусь утверждать, что Камени для этого очень подходит. Его больше привлекают тростниковая палочка и свиток папируса, хотя он и хорош собой и умеет петь любовные песни. Но при всех его достоинствах я не думаю, что он тебе пара. Мы ничего о нем не знаем, кроме того, что он явился из Северных Земель. Имхотепу он по душе, но это ничего не значит, ибо я всегда считала Имхотепа дураком. Лестью его можно в два счета обвести вокруг пальца. Посмотри на Хенет!

- Ты неправа, - возмутилась Ренисенб.

- Ладно, пусть неправа. Твой отец не дурак.

- Я не про это. Я хотела сказать...

- Я знаю, что ты хотела сказать, дитя мое, - усмехнулась Иза. - Ты просто шуток не понимаешь. Ты даже представить себе не можешь, до чего приятно, давно покончив со всей этой любовью и ненавистью между братьями и сестрами, есть отлично приготовленную жирную перепелку или куропатку, пирог с медом отменного вкуса, блюдо из порея с сельдереем, запивая все это сирийским вином, и не иметь ни единой на свете заботы. Смотреть, как люди приходят в смятение, испытывают сердечную боль и знать, что тебя это больше не касается. Видеть, как мой сын совершает одну глупость за другой из-за молоденькой красотишки и как она восстанавливает против себя всю его семью, и хохотать до упаду. Должна тебе признаться, мне эта девушка была в некотором роде по душе. В ней, конечно, сидел сам дьявол: как она умела нащупать у каждого его больное место! Себек превратился в пузырь, из которого выпустили воздух, Ипи напомнили, что он еще ребенок, а Яхмос устыдился того, что он под каблуком у жены. Она заставила их увидеть себя со стороны, как видят свое отражение в воде. Но почему она ненавидела тебя, Ренисенб? Ответь мне.

- Разве она меня ненавидела? - удивилась Ренисенб. - Я как-то даже

предложила ей дружить.

- И она отказалась? Правильно. Она тебя ненавидела, Ренисенб. - Иза помолчала, а потом вдруг спросила: - Может, из-за Камени?

Ренисенб покраснела.

- Из-за Камени? Я не понимаю, о чем ты.

- Она и Камени оба приехали из Северных Земель, - задумчиво сказала Иза, - но Камени смотрел на тебя, когда ты шла по двору.

- Мне пора к Тети, - вдруг вспомнила Ренисенб.

Вслед ей долго слышался довольный смех Изы. Щеки у Ренисенб горели, пока она бежала через двор к водоему. С галереи ее окликнул Камени:

- Ренисенб, я сочинил новую песню. Иди сюда, послушай.

Но она только покачала головой и побежала дальше. Сердце ее стучало сердито. Камени и Нофрет. Нофрет и Камени. Зачем старая Иза с ее пристрастием зло подшутить подала ей эту мысль? А, собственно говоря, ей-то, Ренисенб, что до этого?

И вправду, не все ли равно? Камени ей безразличен, решительно безразличен. Навязчивый молодой человек с улыбочным лицом и широкими плечами, напоминающий ей Хея.

Хей... Хей...

Она настойчиво повторяла его имя, но впервые его образ не предстал перед нею. Хей был в другом мире. У тех, кому приносят жертвы...

А с галереи доносилось тихое пение Камени:

А Мемфис хочу поспеть и богу Пта взмолиться:
Любимую дай мне сегодня ночью!

III

- Ренисенб!

Хори пришлось дважды окликнуть ее, прежде чем она оторвалась от созерцания Нила.

- Ты о чем-то задумалась, Ренисенб? О чем ты размышляла?

- Я вспоминала Хея, - с вызовом ответила Ренисенб.

Хори смотрел на нее несколько мгновений, потом улыбнулся.

- Понятно, - отозвался он.

А Ренисенб смущенно призналась себе, что он в самом деле понял, о чем она думала.

- Что происходит с человеком после смерти? - поспешно спросила она.

- Кто-нибудь знает? Все эти тексты, что написаны на саркофагах, так непонятны, что кажутся бессмысленными. Нам известно, что Осириса убили, что его тело было вновь собрано из кусков, что он носит белую корону и что благодаря ему мы не умираем по-настоящему, но иногда, Хори, все это представляется выдумкой и так запутано...

Хори понимающе кивнул.

- А мне хочется знать, что на самом деле происходит с нами после смерти.

- Я не могу ответить на твой вопрос, Ренисенб. Спроси у жрецов.

- Они ответят так, как отвечают всегда. А я хочу знать.

- Узнать можно только тогда, когда мы сами умрем, - мягко сказал Хори.

Ренисенб задрожала.

- Не надо так говорить! Замолчи!

- Ты чем-то взволнована, Ренисенб?

- Да, меня расстроила Иза. - Помолчав, она спросила: - Скажи мне, Хори, Камени и Нофрет знали друг друга до... до приезда сюда?

На миг Хори приостановился, а потом, продолжив путь к дому, сказал:

- Значит, вот в чем дело...

- Почему ты говоришь: "Значит, вот в чем дело"? Я ведь только задала тебе вопрос...

- ...на который я не могу тебе ответить. Нофрет и Камени знали друг друга, но хорошо ли, я понятия не имею.

И тихо добавил:

- А это имеет значение?

- Нет, - ответила Ренисенб. - Это не имеет никакого значения.
- Нофрет умерла.
- Умерла, ее набальзамировали, и погребальный грот замуровали. Вот и все.

- А Камени вроде и не горюет... - спокойно договорил Хори.
- Верно, - согласилась Ренисенб, удивляясь, что сама этого не заметила. И вдруг повернулась к Хори: - О Хори, как ты умеешь утешить!
- Я ведь чинил игрушки маленькой Ренисенб. А теперь у нее другие забавы.

Они уже подошли к дому, но Ренисенб решила сделать еще один круг.
- Не хочется мне входить в дом. По-моему, я их всех ненавижу. Не настоящему, конечно. Просто я очень зла на них - они ведут себя так странно. Не подняться ли нам к тебе наверх? Там так хорошо, будто паришь над миром.

- Очень меткое наблюдение, Ренисенб. Именно такое ощущение появляется и у меня. Дом, поля - все это не заслуживает внимания. Надо смотреть дальше, на реку, а за ней - видеть весь Египет. Очень скоро он снова станет единым, великим и могущественным, как в былые годы.

- Это так важно? - пробормотала Ренисенб.
- Для маленькой Ренисенб нет. Ей нужен только ее лев, - улыбнулся Хори.

- Ты смеешься надо мной, Хори. Значит, это действительно важно?
- Важно ли? Для меня? Почему? В конце концов, я всего лишь управляющий у хранителя гробницы. Какое мне дело до того, велик Египет или нет? - сам себя спрашивал Хори.

- Посмотри, - показала Ренисенб на скалу, которая была как раз над ними. - Яхмос и Сатипи ходили наверх. И теперь спускаются.

- Да, - сказал Хори, - там нужно было кое-что убрать. Бальзамировщики оставили несколько штук полотна. Яхмос сказал, что возьмет с собой Сатипи, посоветоваться, на что их использовать.

Они остановились и смотрели на спускавшихся по тропинке Яхмоса и Сатипи.

И вдруг Ренисенб пришло в голову, что они как раз приближаются к тому месту, с которого сорвалась Нофрет.

Сатипи шла впереди; за ней на расстоянии нескольких шагов - Яхмос. Внезапно Сатипи повернула голову, по-видимому, желая что-то сказать Яхмосу. Наверное, подумала Ренисенб, говорит ему, что именно здесь произошло несчастье с Нофрет.

И тут Сатипи неожиданно застыла на месте. Замерла, глядя назад,

через плечо. Руки ее взметнулись вверх, словно она пыталась заслониться от страшного видения или защитить себя от удара. Она вскрикнула, пошатнулась и, когда Яхмос бросился к ней, с воплем ужаса сорвалась с обрыва и рухнула на камни внизу...

Ренисенб, зажав рот рукой, неверящими глазами следила за ее падением.

Распростершись, Сатипи лежала на том самом месте, где когда-то лежала Нофрет.

Ренисенб подбежала, наклонилась над ней. Глаза Сатипи были открыты, веки трепетали. Ее губы шевелились, словно она силилась что-то сказать. Ренисенб наклонилась ниже. Ее потрясло выражение ужаса, застывшее в глазах Сатипи.

Потом она услышала голос умирающей.

- Нофрет... - с хрипом выдохнула Сатипи.

Голова ее упала. Челюсть отвисла.

Хори повернулся навстречу Яхмосу. Они подошли одновременно.

Ренисенб выпрямилась.

- Что она крикнула, перед тем как упала?

Яхмос тяжело дышал, не в силах вымолвить ни слова.

- Она посмотрела куда-то... за моей спиной... словно увидела на тропинке кого-то еще... но там никого не было... никого не было...

- Там никого не было, - подтвердил Хори.

- И тогда она крикнула... - испуганно прошептал Яхмос.

- Что она крикнула? - нетерпеливо переспросила Ренисенб.

- Она крикнула... Она крикнула... - Голос его дрожал. - "Нофрет!"

ГЛАВА XII

Первый месяц Лета, 12-й день

I

- Вот, значит, что ты имел в виду, Хори? - Ренисенб скорей утверждала, нежели спрашивала. И, охваченная ужасом, тихо добавила еще более убежденным тоном:

- Значит, Сатипи убила Нофрет...

Поддерживая руками свисавшее с шеи ожерелье, она сидела у входа в небольшой грот рядом с гробницей - обитель Хори и смотрела вниз на простиравшуюся перед ней долину, и сквозь дремоту думала, насколько справедливы были слова, сказанные ею накануне. Неужто это было только вчера? Отсюда сверху дом и спешащие куда-то по делам люди казались не более значительными, нежели растревоженное осиное гнездо.

И только солнце, величественное в своем могуществе, сияет в небе, только узкая полоска серебра - Нил - блестит в утреннем свете, только они вечны и бессмертны. Хей умер, нет уже и Нофрет с Сатипи, когда-нибудь умрут и она, и Хори. Но Ра будет по-прежнему днем править на небесах, а по ночам плыть в своей ладье по Подземному царству, держа путь к рассвету. И Нил будет спокойно нести свои воды далеко с юга, из-за острова Элефантины, мимо Фив и места, где живут они, в Северный Египет, где жила и была счастлива Нофрет, а потом все дальше к большой воде, уходя навсегда из Египта.

Сатипи и Нофрет...

Ренисенб решилась высказать свои мысли вслух, поскольку Хори так и не ответил на ее последний вопрос.

- Видишь ли, я была настолько уверена, что это Себек... - Она не договорила.

- Ты заранее убедила себя в этом.

- Совершив очередную глупость, - согласилась Ренисенб. - Ведь Хенет

сказала мне, что Сатипи пошла наверх и что Нофрет еще до нее тоже отправилась туда. Я должна была сообразить, что Сатипи намеренно последовала за Нофрет, что они встретились на тропинке и Сатипи столкнула ее вниз. Ведь незадолго до этого она заявила, что в ней больше мужества, чем в моих братьях.

И, вздрогнув, Ренисенб умолкла.

- Когда я ее встретила, - продолжала она, - я должна была сразу все понять. Она была сама не своя, выглядела такой испуганной. Пыталась уговорить меня вернуться вместе с ней домой. Не хотела, чтобы я увидела мертвую Нофрет. Я, должно быть, ослепла, иначе сразу бы все поняла. Но я так боялась, что это Себек...

- Я знаю. Потому что ты видела, как он убил змею.

- Да, именно поэтому, с жаром подтвердила Ренисенб. И потом... мне приснилось... Бедный Себек - я была несправедлива к нему. Как ты сказал, угрожать - это еще не значит убить. Себек всегда любил пускать пыль в глаза. А на самом деле отважной, безжалостной и готовой к решительным действиям была Сатипи. И потом, после того события... она бродила, как привидение, даром мы все ей удивлялись. Почему нам даже в голову не пришло такое простое объяснение?

И, вскинув глаза, спросила:

- Но тебе-то оно приходило?

- Последнее время, - ответил Хори, - я был убежден, что ключ к тайне смерти Нофрет лежит в странной перемене характера Сатипи. Эта перемена так бросалась в глаза, что было ясно: за ней что-то крылось.

- И тем не менее ты ничего не сказал?

- Как я мог, Ренисенб? У меня ведь нет никаких доказательств.

- Да, ты прав.

- Любое утверждение обосновывается доказательствами.

- Когда-то ты сказал, - вдруг вспомнила Ренисенб, - что люди в один день не меняются. А сейчас ты согласен, что Сатипи сразу переменялась, стала совсем другой.

Хори улыбнулся.

- Тебе бы выступать в суде при нашем правителе. Нет, Ренисенб, люди действительно остаются сами собой. Сатипи, как и Себек, тоже любила громкие слова. Она, конечно, могла перейти от слов к действиям, только, думаю, она была из тех людей, которые кричат о том, чего не знают, чего никогда не испытали. Всю ее жизнь до того самого дня она не знала чувства страха. Страх застиг ее врасплох. Тогда она поняла, что отвага - это способность встретиться лицом к лицу с чем-то непредвиденным, а у нее

такой отваги не оказалось.

- Страх застиг ее врасплох... - прошептала про себя Ренисенб. - Да, наверное, с тех пор, как умерла Нофрет, в Сатипи поселился страх. Он был написан у нее на лице, а мы этого не заметили. Он был в ее глазах, когда она умерла... Когда она произнесла: "Нофрет..." Будто увидела...

Ренисенб умолкла. Она повернулась к Хори, глаза ее расширились от недоумения.

- Хори, а что она увидела? Там, на тропинке. Мы же ничего не видели. Там ничего не было.

- Для нас ничего.

- А для нее? Значит, она увидела Нофрет, Нофрет, которая явилась, чтобы отомстить. Но Нофрет умерла и замурована в своем саркофаге. Что же Сатипи увидела?

- Видение, которое предстало перед ее мысленным взором.

- Ты уверен? Потому что если нет...

- Да, Ренисенб, если нет?

- Хори, - протянула к нему руку Ренисенб, - как ты думаешь, все кончилось? Со смертью Сатипи? Вправду кончилось?

Хори взял ее руку в свои, успокаивая.

- Да, да, Ренисенб, разумеется, кончилось. И тебе, по крайней мере, нечего бояться.

- Иза говорит, что Нофрет меня ненавидела... - еле слышно произнесла Ренисенб.

- Нофрет ненавидела тебя?

- По словам Изы.

- Нофрет умела ненавидеть, - заметил Хори. - Порой мне кажется, что ее ненависть простиралась на всех до единого в доме. Но ты ведь не сделала ей ничего плохого?

- Нет, ничего.

- А поэтому, Ренисенб, у тебя в мыслях не должно быть ничего такого, за что ты могла бы себя осудить.

- Ты хочешь сказать, Хори, что если мне придется спускаться по тропинке в час заката, то есть тогда, когда умерла Нофрет, и если я поверну голову, то ничего не увижу? Что мне не грозит опасность?

- Тебе не грозит опасность, Ренисенб, потому что, когда ты будешь спускаться по тропинке, я буду рядом с тобой и никто не осмелится причинить тебе зла.

Но Ренисенб нахмурилась и покачала головой.

- Нет, Хори, я пойду одна.

- Но почему, Ренисенб? Разве ты не боишься?

- Боюсь, - ответила Ренисенб. - Но все равно это нужно сделать. В доме все дрожат от страха. Они сбегали в храм, купили амулетов, а теперь кричат, что нельзя ходить по тропинке в час заката. Нет, не чудо заставило Сатипи пошатнуться и упасть со скалы, а страх, страх перед злодеянием, которое она совершила. Потому что лишить жизни того, кто молод и силен, кто наслаждается своим существованием - это злодеяние. Я же ничего дурного не совершала, и, даже если Нофрет меня ненавидела, ее ненависть не может причинить мне зла. Я в этом убеждена. И, кроме того, лучше умереть, чем постоянно жить в страхе, поэтому я постараюсь преодолеть свой страх.

- Слова твои полны отваги, Ренисенб.

- На словах я, сказать по правде, более бесстрашна, чем на деле, - призналась Ренисенб и улыбнулась. Она встала. - Но произнести их было приятно.

Хори тоже поднялся на ноги и встал рядом.

- Я запомню твои слова, Ренисенб. И как ты вскинула голову, когда произносила их. Они свидетельствуют об искренности и храбрости, которые, я всегда чувствовал, живут в твоём сердце.

Он взял ее за руку.

- Послушай меня, Ренисенб! Посмотри отсюда на долину, на реку и на тот берег. Это - Египет, наша земля. Разоренная войнами и междоусобицами, разделенная на множество мелких царств, но скоро, очень скоро она станет единой - Верхний и Нижний Египет снова объединятся в одну страну, которая, я верю и надеюсь, обретет былое величие. И в тот час Египту понадобятся мужчины и женщины с сердцем, полным отваги, женщины вроде тебя, Ренисенб. А мужчины не такие, как Имхотеп, которого волнуют только собственные доходы и расходы, и не такие, как Себек, бездельник и хвастун, и не такие, как Ипи, который ищет только, чем поживиться, и даже не такие добросовестные и честные, как Яхмос. Сидя здесь, можно сказать, среди усопших, подытоживая доходы и расходы, выписывая счета, я осознал, что человеку наградой может служить не только богатство и утрата - не только потеря урожая... Я смотрю на Нил и вижу в нем источник жизненной силы Египта, который существовал еще до нашего появления на свет и будет существовать после нашей смерти... Жизнь и смерть, Ренисенб, не имеют такого большого значения. Я всего лишь управляющий у Имхотепа, но, когда я смотрю вдаль, на Египет, я испытываю такие покой и радость, что не поменялся бы своим местом даже с нашим правителем. Понимаешь ли ты, Ренисенб, о

чем я говорю?

- По-моему, да, Хори, но не все. Ты совсем не такой, как те, кто внизу, я это уже давно знаю. И когда я здесь, рядом с тобой, я испытываю те же чувства, что и ты, только смутно, не очень отчетливо. Но я понимаю, о чем ты говоришь. Когда я здесь, все то, что внизу, - показала она, - кажется таким незначительным - все эти ссоры и обиды, шум и суета. Здесь от этого отдыхаешь.

Нахмутив лоб, она помолчала, а потом, чуть запинаясь, продолжала:

- Порой я рада, что мне есть куда уйти. И тем не менее... есть что-то такое... не знаю, что именно... что влечет меня обратно.

Хори отпустил ее руку и сделал шаг назад.

- Я понимаю, - мягко сказал он. - Песни Камени.

- Что ты говоришь, Хори? Я вовсе не думаю о Камени.

- Может, и не думаешь. Но все равно, Ренисенб, ты слышишь его пение здесь, не сознавая этого. Ренисенб смотрела на него, сдвинув брови.

- Какие удивительные вещи ты говоришь, Хори. Как я могу слышать его пение здесь? Так далеко от дома?

Но Хори лишь тихо вздохнул и покачал головой. Насмешка в его глазах озадачила ее. Она рассердилась и даже чуть смутилась, потому что не могла понять его.

ГЛАВА XIII

Первый месяц Лета, 23-й день

I

- Можно мне поговорить с тобою, Иза?

Иза напряженно взгляделась в фигуру, появившуюся на пороге. В дверях с подобострастной улыбкой на лице стояла Хенет.

- В чем дело? - с неприязнью в голосе спросила Иза.

- Да так, пустяки, по-моему, но я решила, что лучше спросить...

- Входи, - прервала ее объяснения Иза. - А ты, - постучала она палкой по плечу маленькой черной рабыни, которая нанизывала бусины на нитку, - отправляйся на кухню. Принеси мне оливок и гранатового соку.

Девчушка убежала, и Иза нетерпеливо кивнула Хенет.

- Я хотела показать тебе вот это, Иза.

Иза уставилась на предмет, который протягивала ей Хенет. Это была небольшая шкатулка для украшений с выдвижной крышкой, которая запиралась на две застёжки.

- Ну и что?

- Это ее. Я нашла эту шкатулку только что - в ее покоях.

- О ком ты говоришь? О Сатипи?

- Нет, нет, Иза. О другой.

- О Нофрет, хочешь ты сказать? Ну и что?

- Все ее украшения, горшочки с притираниями и сосуды с благовониями, словом, все было замуровано вместе с ней.

Иза расстегнула застёжки и открыла шкатулку. В ней лежала нитка бус из мелкого сердолика и половинка покрытого зеленой глазурью амулета, который, по-видимому, разломали умышленно.

- Ничего здесь особенного нет, - сказала Иза. - Наверное, не заметили, когда собирали вещи.

- Бальзамировщики забрали все.

- Бальзамировщики заслуживают доверия не больше, чем все остальные. Забыли, и все.

- Говорю тебе, Иза: этого не было в комнате, когда я туда заходила.

Иза пристально взглянула на Хенет.

- Что ты хочешь сказать? Что Нофрет вернулась из Царства мертвых и обитает у нас в доме? Ты ведь не глупа, Хенет, хотя иногда и прикидываешься дурочкой. Зачем тебе надо распространять эти сказки?

Хенет многозначительно покачала головой.

- Мы все знаем, что случилось с Сатипи и почему.

- Возможно, - согласилась Иза. - Не исключено, что кое-кто из нас даже знал об этом раньше. А, Хенет? Я всегда считала, что тебе лучше других известно, как Нофрет повстречалась со своей смертью.

- О Иза, неужто ты способна подумать...

- А почему бы и нет? - перебила ее Иза. - Я не боюсь думать, Хенет. Я видела, как последние два месяца Сатипи, крадучись, ходила по дому до смерти перепуганная, и со вчерашнего дня меня мучает мысль, что кто-то, наверное, знал, что Нофрет убила она, и этот кто-то угрожал Сатипи рассказать об этом Яхмосу, а может, и самому Имхотепу...

Хенет визгливым голосом разразилась клятвами и заверениями своей невиновности. Иза выслушала ее, закрыв глаза и откинувшись на спинку кресла, и произнесла:

- Я нисколько не сомневалась в том, что ты не признаешься. И сейчас этого не жду.

- С чего ты взяла, что мне есть в чем признаться? С чего, спрашиваю я тебя?

- Понятия не имею, - ответила Иза. - Ты совершаешь много поступков, Хенет, которым я никогда не могла найти разумного объяснения.

- По-твоему, я пыталась заставить ее платить мне за молчание? Клянусь Девяткой богов...

- Оставь богов в покое... Ты, Хенет, честна настолько, насколько тебе позволяет твоя совесть. Вполне возможно, что тебе ничего неизвестно об обстоятельствах смерти Нофрет. Зато ты знаешь почти все, что происходит в доме. И доведись мне давать клятву, то я готова поклясться, что ты сама подложила эту шкатулку в покои Нофрет - только зачем, я представить себе не могу. Но причина есть... Своими фокусами ты можешь обманывать Имхотепа, но меня тебе не обмануть. И не ной. Я старуха и не выношу нытья. Иди и ной перед Имхотепом. Ему вроде это нравится, хотя почему, знает только Ра.

- Я отнесу шкатулку Имхотепу и скажу ему...

- Я сама отдам ему шкатулку. Иди, Хенет, и перестань разносить по дому глупые слухи. Без Сатипи стало гораздо тише. После смерти Нофрет оказала нам куда больше услуг, чем при жизни. А теперь, поскольку долг оплачен, пусть все займется своими повседневными заботами.

II

- Что случилось? - требовательно спросил Имхотеп, мелкими шажками вбегая в покои Изы мгновение спустя. - Хенет очень расстроена. Она пришла ко мне вся в слезах. Почему никто в доме не желает по-доброму относиться к этой преданной нам всем сердцем женщине?

Иза только рассмеялась своим кудахтающим смехом.

- Ты обвинила ее, насколько я понял, - продолжал Имхотеп, - в том, что она украла шкатулку с украшениями.

- Так она сказала тебе? Ничего подобного. Вот шкатулка. По-видимому, она нашла ее в покоях Нофрет.

Имхотеп взял шкатулку.

- Да, та самая, что я ей подарил. - Он открыл шкатулку. - Хм, да тут почти ничего нет. Бальзамировщики поступили крайне небрежно, позабыв положить ее в саркофаг со всеми остальными вещами Нофрет. При том что Ипи и Монту так дорого запрашивают за свои услуги, можно было, по крайней мере, ожидать, что они не допустят подобной небрежности. Ладно, слишком много шума из-за пустяка - вот чем все это мне представляется.

- Совершенно справедливо.

- Я отдам эту шкатулку Кайт - нет, не Кайт, а, Ренисенб. Она всегда относилась к Нофрет с почтением.

Он вздохнул.

- Эти женщины с их бесконечными слезами, ссорами и пререканиями - от них никогда нет покоя.

- Зато теперь, Имхотеп, одной женщиной стало меньше.

- И вправду. Бедный Яхмос! Тем не менее, Иза, мне кажется, что, быть может, это и к лучшему. Сатипи рожала здоровых детей, что правда, то правда, но женой она была плохой. Конечно, Яхмос сам виноват: он многое ей позволял. Что ж, с этим покончено. Должен сказать, что в последнее время я очень доволен Яхмосом. Он куда больше полагается на собственные силы, стал менее робким, некоторые принятые им решения превосходны, просто превосходны...

- Он всегда был хорошим, послушным мальчиком.

- Да, да, но в то же время медлительным и побаивающимся ответственности.

- Ты сам лишал его ответственности, - сухо заметила Иза.

- Ничего, зато теперь все будет по-другому. Я сейчас составляю

распоряжение, согласно которому все три моих сына станут моими совладельцами. Папирус будет написан через несколько дней.

- Неужели и Ипи тоже?

- Откажи я ему, он был бы глубоко оскорблен. Такой добрый, ласковый мальчик!

- Да, вот в нем медлительности нет, - заметила Иза.

- Именно. Да и Себек и я часто бывал недоволен им в прошлом, но в последнее время он тоже заметно изменился. Перестал бездельничать и больше прислушивается к нашему с Яхмосом мнению.

- Хвалебный гимн, да и только, - отозвалась Иза. - Что ж, Имхотеп, должна признаться, по-моему, ты поступаешь правильно. Нехорошо, когда сыновья недовольны своим положением. И все же я считаю, что Ипи слишком молод для того, что ты задумал сделать. Зачем наделять мальчика его возраста такими правами? А что, если он станет ими злоупотреблять?

- Это разумное предостережение, - задумался Имхотеп.

Затем он встал.

- Пора идти. У меня тысяча дел. Пришли бальзамировщики, надо готовиться к погребению Сатипи. Смерть стоит недешево, очень недешево. Одно погребение за другим.

- Будем надеяться, - поспешила утешить его Иза, - что это в последний раз. Пока, конечно, не наступит мой черед.

- Надеюсь, ты еще долго проживешь, дорогая Иза!

- Не сомневаюсь, что ты надеешься, - усмехнулась Иза. - Но только на мне, пожалуйста, не скупись. Дурно это будет выглядеть. В мире ином мне понадобится много вещей. Не только еда и питье, но и фигурки слуг, хорошей работы доска для игр, благовония и притирания, и я требую, чтобы у меня были самые дорогие каноны из алебаstra.

- Конечно, конечно. - Имхотеп нетерпеливо переминался с ноги на ногу. - Когда наступит этот печальный день, все будет сделано, как того требует мой долг. Признаюсь, по отношению к Сатипи я подобного чувства долга не испытываю. Не хотелось бы сплетен, но при столь странных обстоятельствах...

И, не завершив своих объяснений, Имхотеп поспешил уйти.

Иза иронически улыбнулась тому, что лишь в этих последних словах Имхотеп позволил себе признаться, что не считает смерть столь любезной его сердцу наложницы несчастным случаем.

ГЛАВА XIV

Первый месяц Лета, 25-й день

I

Когда мужчины вернулись из судебной палаты правителя, где было должным образом подтверждено распоряжение о введении совладельцев в их права, в доме воцарилось ликование. Только Ипи, которому в последнюю минуту было отказано по причине молодости лет, впал в мрачное состояние духа и куда-то намеренно скрылся.

Имхотеп, пребывая в отличном настроении, велел принести на галерею сосуд с вином, который поместили в специальную подставку.

- Пей, сын мой, - распорядился он, хлопнув Яхмоса по плечу. - Забудь на время о смерти жены. Будем думать только о светлых днях, что ждут нас впереди.

Сыновья выпили с отцом за то, чтобы его слова сбылись. Однако тут им доложили о краже одного из волов, и они поспешили проверить, насколько это известие соответствует истине.

Когда Яхмос через час снова появился во дворе, он выглядел усталым и возбужденным. Он подошел туда, где по-прежнему стоял сосуд с вином, зачерпнул из него бронзовым ковшом и уселся на галерее, неторопливо прихлебывая вино. Через некоторое время подошел и Себек.

- Ха! - радостно воскликнул он. - Вот теперь давай выпьем за то, что нас наконец ждет благополучное будущее! Сегодня у нас счастливый день, а, Яхмос?

- Еще бы. Сразу жизнь станет легче во всех отношениях, - спокойно согласился Яхмос.

- И почему тебя ничто не волнует, а, Яхмос? - расхохотался Себек и, зачерпнув ковшом вина, выпил его залпом, а потом, облизнув губы, поставил ковш на стол. - Вот теперь посмотрим, по-прежнему ли отец будет вести хозяйство по старинке или мне удастся уговорить его быть

более современным.

- На твоём месте я бы не торопился, - предостерег его Яхмос. - Уж очень ты горяч.

Себек ласково улыбнулся брату. Он был в приподнятом расположении духа.

- А ты, как обычно, верен поговорке: медленно, но верно, - усмехнулся он.

Ничуть не обидевшись, Яхмос ответил с улыбкой:

- В конце всегда убеждаешься, что так лучше. Кроме того, отец был щедр к нам. Лучше его не раздражать.

- Ты в самом деле любишь отца? - с любопытством взглянул на него Себек. - До чего же у тебя доброе сердце, брат! Вот мне, например, ни до кого нет дела, кроме себя. А потому, да здравствует Себек!

И он одним глотком опорожнил ещё ковш вина.

- Остерегись, - посоветовал ему Яхмос. - Ты сегодня почти не ел. Порой, если выпить вина...

И замолчал, губы его свело судорогой.

- Ты что, Яхмос?

- Ничего... Ни с того ни с сего стало больно... Я... Ничего...

Однако лоб его покрылся испариной, и он отер его левой рукой.

- Ты побледнел.

- Только что я себя чувствовал отлично.

- Уж не подложил ли кто яда в это вино? - расхохотался Себек и снова потянулся к сосуду с вином. И так и остался с протянутой рукой, согнувшись пополам от внезапного приступа боли.

- Яхмос, - задохнулся он, - Яхмос, я тоже...

Яхмос, скрючившись, сполз с сиденья. У него вырвался хриплый стон. Лицо Себека исказилось от муки.

- Помогите, - закричал он. - Пошлите за врачом...

Из дома выскочила Хенет.

- Ты звал? Что такое? Что случилось?

Её крики слышали другие.

- Вино... отравлено, - еле слышно произнес Яхмос. - Пошлите за врачом...

- Опять беда! - завизжала Хенет. - Наш дом и вправду проклят. Скорее! Спешите! Пошлите в храм за жрецом Мерсу, он опытный и знающий врач.

II

Имхотеп нервно ходил взад-вперед по главному залу. Его красивые одежды были испачканы и измяты, но он их не менял и не мыл тела. Лицо его осунулось от беспокойства и страха.

В глубине дома слышались приглушенные причитания и плач - плакали женщины, проклиная злой рок, опустошающий дом. Громче других рыдала Хенет.

Из бокового покоя доносился громкий голос лекаря и жреца Мерсу, который пытался привести в чувство Яхмоса. Ренисенб, потихоньку проскользнув с женской половины в главный зал, прислушалась, и ноги сами понесли ее к отворенной двери, где она остановилась, уловив нечто успокоительное в звучных словах молитвы, которую нараспев читал жрец от лица Яхмоса.

- О, Исида, великая в своем могуществе, укрой меня от всего худого, злого и кровожадного, заслони от удара, нанесенного богом или богиней, от жаждущих мести мертвых мужчины или женщины, что задумали погубить меня...

Еле слышный стон сорвался с губ Яхмоса.

Ренисенб тоже присоединилась к молитве жреца:

- О, Исида, великая Исида, спаси его, спаси моего брата, Яхмоса, ведь ты умеешь творить чудеса... От всего худого, злого и кровожадного, повторила она и в смятении подумала: "Вот в чем причина того, что происходит у нас в доме... В злобных, кровожадных мыслях убитой женщины, жаждущей мести".

И тогда она мысленно обратилась прямо к той, о ком думала:

"Ведь не Яхмос убил тебя, Нофрет, и, хотя Сатипи была его женой, почему он должен отвечать за ее поступки? Она никогда не слушалась его, да и других тоже. Сатипи, которая убила тебя, умерла. Разве этого не достаточно? Умер и Себек, который только грозился, но не причинил тебе никакого зла. О, Исида, не дай Яхмосу умереть, спаси его от мести и ненависти Нофрет".

Имхотеп, который в полной растерянности продолжал метаться по залу, поднял глаза и увидел дочь. Лицо его стало ласковым.

- Подойди ко мне, Ренисенб, дочь моя.

Она подбежала к отцу, и он обнял ее.

- Отец, что они говорят?

- Что у Яхмоса еще есть надежда, - глухо отозвался он. - А Себек... Тебе известно про Себека?

- Да, да. Разве ты не слышишь причитаний?

- Он умер на рассвете, - сказал Имхотеп. - Себек, мой сильный и красивый сын. - Голос его прервался, он умолк.

- О, какой ужас! И ничего нельзя было сделать?

- Было сделано все что можно. Ему давали снадобья, чтобы рвотой исторгнуть яд. Поили соком целебных трав. Его обложили священными амулетами и читали над ним всеильные заклинания. И все бесполезно. Мерсу искусный лекарь. Если он не мог спасти моего сына, значит, на то была воля богов.

Голос жреца-лекаря оборвался на высокой заключительной ноте заклинания, и он появился, отирая пот со лба.

- Ну? - бросился к нему Имхотеп.

- Милостью Исида твой сын остался в живых, - торжественно провозгласил лекарь. - Он еще слаб, но опасность миновала. Власть зла слабеет.

И продолжал обыденным тоном:

- К счастью, Яхмос выпил гораздо меньше отравленного вина, чем Себек. Он отпивал по глотку, а Себек, по-видимому, опрокинул в себя не один ковш.

- Вот и тут сказалась разница между братьями, - печально проговорил Имхотеп. - Яхмос робкий, осторожный, медлительный, он никогда не спешит, даже когда ест и пьет. А Себек, расточительный и щедрый, ни в чем не знал меры и, увы, поступал опрометчиво.

И настойчиво переспросил:

- А в вине на самом деле был яд?

- Нет никаких сомнений, Имхотеп. Мои молодые помощники дали дотпить остатки вина животным, и те подошли, кто раньше, кто позже.

- А как же я? Я пил это же вино часом раньше, и ничего не случилось.

- Значит, тогда в нем еще не было отравы. Яд всыпали позже.

Имхотеп ударил кулаком одной руки по ладони другой.

- Здесь у меня в доме, - заявил он, ни одна живая душа не осмелилась бы отравить моих сыновей. Такого не может быть. Ни одна живая душа, говорю я!

Мерсу чуть наклонил голову. Лицо его было непроницаемо.

- Об этом судить тебе, Имхотеп.

Имхотеп стоял, нервно почесывая за ухом.

- Я хочу, чтобы ты послушал одну историю, - вдруг сказал он.

Он хлопнул в ладоши и, когда вбежал слуга, приказал:

- Приведи сюда пастуха.

И, обратившись к Мерсу, объяснил:

- Этот мальчишка немного не в себе. Он с трудом понимает, что ему говорят, и порой плетет нечто несуразное. Но глаза у него есть, и видит он хорошо. Он всей душой предан моему сыну Яхмосу, который добр к нему и терпим к его недостаткам.

Вошел слуга, таща за руку худого темнокожего мальчишку с раскосыми глазами и напуганным, бессмысленным лицом. На пастухе, кроме короткого передника, ничего не было.

- Говори, - приказал Имхотеп. - Повтори то, что ты мне только что рассказал.

Мальчишка стоял повесив голову и теребил свой передник.

- Говори, - крикнул Имхотеп.

Опираясь на палку и прихрамывая, в зал вошла Иза. Она взгляделась в присутствующих тусклыми глазами.

- Ты пугаешь ребенка. Ренисенб, возьми-ка у меня сушеную ююбу, дай ее мальчишке. А ты, дитя, расскажи нам, что ты видел.

Мальчик посмотрел на Изу, потом на Ренисенб.

- Вчера, когда ты заглянул во двор, ты увидел... - решила помочь ему Иза. - Что ты увидел?

Но мальчишка отвел глаза в сторону и, покачав головой, пробормотал:

- Где мой господин Яхмос?

- Твой господин Яхмос желает, чтобы ты поведал нам свою историю, - произнес жрец ласковым, но властным тоном. - Не бойся. Никто тебя не обидит.

Лицо мальчика стало осмысленным.

- Господин Яхмос всегда милостив ко мне, а потому я выполняю его желание.

И снова замолчал. Имхотеп хотел было опять прикрикнуть на него, но, встретив взгляд лекаря, сдержался.

И вдруг мальчишка затараторил, волнуясь, глотая слова, оглядываясь по сторонам, словно боялся, что его услышит кто-то невидимый.

- С палкой в руках я гнался за осликом, которому покровительствует Сет28 и который вечно проказничает. Он вбежал в ворота, что ведут во двор, и когда я заглянул туда, то увидел дом. На галерее никого не было, но стоял сосуд с вином. А потом из дома на галерею вышла женщина, одна из хозяек дома. Она подошла к сосуду с вином, подержала над ним руки и потом... потом, наверное, скрылась в доме. Не знаю точно, потому что я

услышал шаги, повернулся и увидел, что господин Яхмос возвращается с полей. Я опять начал искать ослика, а господин Яхмос вошел во двор.

- И ты не предупредил его! - гневно воскликнул Имхотеп. - Ты ничего ему не сказал!

- Откуда мне было знать, что затевается что-то дурное? - закричал мальчишка. - Я видел только, что госпожа стояла, держала руки над сосудом с вином и улыбалась... Больше я ничего не видел...

- Мальчик, кто была эта госпожа? - спросил жрец.

Мальчишка покачал головой, на его лице снова появилось выражение тупой безучастности.

- Не знаю. Должно быть, кто-то из хозяек этого дома. Я их не знаю. Мое стадо пасется в самом дальнем конце владений. На ней было платье из беленого холста.

Ренисенб вздрогнула.

- Может, служанка? - спросил жрец, зорко следя за мальчишкой.

Мальчишка решительно покачал головой.

- Нет, не служанка... У нее были накладные волосы и украшения. На служанке украшений не бывает.

- Украшения? - переспросил Имхотеп. - Какие украшения?

Мальчишка ответил уверенно и с готовностью, словно наконец преодолел страх и не сомневался в правдивости своих слов.

- Три нитки бус, а посередине с них свисали золотые львы...

Палка Изы со стуком упала на пол.

У Имхотепа вырвался стон.

- Если ты лжешь, мальчик... - пригрозил Мерсу.

- Это правда. Клянусь, что правда, - в полный голос закричал мальчишка.

Из боковых покоев, где лежал Яхмос, чуть слышно донеслось:

- В чем дело?

Мальчишка метнулся в открытую дверь и притаился возле ложа, на котором покоился Яхмос.

- Господин, они хотят меня пытать.

- Нет, нет. - Яхмос с трудом повернул голову, лежавшую на подушке из резного дерева. - Не обижайте ребенка. Он простодушен, но честен. Обещайте мне.

- Конечно, конечно, - заверил его Имхотеп. - В этом нет нужды. Нам и так ясно, что мальчишка сказал о том, что видел, - вряд ли он все это выдумал. Иди, дитя, только не уходи далеко. Побудь возле усадьбы, чтобы мы могли позвать тебя, если ты еще нам понадобишься.

Мальчишка поднялся на ноги, бросив жалостливый взгляд на Яхмоса.

- Ты болен, господин?

- Не бойся, - чуть улыбнулся Яхмос. - Я не умру. А сейчас иди, делай, как тебе велели.

Радостно улыбаясь, пастушонок вышел. Жрец оттянул веки глаз Яхмоса, пощупал, как быстро струится кровь под кожей. Потом, посоветовав ему заснуть, снова вышел в главный зал.

- По описанию мальчишки ты узнаешь, кто это? - спросил он у Имхотепа.

Имхотеп кивнул. Его отливающие темной бронзой щеки приобрели болезненно-лиловый оттенок.

- Только у Нофрет было платье из беленого холста. Эту новую моду она привезла из Северных Земель. Но всю ее одежду замуровали вместе с ней, - сказала Ренисенб.

- И три нитки бус с львиными головами из золота - это мой подарок, - признался Имхотеп. - Такого ожерелья больше ни у кого в доме нет. Оно было дорогим и необычным. Все ее украшения, кроме дешевых бус из сердолика, были погребены вместе с ней и замурованы в гробнице.

Он воздел руки к небу.

- За что мне столь жестокая кара? За что преследует меня и мстит мне женщина, к которой я благоволил, которую с почетом ввел в свой дом, а потом, когда она умерла, должным образом, не скупясь, совершил обряд ее погребения? Я делил с ней свою трапезу - свидетели могут поклясться в том. Ей не на что было жаловаться - я делал для нее больше, чем следует и подобает, и готов был пожертвовать ради нее благополучием кровных своих сыновей. Почему же приходит она из Царства мертвых, чтобы карать меня и мою семью?

- Мне кажется, - задумчиво отозвался Мерсу, - что усопшая не желает зла тебе. В вине, когда ты его пил, яда не было. Кто из твоей семьи нанес покойной тяжкое оскорбление?

- Женщина, которая сама уже умерла, - ответил Имхотеп.

- Понятно. Ты говоришь о жене твоего сына Яхмоса?

- Да. - Имхотеп помолчал, а потом снова воззвал: - Что мне делать, достопочтенный Мерсу? Как воспрепятствовать злой воле усопшей, которая жаждет мести? Будь проклят тот день, когда я впервые привел эту женщину к себе в дом!

- Да, будь проклят тот день! - низким голосом отозвалась Кайт, появившись в дверях, ведущих в женские покои.

Глаза ее опухли от слез, а на невыразительном лице запечатлелась

такая сила и решительность, что оно стало значительным. Низкий и хриплый голос ее дрожал от гнева.

- Будь проклят тот день, когда ты привел Нофрет в наш дом, Имхотеп, ибо тем самым ты обрек на смерть самого умного и самого красивого из своих сыновей! Она убила Сатипи и Себека, она чуть не отправила на тот свет Яхмоса. Кто следующий? Пощадит ли она детей - она, которая посмела толкнуть мою маленькую Анх? Нужно что-то предпринять, Имхотеп!

- Да, нужно что-то предпринять, - эхом отозвался Имхотеп, с мольбой глядя на жреца.

Жрец с полным пониманием кивнул головой.

- Пути и способы существуют, Имхотеп. Владея доказательствами того, что произошло, мы можем начать действовать. Я имею в виду твою покойную жену Ашайет. Она была родом из влиятельной семьи. Она может воззвать к могущественным силам в Царстве мертвых, которые встанут на твою защиту и над которыми у Нофрет нет власти. Будем держать совет, как приступить к исполнению нашего замысла.

- Только не советуйтесь чересчур долго, - коротко рассмеялась Кайт. - Мужчины все одинаковы. Да, даже жрецы. Рабски следуют правилам и законам. Торопитесь, говорю я вам, иначе смерть поразит еще кого-нибудь в нашем доме.

С этими словами она скрылась в женских покоях.

- Хорошая женщина, - пробормотал Имхотеп. - Преданная мать, послушная жена, но порой она ведет себя неподобающим образом по отношению к главе дома. Конечно, в такую минуту это простительно. Мы все потрясены и не отдаем отчета своим поступкам.

Он обхватил голову руками.

- Некоторые из нас слишком часто не дают отчета своим поступкам, - заметила Иза.

Имхотеп бросил на нее раздраженный взгляд. Лекарь собрался уходить, и Имхотеп проводил его до галереи, выслушивая последние наставления о том, как следует ухаживать за больным Яхмосом.

Ренисенб вопросительно взглянула на бабушку. Иза сидела неподвижно. Выражение хмурой задумчивости на лице было столь необычно для нее, что Ренисенб робко спросила:

- О чем ты задумалась, бабушка?

- Ты нашла точное слово, Ренисенб. В нашем доме происходят такие странные события, что нельзя не задуматься.

- И правда, события ужасные. Мне так страшно, - вздрогнув,

призналась Ренисенб.

- И мне тоже, - сказала Иза. - Хотя, быть может, совсем по другой причине.

И привычным движением сдвинула набок накладные волосы.

- Но Яхмос выжил, - заметила Ренисенб. - Все обошлось.

- Да, - кивнула Иза. - Главный лекарь успел к нему вовремя. В другой раз ему может не повезти.

- По-твоему, такое может случиться снова?

- Я думаю, что Яхмосу, тебе, Ипи, да, пожалуй, и Кайт следует быть очень осторожными в еде и питье. Пусть сначала кто-нибудь из рабов пробует каждое блюдо.

- А тебе, бабушка?

Иза улыбнулась своей иронической улыбкой.

- Я, Ренисенб, старуха и люблю жизнь так, как умеют ее любить старики, наслаждаясь каждым часом, каждым мигот, которые им еще суждено прожить. Изо всех нас больше всего возможности остаться в живых у меня, потому что я куда более осторожна, нежели вы.

- А мой отец? Не может же Нофрет желать зла моему отцу?

- Твоему отцу?.. Не знаю... Да, не знаю. Я пока не во всем разобралась. Завтра, когда я как следует все продумаю, я еще раз поговорю с пастухом. В его рассказе есть что-то такое...

И, нахмурившись, она умолкла. Потом, вздохнув, поднялась и, опираясь на палку, заковыляла к себе.

А Ренисенб направилась в покои, где лежал брат. Он спал, и она тихо вышла. Постояв секунду в нерешительности, она пошла к Кайт. И, незамеченная, остановилась на пороге, наблюдая, как Кайт, напевая, укачивает ребенка. Лицо Кайт снова было спокойным и безмятежным - настолько, что на мгновение все трагические события последних суток показались Ренисенб лишь сном.

Она вернулась в свои покои. На столике среди коробочек и горшочков с маслами и притираниями лежала принадлежавшая Нофрет маленькая шкатулка для украшений.

Ренисенб смотрела на нее, держа на ладони, и думала. Этой шкатулки касалась Нофрет, брала ее в руки. Она принадлежала ей.

И снова жалость к Нофрет охватила Ренисенб. Нофрет была несчастна. И, наверное, держа эту шкатулку в руках и думая о том, как она несчастна, разжигала в себе злобу и ненависть... Даже сейчас эта ненависть не угасла... Нофрет еще жаждет мести... О, нет, нет!

Почти машинально Ренисенб расстегнула обе застёжки и сдвинула

крышку. Внутри лежали сердоликовые бусы, половинка разломанного надвое амулета и что-то еще...

Сердце у Ренисенб отчаянно колотилось, когда она вынула из шкатулки ожерелье из золотых бусинок с золотыми львами, свисающими посередине...

ГЛАВА XV

Первый месяц Лета, 30-й день

I

Эта находка очень напугала Ренисенб.

Она сразу же положила ожерелье обратно в шкатулку, задвинула крышку и застегнула застёжки. Ее первым порывом было никому не говорить о своей находке, и она даже боязливо оглянулась по сторонам, желая убедиться, что никто ничего не видел.

Ренисенб провела бессонную ночь, ворочаясь с боку на бок и никак не находя для головы удобного положения на резном деревянном подголовнике.

К утру она приняла решение с кем-нибудь поделиться своим открытием. Уж слишком тяжело было хранить его в тайне. Дважды за ночь она приподнималась посмотреть, не стоит ли Нофрет возле ее кровати. Нет, в покоях никого не было.

Вынув ожерелье с львиными головами из шкатулки, Ренисенб укрывала его в складках своего одеяния. И едва успела это сделать, как в покои к ней ворвалась Хенет с горящими от радостного возбуждения глазами - она могла поведать свежую новость.

- Только представь, Ренисенб, - ну не ужас ли? - мальчишку, этого пастуха, знаешь, нашли нынче утром крепко спящим возле кукурузного поля, его трясли и кричали ему в ухо, но, видно, он никогда больше не проснется. Словно напился макового настоя, - может, так и было - но если так, кто ему дал этого настоя? Из наших никто, я уверена. И вряд ли он отыскал его сам. Вчера еще следовало бы это предусмотреть. - Хенет схватилась за один из своих многочисленных амулетов. - Да защитит нас Амон от злых духов из Царства мертвых! Мальчишка рассказал нам, что видел. Признался, что видел Ее. Значит, Она вернулась и напоила его маковым настоем, чтобы его глаза закрылись навсегда. О, Она очень

могущественна, эта Нофрет! Она ведь, знаешь, побывала и в других странах. И там, наверное, обучилась колдовству. Нам грозит опасность, всем без исключения. Твой отец должен принести в жертву Амону несколько волов, целое стадо, если понадобится, - сейчас не время скупиться. Нам нужно искать защиты. Обратиться к твоей матери - вот что Имхотеп хочет сделать. Так посоветовал жрец Мер-су. Написать послание в Царство мертвых. Хори сейчас составляет его. Поначалу твой отец хотел взывать к Нофрет, просить ее, знаешь, вот так: "Превосходнейшая Нофрет, в чем моя вина пред тобою, что ты...", и так далее. Но верховный жрец Мерсу сказал, этим не отделаешься. Твоя мать Ашайет была из знатной семьи. Брат ее матери был правителем, а ее собственный брат главным виночерпием у великого визиря в Фивах. Как только ей станет известно о наших бедах, она уж постарается сделать так, чтобы простой наложнице не было позволено губить ее детей. И тогда справедливость восторжествует. Вот Хори сейчас и составляет послание к ней.

"Надо разыскать Хори, - подумала Ренисенб, - и рассказать о найденном ожерелье со львами. Но если Хори составляет послание, да еще вместе со жрецами из храма Исиды, то поговорить с ним наедине вряд ли удастся. Пойти к отцу? Без толку", - покачала головой Ренисенб. Она уже давно утратила свою детскую веру во всемогущество отца. Теперь она знала: в минуту трудности он приходит в отчаяние и вместо того, чтобы проявить твердость и решительность, напускает на себя важный вид. Не будь Яхмос болен, она могла бы поговорить с ним, хотя и сомневалась в его способности дать мало-мальски разумный совет. Наверное, стал бы убеждать ее довести все до сведения Имхотепа.

А этого-то, все отчетливее сознавала Ренисенб, во что бы то ни стало следовало избежать. Первое, что сделал бы Имхотеп, это оповестил о случившемся всех вокруг. А Ренисенб инстинктивно чувствовала необходимость сохранить свое открытие в тайне, хотя и вряд ли была в состоянии объяснить, по какой именно причине.

Нет, только Хори может дать ей правильный совет. Хори всегда знает, как поступить. Он заберет у нее ожерелье, а вместе с ожерельем исчезнут тревога и страх. Он посмотрит на нее своими добрыми печальными глазами, и у нее сразу станет легко на сердце...

На миг у Ренисенб родилось искушение довериться Кайт. Нет. Кайт ничем не поможет, она даже слушать как следует не умеет. Конечно, если увести ее подальше от детей... Нет, бесполезно, Кайт славная, но глупая.

"Остаются еще Камени и бабушка, - пришло на ум Ренисенб. - Камени?.." Было что-то заманчивое в мысли рассказать обо всем Камени.

Она отчетливо представила себе его лицо, сначала оживленное и веселое, потом озабоченное... Ему станет тревожно за нее, а может, вовсе не за нее?

Откуда это закравшееся вдруг подозрение, что Нофрет и Камени были более близкими друзьями, нежели казалось с виду? Из-за того, что Камени помогал Нофрет поспорить Имхотепа с его семьей? Он дал слово, что действовал вопреки собственной воле, но правда ли это? Дать слово ничего не стоит. Все, что Камени говорит, звучит искренне и правдиво. Его смех так заразителен, что хочется смеяться вместе с ним. Походка у него легкая, плечи смуглые и гладкие, и, когда он поворачивает голову, глядя на нее... Когда его глаза смотрят на нее... Ренисенб смутилась от собственных мыслей. Глаза Камени не были похожи на глаза Хори, печальные и добрые. Его взгляд настойчивый, зовущий. Эти размышления заставили Ренисенб покраснеть, в глазах ее появился блеск. Нет, решила она, она не расскажет Камени о том, что нашла ожерелье Нофрет. Она пойдет к Изе. Иза удивила ее вчера. Пусть старая, но соображает она куда лучше остальных членов семьи, да и в практической сметке ей не откажешь.

"Она старая, но знает, как поступить", - подумала Ренисенб.

II

При первых же словах об ожерелье Иза быстро оглянулась вокруг, приложив палец к губам, и протянула руку. Ренисенб извлекла из складок своего одеяния ожерелье и отдала его Изе. Иза мгновение разглядывала его своими тусклыми глазами, а потом сунула куда-то себе в одежды.

- Ни слова больше о нем, - низким властным голосом распорядилась она. - Ибо любой разговор в этом доме слушают тысячи ушей. Я полночи не спала, все размышляла и пришла к выводу, что предстоит сделать многое.

- Отец и Хори пошли в храм Исиды посоветоваться с Мерсу насчет послания моей матери, в котором они хотят попросить ее вступить за нас.

- Я знаю. Пусть твой отец занимается усопшими, нам же предстоит подумать о живых. Когда Хори вернется, приведи его ко мне. Нужно кое-что обговорить и обсудить, а Хори я доверяю.

- Хори скажет, что нам делать, - убежденно произнесла Ренисенб.

Иза с любопытством посмотрела на нее.

- Ты часто ходишь к нему наверх, а? О чем вы, Хори и ты, беседуете?

- О Ниле и о Египте... О том, как день переходит в ночь и как от этого меняется цвет песка и камней... Но очень часто мы вообще не разговариваем. Я просто сижу там в тишине, и мне так покойно, никто не бранится, не ходит попусту взад-вперед, не плачут дети. Я сижу и размышляю, и Хори мне не мешает. Порой я поднимаю глаза и ловлю его на том, что он смотрит на меня, и тогда мы оба улыбаемся... Мне радостно бывать там.

- Счастливая ты, Ренисенб, - отозвалась Иза. - Ты нашла такое счастье, какое живет у человека в его собственном сердце. Для большинства женщин оно состоит в чем-то малозначительном и будничном: в уходе за собственными детьми, в беседах и ссорах с подругами, в попеременно любви и ненависти к мужчине. Их счастье складывается из повседневных забот, нанизанных одна на другую, словно бусинки на нитку...

- И твоя жизнь была такой же, бабушка?

- В основном. Но теперь, когда я стала старой и большую часть времени провожу одна, когда я плохо вижу и с трудом передвигаюсь, я стала понимать, что, кроме жизни вокруг нас, существует жизнь внутри нас. Однако я уже слишком стара, чтобы сделать правильный выбор, и потому по-прежнему ворчу на свою маленькую рабыню, люблю

полакомиться только что приготовленным, прямо с плиты, вкусным блюдом и всеми сортами хлеба, что мы печем, отведать спелого винограда и гранатового сока. Только это и осталось мне, когда ушло все остальное. Дети, которых я любила, уже все в Царстве мертвых. Твой отец, да поможет ему Ра, всегда был глуповат. Я любила его, когда он был малышом и только учился ходить, но сейчас он раздражает меня своей спесью и чванством. Из моих внуков я больше всех люблю тебя, Ренисенб... Кстати, а где Ипи? Я ни вчера, ни сегодня его не видела.

- Он очень занят. Отец поручил ему присматривать за уборкой зерна.

- Что, вероятно, пришлось по душе заносчивому мальчишке, - усмехнулась Иза. - Теперь будет расхаживать с важным видом. Когда он придет поесть, скажи ему, что я хочу его видеть.

- Хорошо, бабушка.

- А про остальное, Ренисенб, молчи...

III

- Ты хотела видеть меня, Иза?

Ипи стоял с цветком в белоснежных зубах и, чуть склонив голову набок, нагло улыбался. Он, по-видимому, был весьма доволен собой и жизнью в целом.

- Если ты готов пожертвовать минутой твоего драгоценного времени, - сказала Иза, сощутив глаза, чтобы получше видеть внука, и оглядывая его с головы до ног.

Ее резкий тон не произвел на Ипи ни малейшего впечатления.

- Да, я и вправду очень занят нынче. Мне приходится присматривать за всем хозяйством, поскольку отец ушел в храм.

- Молодой шакал лает громче других, - заметила Иза.

Но Ипи остался невозмутим.

- Неужели ты позвала меня только для того, чтобы это сказать?

- Нет, не только. Для начала позволь тебе напомнить, что у нас в доме траур. Тело твоего брата Себека уже бальзамируют. А у тебя на лице такая радость, будто наступил праздник.

Ипи усмехнулся.

- Ты ведь не терпишь лицемерия, Иза. Зачем же принуждаешь меня кривить душой? Тебе известно, что мы с Себеком друг друга недолюбливали. Он изо всех сил старался досадить мне и заставлял делать то, что мне не нравится. Обращался со мной, как с ребенком. В поле поручал самую унижительную работу, которая под силу даже детям. Часто дразнил меня и смеялся надо мной. А когда отец решил наделить меня вместе со старшими братьями правами на владение его имуществом, Себек убедил его этого не делать.

- Откуда ты знаешь, что именно Себек убедил его?

- Мне сказал Камени.

- Камени? - подняла брови Иза и, сдвинув на бок накладные волосы, почесала голову. - Значит, Камени? Очень интересно.

- Камени сказал, что услышал об этом от Хенет, а Хенет, как известно, все знает.

- Тем не менее, - сухо заметила Иза, - на этот раз Хенет ошиблась. Оба, и Себек и Яхмос, не сомневаюсь, считали, что ты слишком молод для участия в управлении хозяйством, но твоего отца убедила я, а не они.

- Ты, бабушка? - Ипи уставился на нее с искренним удивлением.

Потом он мрачно насупился, и цветок упал на пол. - Зачем ты это сделала? Какое тебе до всего этого дело?

- Дела моей семьи - это и мои дела.

- И отец послушался тебя?

- Не сразу, - ответила Иза. - Но я преподам тебе урок, внук мой. Женщины идут не проторенным, а окольным путем и способны научиться, если не обладают этим даром от рождения, пользоваться слабостями мужчин. Ты, может, помнишь, что я как-то по вечерней прохладе прислала на галерею Хенет с игровой доской?

- Помню. Мы с отцом принялись играть. Ну и что с того?

- А вот что. Вы сыграли трижды. И всякий раз, поскольку ты играешь лучше, ты выигрывал у отца.

- Верно.

- Вот и все, - сказала Иза, прикрывая глаза. - Твой отец, как все слабые игроки, не любит проигрывать, да еще такому щенку, как ты. Вот он, припомнив мои слова, и решил, что еще рано брать тебя в совладельцы.

С минуту Ипи не сводил с нее глаз. Потом расхохотался - не очень, правда, весело.

- Ты умница, Иза, - сказал он. - Да, ты, может, и старая, но очень умная. В этой семье только у нас с тобой есть мозги. В нашей игре первую партию выиграла ты. Но во второй, увидишь, победу одержу я. Поэтому берегись, бабушка.

- Так я и намерена поступить, - откликнулась Иза. - А в ответ на твои слова позволь мне в свою очередь посоветовать тебе побережись. Одного из твоих братьев уже нет в живых, второй чуть не умер. Ты тоже сын своего отца, а поэтому и тебя может ждать та же участь.

Ипи презрительно рассмеялся.

- Я этого не боюсь.

- Почему? Ты тоже угрожал Нофрет и оскорблял ее.

- Нофрет? - В его голосе явно слышалось пренебрежение.

- Что у тебя в мыслях? - вдруг спросила Иза.

- Мои мысли оставь мне, бабушка. Могу заверить тебя, что Нофрет и ее загробные проделки меня мало волнуют. Пусть вытворяет что хочет.

За его спиной раздался вопль, и в покои ворвалась Хенет.

- Самонадеянный юнец! - воскликнула она. - Бросить вызов усопшей! После всего, что произошло? И на тебе даже нет амулета, чтобы защитит себя!

- Защитить? Я сам себя сумею защитить. Прочь с дороги, Хенет! Меня ждут дела. Эти ленивые землепашцы наконец-то почувствуют руку

настоящего хозяина.

И, оттолкнув Хенет, Ипи удалился.

Иза не стала слушать жалобы и сетования Хенет.

- Перестань ныть, Хенет. Может, Ипи и знает, что делает. Во всяком случае, ведет он себя довольно странно. Лучше скажи мне вот что: говорила ли ты Камени, что это Себек убедил Имхотепа не включать Ипи в число совладельцев?

- Я слишком занята делами по дому, - снова по привычке запричитала Хенет, - чтобы бегать и с кем-то вести беседы, а уж меньше всего с Камени. Я бы с ним и словом не перекинулась, если бы он сам не затеял со мной разговора. Он умеет расположить к себе, ты не можешь не признать этого, Иза, и не я одна думаю так... Если молодая вдова хочет снова выйти замуж, она обычно выбирает себе красивого молодого человека, хотя я не совсем представляю, как отнесется к этому Имхотеп. Камени всего-навсего младший писец.

- Это не имеет отношения к делу! Говорила ли ты ему, что именно Себек был против того, чтобы Ипи включили в число совладельцев?

- По правде говоря, Иза, я не помню, было это сказано или нет. Во всяком случае, я не ходила и не искала, с кем бы об этом поговорить. Но слухи всегда найдут себе дорогу, к тому же ты сама знаешь, что Себек кричал, да и Яхмос заявлял, между прочим, тоже, только не так громко и не так часто, что Ипи еще ребенок и что это ни к чему хорошему не приведет, и потому Камени сам мог слышать эти слова, а не выведать их у меня. Я никогда не занимаюсь сплетнями, но язык дан человеку, чтобы говорить, а я, между прочим, не глухонемая.

- Да, уж в этом я не сомневаюсь, - согласилась Иза. - Но язык, Хенет, порой может стать и оружием. Язык может оказаться причиной смерти, и не одной. Надеюсь, твой язык, Хенет, еще не лишил никого жизни.

- Как ты можешь такое говорить, Иза! И что у тебя в мыслях? Все, что я когда-либо говорила, я готова поведать целому миру. Я так предана вашей семье, что готова сама умереть за любого из вас. Но никто не ценит мою преданность. Я обещала их дорогой матери...

- Ха, - перебила ее Иза, - наконец-то мне несут жирную куропатку с приправой из порея и петрушки. Пахнет очень вкусно, значит, сварили на славу. Раз уж ты так нам предана, Хенет, попробуй кусочек - на тот случай, если туда положили отраву.

- Иза! - издала очередной вопль Хенет. - Отраву! И как у тебя язык поворачивается говорить подобные вещи! Ее же варили у нас на кухне!

- Все равно кому-нибудь придется попробовать, - сказала Иза. - На

всякий случай. Лучше тебе, Хенет, поскольку ты готова умереть за любого из нас. Не думаю, что смерть будет слишком мучительной. Ешь, Хенет. Посмотри, какая куропатка сочная, жирная и вкусная. Нет, спасибо, я не хочу лишиться моей маленькой рабыни. Она еще совсем юная и веселая. У тебя же лучшие годы уже позади, Хенет, и ничего страшного не произойдет, если с тобой что и случится. Ну-ка, открой рот... Вкусно, не правда ли? Что это ты, прямо позеленела от страха? Тебе что, не понравилась моя шутка? Видать, нет. Ха-ха-ха!

И Иза покатила от смеха, потом, вдруг сделавшись серьезной, принялась с жадностью за свое любимое блюдо.

ГЛАВА XVI

Второй месяц Лета, 1-й день

I

После долгих споров, учтя множество исправлений, послание было наконец составлено, и Хори вместе с двумя храмовыми писцами записал его на свитке папируса.

Первый шаг был сделан.

Жрец подал знак зачитать послание вслух.

- "Превосходнейшей Ашайет!

Это весть от твоего брата и мужа. Не забыла ли сестра своего брата? Не забыла ли мать рожденных ею детей? Разве не знает превосходнейшая Ашайет, что ее детям угрожает злой дух? Уже Себек, ее сын, отравленный ядом, ушел в Царство Осириса.

В земной жизни я чтил тебя, одаривал украшениями и нарядами, душистыми маслами и благовониями, дабы ты умащивала ими свое тело. Я делил с тобой свою трапезу, и мы сидели в мире и согласии перед столами, уставленными яствами. Когда одолел тебя злой недуг, я не жалел расходов, дабы излечить тебя, и призвал самого искусного лекаря. Тебя погребли с почестями, совершив все положенные обряды, и все необходимое тебе в загробной жизни: фигурки слуг и волов, еду и питье, украшения и одежды - замуровали вместе с тобой. Я скорбел по тебе долгие годы и только много лет спустя взял себе наложницу, чтобы жить, как подобает еще не старому мужчине.

И вот эта наложница теперь чинит зло твоим детям. Известно ли тебе об этом? Быть может, ты пребываешь в неведении? Нет сомнения, если бы Ашайет знала об этом, она тотчас бы поспешила на помощь сыновьям, рожденным ею.

Быть может, Ашайет все известно и наложница Нюфрет творит зло, потому что владеет искусством колдовства? Ибо сомнения нет, это

происходит против твоей воли, превосходнейшая Ашайет. А потому вспомни, что в Царстве мертвых у тебя есть знатные родственники и могущественные помощники - великий и благородный Ипи, главный виночерпий визиря. Взывай к нему о помощи! А также брат твоей матери, великий и могучий Мериптах, бывший правитель нашей провинции. Поведай ему о том, что произошло. И да велит он устроить суд и призвать свидетелей. И они поклянутся, что Нофрет сотворила зло. И тогда судьи порешат наказать Нофрет и повелят ей не чинить больше зла нашей семье.

О превосходная Ашайет, не гневайся на своего брата Имхотепа за то, что, следуя злым наветам этой женщины, грозился он совершить несправедливость по отношению к твоим родным детям! Будь милостива, ведь не он один страдает, но и твои дети тоже. Прости твоего брата Имхотепа, ибо вызывает он к тебе во имя твоих детей".

Главный писец кончил читать. Мерсу кивнул в знак одобрения.

- Послание составлено должным образом. Ничего, по-моему, не упущено.

Имхотеп встал.

- Благодарю тебя, достославный Мерсу. Мои дары - скот, масло и лен - придут к тебе завтра до захода солнца. Может, мы сейчас условимся о дне церемонии возложения урны с посланием в поминальном зале гробницы?

- Пусть это произойдет через три дня. На урне следует сделать надпись, а также приготовить все необходимое для торжественного обряда.

- Как сочтешь нужным. Главное, чтобы ничего дурного больше не случилось.

- Я хорошо понимаю твою озабоченность, Имхотеп. Но, отныне позабудь о страхе. Добрейшая Ашайет наверняка откликнется на это послание, а ее родственники, обладающие властью и могуществом, помогут ей восстановить справедливость там, где она была так грубо поправа.

- Да поможет нам Исида! Благодарю тебя, Мерсу, и за помощь, и за то, что ты излечил моего сына Яхмоса. Пойдем домой, Хори, нас ждут дела. Это послание сняло тяжесть с моей души. Превосходнейшая Ашайет не оставит в беде своего несчастного брата.

II

Когда Хори со свитками папируса в руках вошел за ограду усадьбы, у водоема его поджидала Ренисенб.

- Хори! - бросилась она к нему.

- Да, Ренисенб?

- Пойдем со мной к Изе. Она зовет тебя.

- Сейчас. Позволь только я посмотрю, не захочет ли Имхотеп...

Но Имхотепом уже завладел Ипи, и отец с сыном о чем-то тихо беседовали.

- Подожди, я положу эти свитки на место, и мы пойдем с тобой к Изе, Ренисенб.

Иза обрадовалась, увидев пришедших.

- Вот Хори, бабушка. Я сразу привела его к тебе, как только он появился.

- Отлично. Как на дворе, тепло?

- По-моему, да, - удивилась Ренисенб.

- Тогда подай мне палку. Я пройду по двору.

Ренисенб была в недоумении: Иза крайне редко выходила из дому. Под руку она провела старуху через главные покои на галерею.

- Сядешь здесь, бабушка?

- Нет, дитя мое. Я дойду до водоема.

Иза шла медленно, но, хотя и хромала, уверенно продвигалась вперед и не жаловалась на усталость. Оглянувшись, она выбрала место, где возле пруда в приветливой тени фигового дерева была разбита небольшая цветочная клумба.

Усевшись, она с удовлетворением заметила:

- Наконец-то мы можем поговорить так, чтобы никто не сумел нас подслушать.

- Ты рассуждаешь мудро, Иза, - с одобрением отозвался Хори.

- То, о чем мы будем говорить, не должен знать никто, кроме нас троих. Я доверяю тебе, Хори. Ты появился у нас в доме еще ребенком. И всегда был преданным, скромным и умным. Из всех моих внуков я больше всех люблю Ренисенб. Пусть зло обойдет ее стороной, Хори.

- Так и будет, Иза.

Хори произнес эти слова тихо, но тон, каким они были сказаны, выражение его лица и взгляд, каким он встретил взгляд старухи, ее вполне

удовлетворили.

- Хорошо сказано, Хори, спокойно, без излишней горячности, как и подобает человеку, который своих слов на ветер не бросает. А теперь расскажи мне, что вы делали сегодня.

Хори объяснил, как было составлено послание, и пересказал его содержание. Иза слушала внимательно.

- А теперь послушай меня, Хори, и посмотри вот на это. - Она вытащила из складок платья ожерелье со львами. - Скажи ему, Ренисенб, где ты нашла это ожерелье, - добавила она. Ренисенб сказала. Ну, Хори, что ты об этом думаешь? - спросила Иза.

С минуту Хори молчал.

- Ты старше и умнее меня, Иза. Что думаешь ты? - спросил он.

- Я вижу, ты из тех людей, Хори, кто не спешит что-либо утверждать, не имея твердых доказательств. Ты с самого начала знал, как умерла Нофрет?

- Я подозревал правду, Иза, но это было всего лишь подозрение.

- Именно. И сейчас мы располагаем только подозрением. Но здесь, вне стен дома, мы трое можем не бояться высказать наши подозрения, о которых потом, разумеется, лучше умолчать. Я думаю, есть три объяснения случившимся событиям. Первое - пастух сказал правду, и он в самом деле видел Нофрет, вернувшуюся из Царства мертвых с жестоким намерением отомстить за себя и причинить новое горе нашей семье. Может, так оно и было - жрецы, и не только они, утверждают, что такое возможно, да и мы все знаем, что болезни, например, насылаются на людей злыми духами. Но я старая женщина и не обязана верить всему, что говорят жрецы, а потому считаю, что есть и другие объяснения.

- Какие же? - спросил Хори.

- Предположим, что Сатипи и вправду убила Нофрет, что через какое-то время на том же месте Сатипи привиделась Нофрет и что в ужасе от сознания собственной вины она бросилась со скалы и разбилась насмерть. Все это более-менее ясно. Теперь перейдем к тому, что было дальше: некто по причине, нам пока неизвестной, решил убить двух сыновей Имхотепа. А замыслив это сделать, он надеялся, что его преступление из суеверного страха припишут Нофрет, как и произошло.

- Но кто вознамерился бы убить Яхмоса и Себека? - вскричала Ренисенб.

- Не слуги, - сказала Иза, - они бы на это никогда не осмелились. Значит, людей, из которых нам предстоит выбрать, совсем немного.

- Выходит, это кто-то из нас? Бабушка, такого быть не может!

- Спроси у Хори, - сухо отозвалась Иза. - Ты видишь, он мне не возразил.

- Хори, - обратилась к нему Ренисенб, - неужели...

Хори мрачно кивнул головой.

- Ренисенб, ты молода и доверчива. Ты считаешь, что все, кого ты знаешь и любишь, такие, какими они тебе представляются. Ты не подозреваешь, сколько жестокости и зла может гнездиться в человеческом сердце.

- Но кто из нас...

- Вернемся к истории, поведенной нам пастухом, - вмешалась Иза. - Он видел женщину в полотняном одеянии с ожерельем на шее, которое носила Нофрет. Если это не призрак, значит, он видел именно то, что рассказывал, то есть видел женщину, которая хотела, чтобы в ней узнали Нофрет. Это могла быть Кайт, могла быть Хенет и, наконец, могла быть ты, Ренисенб! С такого расстояния кто угодно может сойти за женщину, если надеть женское платье и накладные волосы. Подожди, дай мне договорить. Возможно, пастух солгал. Он поведал нам историю, которой его научили. Он выполнял волю человека, который имел право ему приказывать, даже не понимая по слабости ума, что его подкупили или уговорили так поступить. Этого нам никогда не узнать, потому что мальчишка умер, что само по себе уже кое о чем свидетельствует. Это-то и навело меня на мысль, что мальчишка рассказывал то, чему его научили. Если бы потом его стали выпрашивать поподробнее, он мог бы проговориться - имея немного терпения, нетрудно узнать, сказал ли ребенок правду или солгал.

- Значит, ты считаешь, что убийца среди нас? - спросил Хори.

- Да, - ответила Иза. - А ты?

- Я тоже так считаю, - сказал Хори.

Ренисенб, ошеломленная, переводила взгляд с одной на другого.

- Но мотив так и остается неясным, - продолжал Хори.

- Согласна, - отозвалась Иза. - Вот это-то меня и тревожит. Я не знаю, над кем теперь нависла угроза.

- Убийца среди нас? - недоверчиво переспросила Ренисенб.

- Да, Ренисенб, среди нас, - сурово ответила Иза. - Хенет или Кайт, Ипи или Камени, а то и сам Имхотеп. Кроме того, Иза, или Хори, или даже, - улыбнулась она, - Ренисенб.

- Ты права, Иза, - согласился Хори. - В этот список мы должны включить и себя.

- Но зачем убивать? - В голосе Ренисенб звучали удивление и страх. - Зачем?

- Знай мы это, мы бы знали все, что нам требуется, - сказала Иза. - Пока же мы можем рассуждать о действиях тех, кто оказался жертвой. Себек, если вы помните, подошел к Яхмосу уже после того, как Яхмос начал пить. Отсюда совершенно ясно, что тот, кто отравил вино, рассчитывал убить Яхмоса, и менее ясно, хотел ли он также убить и Себека.

- Но кому понадобилось убить Яхмоса? - недоумевала Ренисенб. - Из всех нас он самый спокойный и добрый, а потому вряд ли у него есть враги.

- Отсюда следует, что преступление совершено не из личной неприязни, - сказал Хори. - Как говорит Ренисенб, Яхмос не из тех, кто наживает себе врагов.

- Да, - согласилась Иза, - личная неприязнь исключается. Значит, либо это вражда ко всей семье, либо преступником движет алчность, против которой нас предостерегают поучения Птахотепа. Она соединение всех зол и вместилище всех пороков.

- Я понимаю ход твоих мыслей, Иза, - заметил Хори. - Но чтобы прийти к какому-либо заключению, мы должны рассудить, кому выгодна смерть Яхмоса.

Иза согласно затрясла головой, от чего ее накладные волосы сползли ей на ухо. Как ни смешно она выглядела, никто даже не улыбнулся.

- Что ж, попробуй ты, Хори, - сказала она.

Минуту-другую Хори молчал, глаза его были задумчивы. Женщины терпеливо ждали. Наконец он заговорил:

- Если бы Яхмос умер, как кто-то рассчитывал, тогда главными наследниками стали бы два сына Имхотепа: Себек и Ипи. Часть имущества, конечно, отошла бы детям Яхмоса, но управление хозяйством было бы в руках сыновей Имхотепа, прежде всего в руках Себека. Больше всех, несомненно, выгадал бы от этого Себек. Надо думать, что в отсутствие Имхотепа он выполнял бы также обязанности жреца заупокойной службы, а после его смерти унаследовал бы эту должность. Но хотя Себек выгадал бы больше других, преступником он быть не может, ибо сам так жадно пил отравленное вино, что умер. Поэтому, насколько я понимаю, смерть двух братьев могла пойти на пользу только одному человеку, - в данный момент, разумеется, - и этот человек - Ипи.

- Правильно, - согласилась Иза. - Я вижу, Хори, ты умеешь рассуждать и смотреть на несколько ходов вперед. Теперь давай поговорим про Ипи. Он молод и нетерпелив; у него во многом дурной характер; он в том возрасте, когда исполнение желаний кажется самым важным на свете. Он

возмущался и сердился на старших братьев, считая, что его несправедливо обошли, исключив из числа совладельцев. А тут еще Камени подогрел его чувства...

- Камени? - спросила Ренисенб. И в ту же секунду вспыхнула и закусила губу.

Хори повернул голову и взглянул на нее. Этот долгий, пронизательный, но добрый взгляд необъяснимым образом ранил ее. Иза, вытянув шею, уставилась на Ренисенб.

- Да, - ответила Иза. - Камени. Под влиянием Хенет или нет - это уже другой вопрос. Ипи честолюбив и самонадеян, он не желает признавать над собой власть старших братьев и явно считает себя, как он уже давно мне сказал, гораздо умнее остальных членов семьи, невозмутимо завершила Иза.

- Он тебе так сказал? - спросил Хори.

- Он весьма любезно признал, что только у нас с ним есть мозги, как он выразился.

- По-твоему, Ипи отравил Яхмоса и Себека? - с сомнением в голосе потребовала ответа Ренисенб.

- Я полагаю, что это не исключено, не более того. Сейчас мы ведем разговор о подозрениях - доказательств у нас пока нет. Испокон веку алчность и ненависть вдохновляли людей на убийство своих близких, и люди совершали убийство, хотя им было известно, что боги этого не одобряют. И если отраву в вино всыпал Ипи, нам нелегко будет уличить его, ибо Ипи, охотно признаю, очень неглуп.

Хори кивнул в знак согласия.

- Но здесь, под фиговым деревом, мы ведем разговор пока лишь о подозрениях. А потому нам предстоит обсудить поведение всех наших домочадцев. Как я уже сказала, слуг я исключаю, потому что даже на мгновение не могу поверить, что кто-либо из них осмелится на такой поступок. Но я не исключаю Хенет.

- Хенет? - воскликнула Ренисенб. - Но Хенет так искренне нам предана. Она то и дело твердит об этом.

- Лгать не труднее, нежели говорить правду. Я много лет знаю Хенет. Впервые я увидела ее, когда она приехала в наш дом с твоей матерью. Она приходилась ей дальней родственницей, бедной и несчастной. Муж так и не полюбил ее - она была малопривлекательна - и вскоре покинул. Единственный ребенок умер в раннем возрасте. Явившись к нам, она заверяла о своей преданности твоей матери, но я видела ее глаза, когда она следила, как твоя мать ходит по дому и по двору, и я говорю тебе, Ренисенб,

в них не было любви. Они горели завистью. А что касается ее преданности всем нам, то я ей не верю.

- Скажи мне, Ренисенб, - вмешался Хори, - а ты сама испытываешь привязанность к Хенет?

- Нет, - не сразу ответила Ренисенб. - Хотя часто корю себя за то, что не люблю ее.

- Не кажется ли тебе, что причиной этому неискренность, которую ты невольно чувствуешь? Подтвердила ли она хоть раз свою любовь к вам на деле? Не она ли постоянно вносит разногласия в семью, наущничая и нашептывая пересуды, которые только ранят душу и вызывают гнев?

- Да, да, все это верно.

Иза издала сухой смешок.

- У тебя, оказывается, неплохие глаза и уши, достойнейший Хори.

- Но отец ей доверяет и благоволит к ней, - не сдавалась Ренисенб.

- Мой сын всегда был дураком, - сказала Иза. - Мужчины любят, когда им льстят, вот Хенет и расточает лесть, подобно благовонному бальзаму, который щедро раздают, готовясь к пирам. Ему она, может, и в самом деле искренне предана, но к остальным, уверена, никакой любви не испытывает.

- Но не решится же она... Не решится же она убивать, - сопротивлялась Ренисенб. - Для чего ей сыпать отраву в вино? Какая ей от этого польза?

- Никакой. Что же касается, для чего, - мы понятия не имеем, какие у Хенет мысли. Не знаем, что она думает, что чувствует. Но за ее подбострастием и раболепством, по-моему, кроется нечто весьма необычное. А если так, то мотивов ее действий нам с тобой и Хори не понять.

Хори кивнул.

- Иногда порча кроется глубоко внутри. Я уже однажды говорил Ренисенб об этом.

- А я не поняла тебя, - отозвалась Ренисенб. - Но теперь мне кое-что стало понятно. Началось это все с появления Нофрет. Еще тогда, заметила я, мы все перестали быть такими, какими казались мне раньше. Я испугалась... А сейчас, - она беспомощно развела руками, - страх царит кругом...

- Страх вызван неведением, - сказал Хори. - Как только все прояснится, Ренисенб, страх исчезнет.

- Есть еще и Кайт, - продолжала Иза.

- При чем тут Кайт? - возмутилась Ренисенб. - Кайт ни за что не стала бы убивать Яхмоса. Это невероятно.

- Невероятного не существует, - сказала Иза. - Это, по крайней мере, я постигла за свою долгую жизнь. Кайт - удивительно тупая женщина, а я всегда не доверяла тупицам. Они опасны. Они видят только то, что вблизи, что их окружает, и могут сосредоточить свое внимание на чем-то одном. Кайт живет в собственном мире, который состоял из нее самой, ее детей и Себека как отца ее детей. Ей вполне могло прийти в голову, что смерть Яхмоса сделает ее детей богаче. Себеком Имхотеп часто бывал недоволен - он был безрассудным, непослушным, дерзким. Имхотеп мог положиться только на Яхмоса. Но если бы Яхмоса не стало, Имхотепу пришлось бы полагаться на Себека. Вот так примитивно она, по-моему, могла бы рассудить.

Ренисенб вздрогнула. Сама того не желая, она распознала в словах Изы суть характера поведения Кайт. Ее мягкость и нежность, ее спокойствие и любовь были направлены только на собственных детей. Помимо себя, своих детей и Себека, мира для нее не существовало. Он не вызывал у нее ни любопытства, ни интереса.

- Но ведь должна же была она сообразить, - начала Ренисенб, - что вернется Себек, захочет пить, как и случилось, и нальет себе вина?

- Нет, - сказала Иза, - не обязательно. Кайт, как я уже сказала, глупая. Она видела только то, что хотела видеть, - Яхмос пьет вино и умирает, что потом объясняют колдовством жестокой и прекрасной Нофрет. Она представляла себе только одну возможность, исключая всякую иную, и, поскольку вовсе не желала смерти Себеку, то ей и в голову не приходило, что он может неожиданно вернуться.

- А получилось так, что Себек умер, а Яхмос остался жив! Как ей, должно быть, тяжело, если все произошло так, как ты предполагаешь.

- Такое часто бывает с глупыми людьми, - заметила Иза. - Затевают они одно, а получается совсем другое. - Она помолчала, а потом продолжала: - А теперь переходим к Камени.

- Камени? - Ренисенб постаралась ничем не выказать своего волнения или протеста. И снова смутилась под взглядом Хори.

- Да, не принимать в расчет Камени мы не можем. Мы не знаем, есть ли у него причины нанести нам вред, но что нам вообще известно о нем? Он приехал с севера, из тех же земель, что и Нофрет. Он помогал ей - охотно или неохотно, кто может сказать? - настроить Имхотепа против родных детей. Я иногда наблюдала за ним, но должна признаться, не знаю, что он собой представляет. В целом он кажется мне обычным молодым человеком, далеко не простодушным, и, помимо того, что он красив, есть в нем что-то притягательное для женщин. Да, женщинам Камени всегда

будет нравиться, но тем не менее, по-моему, он не из тех, кто способен завладеть их мыслями и сердцем. Он весел и беспечен, и, когда умерла Нофрет, не заметно было, чтобы он горевал.

Но так видится со стороны. Кто может сказать, что происходит в человеческом сердце? Человек с твердым характером способен на любую роль... Может, Камени тяжело горюет по погибшей Нофрет и жаждет отомстить за нее? Раз Сатипи убила Нофрет, пусть погибнет Яхмос, ее муж. И Себек, который угрожал ей, а потом, может, и Кайт, докучавшая ей мелкими пакостями, и Ипи, который тоже ненавидел ее. Все это кажется невероятным, но кто знает?

Иза умолкла и посмотрела на Хори.

- Кто знает, Иза?

Иза уставилась на него хитрыми глазами.

- Может, ты знаешь, Хори? Тебе думается, ты знаешь, не так ли?

С минуту Хори молчал, потом ответил:

- Да, у меня есть свое, хотя пока недостаточно твердое, мнение, кто и зачем положил в вино отраву... И я не совсем понимаю... - Он опять помолчал, потом, нахмурившись, покачал головой. - Нет, неопровержимых доказательств у меня нет.

- Но ведь мы ведем разговор о подозрениях. Так что можешь говорить, Хори.

Однако Хори снова покачал головой.

- Нет, Иза. Это всего лишь догадка, неясная догадка... И если она верна, то тебе лучше ее не знать. Ибо знать опасно. То же самое относится и к Ренисенб.

- Значит, и тебе грозит опасность, Хори?

- Да... По-моему, Иза, опасность грозит нам всем - меньше других, пожалуй, Ренисенб.

Некоторое время Иза смотрела на него молча.

- Многое я бы дала, - наконец сказала она, - чтобы проникнуть в твои мысли.

Хори ответил не сразу. Некоторое время он размышлял:

- Мысли человека можно распознать только по его поведению. Если человек ведет себя странно, непривычно, если он сам не свой...

- Тогда ты начинаешь его подозревать? - спросила Ренисенб.

- Как раз нет, - ответил Хори. - Человек, который замышляет злодеяние, понимает, что ему во что бы то ни стало следует это скрыть. Поэтому он не может позволить себе вести себя необычно...

- Мужчина? - спросила Иза.

- Мужчина или женщина - все равно.

- Ясно, - отозвалась Иза. Потом, окинув его внимательным взглядом, она спросила: - А мы? В чем можно заподозрить нас троих?

- Вот в чем, - сказал Хори. - Мне, например, очень доверяют. Составление сделок и сбыт урожая в моих руках. В качестве писца я имею дело со счетами. Предположим, я кое-что подделал, как случилось в Северных Землях, о чем узнал Камени. Затем Яхмос заметил, что счета не сходятся, у него возникли подозрения, и мне пришлось заставить его замолчать. - И он чуть улыбнулся собственным словам.

- О Хори, - воскликнула Ренисенб, - зачем ты все это говоришь? Ни один человек, из тех, кто тебя знает, этому не поверит.

- Позволь напомнить тебе, что ни один человек не знает другого до конца.

- А я? - спросила Иза. - В чем можно заподозрить меня? Да, я старая. А старые люди порой выживают из ума. И начинают ненавидеть тех, кого раньше любили. Могло случиться так, что я возненавидела своих внуков и решила их изничтожить. Такого рода недуг, внушенный злыми духами, иногда поражает стариков.

- А я? - задала вопрос Ренисенб. - Зачем мне убивать брата, которого я люблю?

- Если бы Яхмос, Себек и Ипи умерли, - ответил Хори, - ты одна осталась бы у Имхотепа. Он нашел бы тебе мужа и все свое состояние отдал бы тебе. И ты с твоим мужем были бы опекунами детей Яхмоса и Себека. Но здесь, под фиговым деревом, мы ни в чем не подозреваем тебя, Ренисенб, - улыбнулся он.

- И под фиговым деревом, и не под фиговым деревом мы любим тебя, - заключила Иза.

ГЛАВА XVII

Второй месяц Лета, 1-й день

I

- Значит, ты выходила из дома? - спросила Хенет, когда Иза, прихрамывая, вошла в свои покои. - Уже год, как ты этого не делаешь.

Ее глаза не отрываясь следили за Изой.

- У старых людей бывают капризы, - сказала Иза.

- Я видела, как ты сидела у водоема с Хори и Ренисенб.

- Что ж, мне приятно было с ними посидеть. А бывает когда-нибудь, что ты чего-либо не видишь, Хенет?

- Не понимаю, о чем ты, Иза. Ты там сидела напоказ всему свету.

- Но недостаточно близко, чтобы всему свету было слышно? - усмехнулась Иза.

- И отчего ты так не любишь меня, Иза? - сердито заверещала Хенет. - Вечно ты со своими намеками и подковырками. Я слишком занята наведением порядка в доме, чтобы подслушивать чужие разговоры. И какое мне дело, о чем люди беседуют?

- И вправду, какое тебе дело?

- Если бы не Имхотеп, который по-настоящему ценит меня...

- Что, если бы не Имхотеп? - резко перебила ее Иза. - Ты зависишь от Имхотепа, верно? Случись что-либо с Имхотепом...

- С Имхотепом ничего не случится! - в свою очередь перебила ее Хенет.

- Откуда ты знаешь, Хенет? Разве в нашем доме так уж небезопасно? Уже пострадали и Яхмос, и Себек.

- Это правда. Себек умер, а Яхмос чуть не умер...

- Хенет! - наклонилась вперед Иза. - Почему ты произнесла эти слова с улыбкой?

- Я? С улыбкой? - Иза застигла Хенет врасплох. - Тебе это приснилось,

Иза! Разве я позволю себе улыбаться в такую минуту... когда мы говорим о смерти!

- Я вправду вижу очень плохо, - сказала Иза, - но я еще не совсем ослепла. Иногда мне помогает луч света, иногда я прищуриваюсь и вижу вполне сносно. Бывает, люди, убежденные, что я плохо вижу, в разговоре перестают следить за собой и позволяют себе не скрывать своих истинных чувств, чего при иных обстоятельствах ни за что бы не допустили. Поэтому спрашиваю тебя еще раз: почему ты улыбалась такой довольной улыбкой?

- Твои слова возмутительны, Иза, возмутительны!

- А теперь ты испугалась!

- Кто же не ведает страха, когда в доме происходят такие чудовищные события? - завизжала Хенет. - Мы все живем в страхе, потому что из Царства мертвых нам на мучение возвратились злые духи. Но я-то знаю, в чем тут дело: ты наслушалась Хори. Что он сказал тебе про меня?

- А что Хори известно про тебя, Хенет?

- Ничего... Лучше спроси, что известно мне про него.

Взгляд Изы стал напряженным.

- А что тебе известно?

- А, вы все презираете бедную Хенет! Вы считаете ее уродливой и глупой. Но я-то знаю, что происходит! Я много чего знаю. Я знаю все, что делается в этом доме. Может, я и глупа, но я соображаю, что к чему. И вижу порой дальше, чем умники вроде Хори. Когда мы с Хори встречаемся, он смотрит куда-то мимо меня, будто я вовсе и не существую, будто он видит не меня, а что-то за моей спиной, а там на самом деле ничего нет. Лучше бы он смотрел на меня, вот что я скажу! Он считает, что я пустое место, что я глупая, но иногда глупые знают больше, чем умные. Сатипи тоже мнила себя умной, а где она сейчас, хотелось бы мне знать?

И Хенет торжествующе умолкла. Потом почему-то встревожилась и съежилась, пугливо поглядывая на Изу.

Но Иза, по-видимому, задумалась над собственными мыслями. На лице ее попеременно отражалось то глубокое удивление, то страх, то замешательство.

- Сатипи... - медленно и задумчиво начала она.

- Прости меня, Иза, - опять заныла Хенет, - прости, я просто вышла из себя. Не знаю, что на меня нашло. Ничего подобного у меня и в мыслях нет...

Вскинув глаза, Иза перебила ее:

- Уходи, Хенет. Есть у тебя в мыслях то, что ты сказала, или нет, не имеет никакого значения. Но ты сказала нечто такое, что вызвало у меня

новые раздумья... Иди, Хенет, и предупреждаю тебя, будь осторожна в своих словах и поступках. Хотелось бы, чтобы у нас в доме никто больше не умирал. Надеюсь, тебе это понятно.

II

Вокруг один страх...

Во время беседы у водоема эти слова сорвались с губ Ренисенб случайно. И только позже она поняла их смысл.

Она направилась к Кайт и детям, которые играли возле беседки, но заметила, что сначала бессознательно замедлила шаги, а потом и вовсе остановилась.

Ей было страшно подойти к Кайт, взглянуть на ее некрасивое тупое лицо и вдруг увидеть на нем печать убийцы. Тут на галерею выскочила Хенет, кинувшаяся затем обратно в дом, и возросшее чувство неприязни к ней заставило Ренисенб изменить свое намерение войти в дом. В отчаянии она повернулась к воротам, ведущим со двора, и столкнулась с Ипи, который шагал, высоко держа голову, с веселой улыбкой на дерзком лице.

Ренисенб поймала себя на том, что не сводит с него глаз. Ипи, балованное дитя в их семье, красивый, но своенравный ребенок - таким она запомнила его, когда уезжала с Хеем...

- В чем дело, Ренисенб? Чего ты уставилась на Меня?

- Разве?

Ипи расхохотался.

- У тебя такой же придурковатый вид, как у Хенет.

- Хенет вовсе не придурковатая, - покачала головой Ренисенб. - Она очень себе на уме.

- Злющая она, вот это мне известно. По правде говоря, она всем давно надоела. Я намерен от нее избавиться.

- Избавиться? - прошептала она, судорожно глотнув ртом воздух.

- Дорогая моя сестра, что с тобой? Ты что, тоже видела злых духов, как этот жалкий полоумный пастух?

- У тебя все полоумные!

- Мальчишка-то уж определенно был слабоумным. Сказать по правде, я терпеть не могу слабоумных. Чересчур много их развелось. Небольшое, должен признаться, удовольствие, когда тебе сплошь и рядом докучают тугодумы братья, которые дальше своего носа ничего не видят! Теперь, когда их на пути у меня нет и дело придется иметь только с отцом, увидишь, как все изменится! Отец будет делать то, что я скажу.

Ренисенб подняла на него глаза. Он был красив и самоуверен, больше чем всегда. От него веяло такой жизненной силой и торжеством, что она

даже удивилась. Самонадеянность, по-видимому, помогала ему пребывать в самом радужном состоянии духа, не ведать страха и сомнений.

- Не оба наших брата убраны с пути, как ты изволил выразиться. Яхмос жив.

Ипи посмотрел на нее презрительным и насмешливым взглядом.

- Думаешь, он поправится?

- А почему нет?

Ипи расхохотался.

- Почему нет? Хотя бы потому, что я так не думаю. С Яхмосом все кончено - еще какое-то время он, может, и поползает по дому, посидит на солнышке да постонет. Но он уже не мужчина. Он немного оправился, но, сама увидишь, лучше ему не станет.

- Почему это? - рассердилась Ренисенб. - Лекарь сказал, что через некоторое время он будет здоровым и сильным, как прежде.

- Лекари не все знают, - пожал плечами Ипи. - Они только умеют рассуждать с умным видом да вставлять в свою речь непонятные слова. Ругай, если угодно, коварную Нофрет, но Яхмос, твой дорогой Яхмос обречен.

- А ты сам ничего не боишься, Ипи?

- Боюсь? Я? - Ипи расхохотался, откинув назад красивую голову.

- Нофрет не очень-то жаловала тебя, Ипи.

- Мне нечего бояться, Ренисенб, если, конечно, я сам не полезу в пекло! Я еще молод, но я один из тех, кому от рождения предназначено преуспевать. Что касается тебя, Ренисенб, то ты не прогадаешь, если примешь мою сторону, слышишь? Ты часто относилась ко мне как к безответственному мальчишке. Теперь я стал другим. И с каждым днем ты все больше и больше будешь в этом убеждаться. Скоро, очень скоро господином в этом доме буду я. Отец, может, и будет отдавать приказы, звучать будет его голос, но исходить они будут от меня! - Он сделал шаг-другой, остановился и через плечо бросил: - Поэтому будь осторожна, Ренисенб, чтобы мне не пришлось разочароваться в тебе.

Ренисенб смотрела ему вслед, когда за ее спиной раздались шаги. Она повернулась и увидела Кайт.

- Что сказал Ипи, Ренисенб?

- Он сказал, что скоро будет господином в этом доме, - проговорила Ренисенб.

- Вот как? А по-моему, все произойдет как раз наоборот.

III

Ипи легко взбежал по ступенькам на галерею и вошел в дом. При виде Яхмоса, покоившегося на ложе, он, не скрывая радости, весело спросил:

- Как дела, брат? Неужто нам больше не суждено видеть тебя в поле? Удивительно, как это наше хозяйство без тебя окончательно не развалилось?

Яхмос еле слышно, но с раздражением в голосе отозвался:

- Не знаю, в чем дело. Отрава из меня уже вышла. Почему же не возвращаются силы? Сегодня утром я попробовал встать, но ноги совсем меня не держат. Я ослабел... И худо то, что с каждым днем слабею все больше.

Ипи покачал головой в притворном сочувствии.

- Да, плохо. И лекари ничего не в силах сделать?

- Помощник Мерсу приходит каждый день. Не может понять, что со мной. Он возносит богам заклинания, поит меня крепкими настоями из трав. Для меня готовят особую еду, которая восстанавливает силы. Нет причины, уверяет меня лекарь, почему бы мне не поправиться быстро. А я чахну день ото дня.

- Да, плохо дело, - повторил Ипи.

И, тихонько напевая, пошел дальше, пока не наткнулся на отца и Хори, которые были заняты проверкой счетов.

Лицо Имхотепа, осунувшееся и озабоченное, просветлело, когда он увидел своего любимого младшего сына.

- А вот и мой Ипи. Какие у тебя новости?

- Все в порядке, отец. Начали уборку ячменя. Урожай хороший.

- Да, по милости Ра на полях все идет превосходно. Неплохо, если бы и в доме было так. Но я надеюсь на Ашайет - не думаю, что она откажет нам в помощи в трудный час. Вот только Яхмос меня беспокоит. Откуда у него эта слабость, которой не видно конца?

- Яхмос всегда был хилым, - отозвался Ипи.

- Ничего подобного, - стараясь говорить мягко, возразил Хори. - Яхмос отличался отменным здоровьем.

- Здоровье зависит от присутствия духа, - настаивал Ипи. - А Яхмос никогда не был твердым. Он даже боялся отдавать распоряжения.

- Последнее время это было совсем не так, - сказал Имхотеп. - Последние месяцы Яхмос проявил себя как человек, умеющий действовать

на свой страх и риск. Я был просто удивлен. Но вот эта его слабость в ногах меня крайне беспокоит. Мерсу уверял, что как только яд из него выйдет, Яхмос тотчас пойдет на поправку.

Хори отодвинул от себя какие-то бумаги.

- Бывают и другие яды, - тихо заметил он.

- Что ты хочешь этим сказать? - круто повернулся к нему Имхотеп.

- Есть яды, - спокойно и задумчиво сказал Хори, - которые действуют не сразу и не сильно. В этом их коварство. Такой яд, каждый день попадая в тело человека, накапливается там, и после долгих месяцев угасания наступает смерть... Про такие яды знают женщины; они пользуются ими, когда хотят известить супруга так, чтобы смерть его казалась естественной.

Имхотеп побледнел.

- Ты хочешь сказать, что... в этом причина слабости Яхмоса?

- Я хочу сказать, что такая возможность не исключается. И то, что его еду, когда ее приносят из кухни, всякий раз пробует раб, ничего не значит, ибо количество яда в каждом блюде настолько мало, что сразу не оказывает вредного воздействия.

- Чепуха! - громко сказал Ипи. - Полная чепуха! Я не верю, что существуют такие яды. Никогда о них не слышал.

Хори поднял глаза.

- Ты еще очень молод, Ипи. Тебе пока известно далеко не обо всем.

- Но что нам делать? - воскликнул Имхотеп. - Мы обратились с посланием к Ашайет. Мы сделали подношения храму, хотя храмовым жрецам я не очень-то доверяю. Это женщины на них надеются. Что еще можно предпринять?

- Пусть еду Яхмосу всегда готовит один заслуживающий доверия раб, за которым следует постоянно наблюдать.

- Но это означает... что здесь, в моем доме...

- Вздор! - закричал Ипи. - Суший вздор!

Хори поднял брови.

- Давайте попробуем, - предложил он. - И очень быстро узнаем, вздор это или нет.

Ипи в раздражении выбежал из главных покоев. Хори задумчиво смотрел ему вслед. Лицо его было хмурым и озадаченным.

IV

Ипи выбежал так стремительно, что чуть не сбил с ног Хенет.

- Прочь с пути, Хенет! Вечно ты болтаешься по дому и лезешь куда не следует!

- Какой ты невоспитанный, Ипи. Ушиб мне руку.

- И очень хорошо. Мне надоели и ты сама, и вечное твоё нытье. Чем скорее ты навсегда уберешься из нашего дома, тем лучше. Уж я постараюсь, чтобы это случилось.

- Значит, ты меня выгоняешь, да? - Глаза Хенет блеснули злобой. - Это при том, какой заботой и любовью я всю жизнь вас окружала? Это при том, что я всегда преданно вам служила? Твоему отцу об этом очень хорошо известно.

- Он наслышан об этом досыта. И мы тоже. По-моему, ты просто старая сплетница и всегда старалась посеять раздор в нашей семье. Ты помогала Нофрет плести заговор против нас - об этом всем известно. А когда она умерла, ты снова стала подлизываться к нам. Увидишь, скоро отец будет слушать только меня, а не твои лживые басни.

- Ты не в духе, Ипи. Что тебя так рассердило?

- Не твоё дело.

- Ты чего-то боишься, а, Ипи? Странные вещи происходят в этом доме.

- Меня ты не напугаешь, старая ведьма!

И он бросился мимо нее вон из дома.

Хенет медленно повернулась, чтобы войти в дом, и услышала стон. Яхмос с трудом приподнялся на своем ложе и сделал попытку встать. Но ноги не держали его, и, если бы не Хенет, кинувшаяся ему на помощь, он упал бы на пол.

- Не спеши, Яхмос, не спеши. Ложись обратно.

- Какая ты сильная, Хенет. Вот уж чего не скажешь, глядя на тебя. Он устроился поудобнее, положил голову на деревянный подголовник. - Спасибо. Что со мной? Откуда у меня такое ощущение, будто из тела ушла вся сила?

- Это все потому, что наш дом заколдован. Это сделала та дьяволица, что явилась к нам с севера. Оттуда, известно, добра не жди.

- Я умираю, - вдруг упав духом, пробормотал Яхмос. - Да, умираю...

- Кое-кому суждено умереть до тебя, - мрачно произнесла Хенет.

- Что? О чем ты говоришь? - Он приподнялся на локте и уставился на

нее.

- Я знаю, что говорю, - закивала головой Хенет. - Следующая очередь не твоя. Подожди, сам увидишь.

- Почему ты избегаешь меня, Ренисенб?

Камени загородил ей дорогу. Ренисенб залилась краской, не зная, что сказать в ответ. Она и вправду старалась свернуть в сторону, когда замечала, что навстречу идет Камени.

- Почему? Скажи, Ренисенб, почему?

Но у нее еще не было ответа, а потому она только безмолвно помотала головой. Затем подняла глаза и посмотрела ему прямо в лицо. Ее пугала мысль, что и лицо Камени тоже изменилось. И она была на удивление самой себе рада, что оно ничуть не изменилось, только глаза его смотрели на нее с грустью, и на этот раз на его губах не было улыбки.

Встретив его взгляд, она опустила глаза. Камени всегда вызывал в ней какую-то тревогу. Когда он оказывался рядом, она чувствовала волнение. Сердце у нее забилося быстрее.

- Я знаю, почему ты избегаешь меня, Ренисенб.

- Я... Я вовсе не избегаю тебя, - наконец обрела она голос. - Я просто тебя не заметила.

- Ты лжешь, красавица Ренисенб! - Он улыбался. Не видя его лица, по голосу она поняла это и почувствовала его теплую сильную руку на своей руке.

- Не трогай меня, - отпрянув, сказала она. - Я не люблю, когда до меня дотрагиваются.

- Почему ты сторонись меня, Ренисенб? Ты ведь понимаешь, что происходит между нами. Ты молодая, сильная, красивая. Противно воле природы всю жизнь горевать по покойному мужу. Я увезу тебя из этого дома. В нем поселились смерть и злые духи. Ты поедешь со мной и будешь в безопасности.

- А если я не захочу ехать? - отважилась спросить Ренисенб.

Камени рассмеялся. Его ровные белые зубы сверкали на солнце.

- Но ведь ты хочешь поехать, только стыдишься в этом признаться. Жизнь прекрасна, Ренисенб, когда сестра и брат живут вместе. Я буду любить тебя и сделаю счастливой, а ты станешь "плодоносной пашней мне, твоему господину". Я не буду больше взывать к Птаху: "Любимую дай мне сегодня вечером", а пойду к Имхотепу и скажу: "Отдай мне мою сестру Ренисенб". Но здесь тебе оставаться опасно, а потому я увезу тебя на север. Я хороший писец, меня возьмут в любой богатый дом в Фивах, если я

захочу, хотя, признаться, мне больше по душе сельская жизнь - поля, скот, песни крестьян во время уборки урожая и небольшая лодка на реке. Мне бы хотелось катать тебя по реке, Ренисенб. И Тети мы возьмем с собой. Она красивая, здоровая девочка, я буду любить ее и постараюсь быть ей хорошим отцом. Ну, Ренисенб, что ты мне скажешь?

Ренисенб молчала. Она слышала стук своего сердца, ощущала истому во всем теле. Но вместе со стремлением к Камени рождалась странная неприязнь к нему.

"Только он дотронулся до моей руки, как слабость завладела мной... - думала она. - Потому что он сильный... У него широкие плечи... На губах всегда улыбка... Но я не знаю, о чем он думает, что у него в душе и на сердце. Нет между нами нежности... Мне тревожно рядом с ним... Что мне нужно? Не знаю... Но не это... Нет, не это..."

И тут вдруг она услышала свой голос. Но даже ей самой ее собственные слова показались неуверенными и неубедительными.

- Мне не нужен второй муж... Я хочу быть одна... Сама собой...

- Нет, Ренисенб, это не так. Ты не должна быть одна. Посмотри, как дрожит твоя рука в моей...

Ренисенб вырвала у него свою руку.

- Я не люблю тебя, Камени. По-моему, я тебя ненавижу.

Он улыбнулся.

- Меня это не страшит, Ренисенб. Твоя ненависть так похожа на любовь. Мы еще поговорим об этом.

И удалился легкой, быстрой поступью - так движется молодая газель.

А Ренисенб не спеша направилась к пруду, где Кайт играла с детьми.

Кайт заговорила с ней, но Ренисенб, занятая своими мыслями, отвечала невпопад.

Кайт, однако, этого не заметила, как обычно, все ее внимание было обращено на детей.

Внезапно, нарушив воцарившееся молчание, Ренисенб спросила:

- Как ты думаешь, Кайт, выйти мне снова замуж?

- По-моему, да, - равнодушно отозвалась Кайт, не выказывая большой заинтересованности. - Ты молодая и здоровая, Ренисенб, и сможешь родить еще много детей.

- Разве в этом вся жизнь женщины, Кайт? Быть занятой по дому, рожать детей и сидеть с ними на берегу водоема в тени фиговых деревьев?

- Только в этом для женщины и есть смысл жизни, разве ты не знаешь? Ты ведь не рабыня. В Египте настоящая власть в руках женщин: они рожают детей, которые наследуют владения отцов. Женщины - источник

жизненной силы Египта.

Ренисенб задумчиво, посмотрела на Тети, которая, нахмурившись от усердия, плела своей кукле венок из цветов. Было время, когда Тети, выпячивая нижнюю губу и чуть наклоняя набок голову, так походила на Хея, что у Ренисенб от боли и любви замирало сердце. А теперь и лицо Хея не всплывало в памяти Ренисенб, и Тети больше не выпячивала губу и не наклоняла набок голову. Раньше были минуты, когда Ренисенб, страстно прижимая к себе Тети, чувствовала, что ребенок - это часть ее собственного тела, ее плоть и кровь. "Она моя, моя - и больше ничья", - твердила она про себя.

Теперь же, наблюдая за Тети, Ренисенб думала: "Она - это я и Хей..."

Тети подняла глаза и, увидев мать, улыбнулась. Серьезная и ласковая улыбка. В ней были доверие и радость.

"Нет, она это не мы с Хеем, она - это она, - подумала Ренисенб. - Это Тети. Она существует сама по себе, как я, как все мы. Если мы любим друг друга, мы будем друзьями всю жизнь, а если любви нет, то, когда она вырастет, мы станем чужими. Она Тети, а я Ренисенб".

Кайт смотрела на нее с любопытством.

- Чего хочешь ты, Ренисенб? Я не понимаю.

Ренисенб ничего не ответила. Как облечь в слова то, что она сама едва понимала? Оглядевшись, она как бы заново увидела обнесенный стенами двор, ярко раскрашенные столбы галереи, неподвижную водную гладь водоема, стройную беседку, ухоженные цветочные клумбы и заросли папируса. Кругом мир и покой, доносятся давно ставшие привычными звуки: щебет детей, хриплые пронзительные голоса служанок в доме, отдаленное мычание коров. Бояться нечего.

- Отсюда не видно реки, - рассеянно произнесла она.

- А зачем на нее смотреть? - удивилась Кайт.

- Не знаю, - ответила Ренисенб. - Наверное, я сказала глупость.

Перед ее мысленным взором отчетливо встала панорама зеленых полей, покрытых густой сочной травой, позади которых раскинулась уходящая за горизонт даль удивительной красоты, сначала бледно-розовая, а потом аметистовая, разграниченная посередине серо-серебристой полосой - Нилом...

У нее перехватило дыхание от этого богатства красок. Все, что она видела и слышала вокруг, исчезло, сменившись чувством безграничного покоя и безмятежности...

"Если повернуть голову, - сказала она себе, - то я увижу Хори. Он оторвется от своего папируса и улыбнется мне... Скоро сядет солнце,

станет темно, я лягу спать... И придет смерть".

- Что ты сказала, Ренисенб?

Ренисенб вздрогнула. Она не знала, что говорит вслух. И теперь, очнувшись, вернулась к действительности. Кайт с любопытством смотрела на нее.

- Ты сказала "смерть", Ренисенб. О чем ты думала?

- Не знаю, - покачала головой Ренисенб. - Я вовсе не... - Она снова огляделась вокруг. Как приятна была эта привычная сцена: плещется вода, рядом играют дети. Она глубоко вздохнула.

- Как здесь спокойно. Нельзя даже представить себе, что может случиться что-то страшное.

Но именно здесь возле водоема на следующее утро нашли Ипи. Он лежал лицом в воде - чья-то рука, окунув его голову в водоем, держала ее там, пока он не захлебнулся.

ГЛАВА XVIII

Второй месяц Лета, 10-й день

I

Имхотеп сидел, бессильно ссутулившись. Выглядел он гораздо старше своих лет - убитый горем, сморщенный, жалкий старик. На лице застыла растерянность и смятение.

Хенет принесла ему еду и с трудом уговорила поесть.

- Тебе нужно поддерживать свои силы, Имхотеп.

- Зачем? Кому нужны эти силы? Ипи был сильным, сильным и красивым - а теперь он лежит мертвый... Мой сын, мой горячо любимый сын! Последний из моих сыновей.

- Нет, нет, Имхотеп, у тебя есть еще Яхмос, твой добрый Яхмос.

- Как долго он проживет? Он тоже обречен. Мы все обречены. Что за несчастье обрушилось на наш дом? Я и представить себе не мог, что ожидает нас, когда привел в свой дом наложницу. Ведь я поступил по обычаю, одобренному людьми и богами. Я почитал эту женщину. За что же мне такая кара? Или это месть Ашайет? Она не хочет даровать мне прощения? Она не вняла моему посланию, ибо беда не покидает наш дом.

- Нет, нет, Имхотеп, не говори так. Прошло еще совсем немного времени с тех пор, как урну с посланием поставили в поминальном зале. Разве мы не знаем, как долго вершатся у нас дела, требующие правосудия? Как их без конца откладывают в суде при дворе правителя и как еще дольше приходится ждать, пока они попадут в руки визиря? Правосудие вершится медленно и в царстве живых, и в Царстве мертвых, но в конце концов справедливость восторжествует.

Имхотеп недоверчиво покачал головой. И тогда Хенет продолжала:

- Кроме того, Имхотеп, ты должен помнить, что Ипи не сын Ашайет, его родила тебе твоя сестра Ипи. Станет ли Ашайет так о нем печься? Вот с Яхмосом все будет по-другому. Яхмос поправится, потому что за него

похлопочет Ашайет.

- Должен признаться, Хенет, твои слова меня утешают... В том, что ты говоришь, есть правда. К Яхмосу и вправду с каждым днем возвращаются силы. Он хороший, надежный сын, но Ипи, такой отважный, такой красивый... - И Имхотеп снова застонал.

- Увы! Увы! - с участием всхлипнула Хенет.

- Будь проклята эта Нофрет с ее красотой! И зачем только довелось мне ее увидеть!

- Сущая правда, господин. Настоящая дочь Сета, я сразу поняла! Обученная колдовству и злым наговорам, нечего и сомневаться.

Послышался стук палки, и в главные покои, прихрамывая, вошла Иза.

- Все в этом доме с ума посходили, что ли? - иронически фыркнула она. - Что, вам делать больше нечего, как осыпать проклятьями приглянувшуюся тебе бедняжку, которая развлекалась тем, что пакостила и досаждала глупым женам твоих сыновей, потому что они по своей дурости сами ее на это толкали?

- Пакостила и досаждала? Вот, значит, как ты это называешь, Иза, когда из трех моих сыновей двое погибли, а один умирает? И ты, моя мать, еще упрекаешь меня!

- По-видимому, кому-то следует это сделать, ибо ты закрываешь глаза на то, что происходит на самом деле. Выкинь из головы глупую мысль о том, что все это творится по злему умыслу убитой женщины. Рука живого человека держала голову Ипи в воде, пока он не захлебнулся, и та же рука насыпала яд в вино, которое пили Яхмос и Себек. У тебя есть враг, Имхотеп, он здесь, в доме. А доказательством этому то, что с тех пор, как по совету Хори, еду Яхмосу готовит Ренисенб или раб под ее наблюдением, и она сама эту еду ему относит, с тех пор, говорю тебе я, Яхмос с каждым днем обретает здоровье и силу. Перестань быть дураком, Имхотеп, перестань стонать и сетовать, чему в немалой степени поспешествует Хенет...

- О Иза, ты несправедлива ко мне!

- Чему, говорю я, поспешествует Хенет, потому что она либо тоже дура, либо у нее на то есть причина...

- Да простит тебя Ра, Иза, за твою жестокость к бедной одинокой женщине!

Но Иза, угрожая потрясая палкой, продолжала:

- Соберись с силами, Имхотеп, и начни думать, Твоя покойная жена Ашайет, которая была славной и неглупой женщиной, может, и использует свое влияние на том свете, чтобы помочь тебе, но уж едва ли она сумеет за

тебя думать. Надо действовать, Имхотеп, ибо если мы этого не сделаем, смерть еще не раз проявит себя.

- Враг? Враг из плоти и крови в моем доме? Ты вправду этому веришь, Иза?

- Конечно, верю, потому что здравый смысл подсказывает мне только это.

- И, значит, нам всем грозит опасность?

- Конечно. Но не от злых духов или колдовства, а от человека, который сыплет яд в вино или крадется вслед за мальчишкой, возвращающимся из селения поздно вечером, и сует его головой в водоем.

- Для этого требуется сила, - задумчиво проронил Имхотеп.

- По-видимому, да, но я не очень в этом убеждена. Ипи напился в селении пива, плохо соображал, зато был самоуверен и бахвалился не в меру. Возможно, он вернулся домой, с трудом держась на ногах, и, когда встретил человека, который заговорил с ним, не испугался и сам наклонился к воде ополоснуть лицо. В таком случае большой силы не требуется.

- Что ты хочешь сказать, Иза? Что это сделала женщина? Нет, не могу поверить. Все, что ты говоришь, невероятно. В нашем доме не может быть врага, иначе мы бы давно о нем знали. По крайней мере, я бы знал!

- Вражда, которая таится в сердце, не всегда написана на лице.

- Ты хочешь сказать, что кто-то из слуг или рабов...

- Не слуга и не раб, Имхотеп!

- Кто-то из нас? Или Хори и Камени? Но Хори давно стал членом нашей семьи и заслуживает всяческого доверия. Камени мы почти не знаем, это правда, но он наш кровный родственник и верной службой доказал свою преданность. Более того, сегодня утром он пришел ко мне с просьбой отдать ему в жены Ренисенб.

- Вот как? - проявила интерес Иза. - И что же ты ответил?

- Что я мог ответить? - раздраженно спросил Имхотеп. - Сейчас для этого неподходящее время. Так я ему и сказал.

- А как он к этому отнесся?

- Он сказал, что, по его мнению, сейчас самое время говорить о замужестве Ренисенб, потому что ей опасно оставаться в этом доме.

- Интересно, - задумалась Иза. - Очень интересно... А мы-то с Хори считали... Но теперь...

- Пристало ли устраивать свадебные и погребальные церемонии одновременно? - возмущенным тоном произнес Имхотеп. - Это неприлично. Вся провинция будет об этом судачить.

- Сейчас можно позабыть о приличиях, - возразила Иза. - Тем более что бальзамировщики, по-видимому, поселились у нас навечно. Боги, видно, благоволят к Ипи и Монту - они прямо разбогатели на нашей беде.

- Повысив свои цены еще на одну десятую, - тотчас подхватил Имхотеп. - Какая наглость! Они говорят, что их услуги подорожали.

- Нам бы они могли сделать скидку - мы так часто пользуемся их услугами, - мрачно усмехнулась Иза собственной шутке.

- Дорогая Иза, - в ужасе глянул на нее Имхотеп, - сейчас не время для веселья.

- Вся жизнь - сплошное веселье, Имхотеп, и смерть смеется последней. Разве не так говорят на пирах? Ешьте, пейте и веселитесь, ибо завтра вас уже не будет в живых. Это будто для нас сказано. Вопрос только: кому суждено умереть завтра?

- Даже слушать тебя страшно. Лучше скажи, что делать?

- Не доверять никому, - ответила Иза. - Это первое и самое главное. - И повторила: - Никому.

Хенет принялась всхлипывать.

- Почему ты смотришь на меня?.. Уж если кто достоин доверия, то прежде всего я. Я доказала это долгими годами усердия. Не слушай ее, Имхотеп.

- Успокойся, дорогая Хенет, естественно, тебе я не могу не доверять. Я хорошо знаю, что у тебя честное, преданное сердце.

- Ничего ты не знаешь, - возразила Иза. - И никто из нас не знает. В этом-то вся опасность.

- Ты обвиняешь меня, - ныла Хенет.

- Никого я не обвиняю. У меня нет ни улик, ни доказательств - одни подозрения.

Имхотеп бросил на нее пристальный взгляд.

- Ты подозреваешь - кого?

- Я уже подозревала раз, потом второй, потом третий, - медленно произнесла Иза. - Я буду откровенна. Сначала я подозревала Ипи, но Ипи умер, значит, я ошиблась. Потом я стала подозревать другого человека, но в тот самый день, когда Ипи умер, мне пришла в голову мысль о третьем...

Она помолчала.

- Хори и Камени в доме? Пошли за ними и вызови Ренисенб из кухни. Мне нужно кое-что сказать, и пусть меня слышат все в доме.

II

Иза оглядела собравшихся. Она увидела грустный добрый взгляд Яхмоса, белозубую улыбку Камени, вопрос в глазах Ренисенб, тупое безразличие Кайт, загадочную непроницаемость на задумчивом лице Хори, раздражение и страх Имхотепа, у которого от волнения дергались губы, и жадное любопытство и... злорадство во взоре Хенет.

"Их лица ни о чем не говорят, - подумала она. - Они выражают только те чувства, что владеют ими сейчас. Но если моя догадка верна, преступник должен чем-то себя выдать".

А вслух сказала:

- Я должна сообщить кое-что вам всем. Но прежде здесь, в вашем присутствии, я хочу поговорить с Хенет.

Лицо Хенет сразу изменилось: с него словно стерли жадное любопытство и злорадство.

- Ты подозреваешь меня, Иза? - испуганно завизжала она. - Я так и знала! Ты выдвинешь против меня обвинение, и разве я, бедная и обделенная умом женщина, сумею защитить себя? Меня будут судить и приговорят к смерти, не дав раскрыть и рта.

- Раскрыть рот ты успеешь, не сомневаюсь, - усмехнулась Иза и увидела, как Хори улыбнулся.

- Я ничего не сделала... Я не виновна... - вопила Хенет, все больше впадая в истерику. - Имхотеп, дорогой мой господин, спаси меня... - Она распростерлась перед ним на полу, обхватив его колени руками.

Не находя слов от возмущения, Имхотеп гладил ее по голове и лепетал:

- В самом деле, Иза, я не согласен... Какой позор...

- Я ни в чем ее еще не обвинила, - оборвала его Иза. - Я не берусь обвинять, когда у меня нет доказательств. Я прошу только, чтобы Хенет объяснила нам смысл сказанных ею слов.

- Я ничего не говорила...

- Нет, говорила, - заявила Иза. - Сказанное тобою я слышала собственными ушами, а слух у меня, не в пример зрению, пока еще хороший. Ты сказала, что знаешь кое-что про Хори. Так вот я у тебя спрашиваю: что тебе известно про Хори?

- Да, Хенет, - сказал Хори, - что тебе про меня известно? Скажи нам.

Сидя на корточках, Хенет вытирала глаза. Потом мрачно окинула всех

вызывающим взглядом.

- Ничего мне не известно, - ответила она. - Да и что я могу знать?

- Именно это нам и хотелось бы услышать от тебя, - сказал Хори.

Хенет пожала плечами.

- Я просто болтала, ничего не имея в виду.

- Я повторю тебе твои слова, - снова вмешалась Иза. - Ты сказала, что мы все тебя презираем, но что тебе известно многое из того, что делается в этом доме, и что ты видишь гораздо дальше, чем те, кто считает себя умниками. И еще ты сказала, что когда вы с Хори встречаетесь, он смотрит куда-то мимо тебя, будто ты вовсе и не существуешь, будто он видит не тебя, а что-то за твоей спиной, а там на самом деле ничего нет.

- Он всегда так смотрит, - угрюмо откликнулась Хенет. - Как на букашку или на пустое место.

- Эта фраза мне запомнилась: "...что-то за твоей спиной, а там на самом деле ничего нет", - медленно произнесла Иза. - И еще Хенет сказала: "Лучше бы, он смотрел на меня". И продолжала говорить о Сатипи да о Сатипи, о том, что она мнила себя умной, а где она сейчас?..

Иза оглядела присутствующих.

- Улавливает ли кто-либо из вас в этом хоть какой-нибудь смысл? - спросила она. - Вспомните Сатипи, Сатипи, которая умерла... И что смотреть нужно на человека, а не на то, чего нет...

На секунду воцарилось мертвое молчание, и затем Хенет вскрикнула. Это был даже не крик, а вопль ужаса.

- Я не хотела... Спаси меня, господин... - бессвязно выкрикивала она.

- Не позволяй ей... Я ничего не сказала, ничего.

С трудом сдерживаемый Имхотепом гнев наконец выплеснулся.

- Я не позволю... - заорал он. - Не позволю запугивать эту женщину. В чем ты ее обвиняешь? По твоим же словам, ни в чем.

- Отец прав, - без обычной для него робости, твердо произнес Яхмос. - Если ты можешь в чем-то обвинить Хенет, говори.

- Я ее не обвиняю, - не сразу с трудом проговорила Иза.

Она оперлась на палку и вся как-то сразу сникла.

- Иза не обвиняет тебя в тех несчастьях, которые поразили наш дом, - с той же твердостью обратился Яхмос к Хенет, но если я правильно ее понял, она считает, что ты что-то от нас утаиваешь. Поэтому, Хенет, если тебе что-либо известно о Хори или о ком-либо другом, сейчас самое время сказать. Здесь, в нашем присутствии. Говори. Что тебе известно?

- Ничего, - покачала головой Хенет.

- Ты уверена, что говоришь правду, Хенет? Потому что знать опасно.

- Я ничего не знаю. Клянусь великой Девяткой богов, клянусь богиней Маат, клянусь самим Ра.

Хенет дрожала. Из ее голоса исчезло свойственное ей нытье. В нем слышался неподдельный страх.

Иза глубоко вздохнула и совсем сгорбилась.

- Отведите меня в мои покои, - пробормотала она.

Хори и Ренисенб бросились к ней.

- Мне поможет Хори, - сказала Иза. - Ты оставайся здесь, Ренисенб.

Тяжело опираясь на Хори, она вышла из зала и, заметив его серьезный, но растерянный вид, прошептала:

- Что скажешь, Хори?

- Ты поступила рискованно, Иза. Очень рискованно.

- Я хотела знать.

- Да. Но это неоправданно большой риск.

- Понятно. Значит, и у тебя такая же мысль?

- Я уже давно об этом думаю, но у меня нет доказательств - ни малейшей зацепки. И даже сейчас, Иза, доказательств нет. Они только у тебя в мыслях.

- Достаточно и того, что я знаю.

- Может, и чересчур достаточно.

- О чем ты? Ах да, понимаю.

- Остерегайся, Иза. Отныне тебе грозит опасность.

- Мы должны действовать немедленно.

- Да, но что мы можем предпринять? Нужны доказательства.

- Я понимаю.

Больше поговорить им не удалось. К Изе подбежала ее маленькая рабыня. Хори оставил ее на попечение девочки, а сам пошел обратно. Лицо его было мрачным и озабоченным.

Маленькая рабыня, что-то щебеча, суежилась вокруг Изы, но та почти не замечала ее. Она чувствовала себя старой и больной, ей было холодно... Перед ней вставали лица тех, кто напряженно слушал ее, пока она говорила.

Только в одном взгляде на мгновение вспыхнули страх и понимание. Может, она ошибается? Уверена ли она в том, что заметила? В конце концов, глаза ее плохо видят...

Да, уверена. Скорей даже не взгляд, а то, как напряглось все лицо, отвердело, стало суровым. Только один человек понял ее бессвязные намеки, только он один безошибочно определил их истинный смысл...

ГЛАВА XIX

Второй месяц Лета, 15-й день

I

- Теперь, когда я тебе обо всем сказал, что ты ответишь, Ренисенб?

Ренисенб перевела нерешительный взгляд с отца на Яхмоса. Мысли ее были в беспорядке, в голове царила сумятица.

- Не знаю, - безучастно проронила она.

- В иное время, - продолжал Имхотеп, - это дело можно было бы обсудить не спеша. У меня есть другие родственники, мы могли бы выбрать тебе в мужья самого достойного из них. Но в нашем нынешнем положении мы не знаем, что будет завтра. - Голос его дрогнул, но он справился с собой: - Вот как обстоят дела, Ренисенб. Сегодня мы трое, Яхмос, ты и я, стоим перед лицом смерти. Кого из нас первым выберет она? Поэтому мне надлежит привести свои дела в порядок. Случись что-либо с Яхмосом, тебе, дочь моя, нужен рядом мужчина, который мог бы разделить с тобой оставленное мною наследство и выполнять те обязанности по управлению владениями, какие не в силах нести женщина. Ибо кому ведомо, в какую минуту мне суждено покинуть вас? Опеку и попечительство над детьми Себека я в своем завещании возложил на Хори, если Яхмоса к тому времени не будет в живых, то же самое касается и детей Яхмоса, поскольку он сам этого хочет, да, Яхмос?

Яхмос кивнул головой.

- Хори всегда был мне близок. Он почти член нашей семьи.

- Почти, - согласился Имхотеп, - но не совсем. А вот Камени наш кровный родственник. И потому он, исходя из всего вышесказанного, наиболее подходящий в теперешних условиях муж для Ренисенб. Итак, что скажешь, Ренисенб?

- Не знаю, - повторила Ренисенб.

Ей все это было безразлично.

- Он красивый и приятный молодой человек, ты согласна?
- О да.
- Но тебе не хочется выходить за него замуж? - участливо спросил Яхмос.

Ренисенб, бросила на брата благодарный взгляд. Он не заставлял ее спешить с ответом, не принуждал делать то, что ей не по душе.

- Я и вправду не знаю, чего хочу. - И быстро продолжала: - Глупо, конечно, но я сегодня немного не в себе. Это... Это от напряжения, в котором мы живем.

- Рядом с Камени ты будешь чувствовать себя защищенной, - настаивал Имхотеп.

- А тебе не приходило в голову сделать Хори мужем Ренисенб? - спросил у отца Яхмос.

- Да, пожалуй...

- Его жена умерла, когда он был совсем молодым. Ренисенб хорошо его знает, и он ей нравится.

Пока мужчины разговаривали, Ренисенб сидела словно во сне. Это ее замужество они обсуждали, и Яхмос старался помочь ей выбрать того, кого ей хотелось, но она оставалась безучастной, как деревянная кукла Тети.

И вдруг, не дослушав, что они говорят, она перебила их:

- Я выйду замуж за Камени, если вы считаете, что так будет лучше.

Имхотеп с одобрительным восклицанием поспешно вышел из зала. А Яхмос подошел к сестре и положил руку ей на плечо.

- Ты этого хочешь, Ренисенб? И будешь счастлива?

- А почему нет? Камени красивый, веселый и добрый.

- Я знаю. - Но Яхмос все еще сомневался. - Важно, чтобы ты была счастлива, Ренисенб. Ты не должна безвольно следовать настояниям отца и делать то, к чему не лежит душа. Ты ведь знаешь, он всегда стремится настоять на своем.

- О да. Уж если он вобьет себе что-то в голову, всем нам остается только подчиняться.

- Совсем не обязательно, - твердо возразил Яхмос. - Если ты не согласна, я ему не уступлю.

- О Яхмос, ты никогда не возражал отцу...

- А на этот раз возражу. Он не заставит меня согласиться с ним, я не допущу, чтобы ты была несчастлива.

Ренисенб посмотрела на него. Каким решительным было его обычно растерянное лицо!

- Спасибо тебе, Яхмос, - ласково сказала она, - но я поступаю так вовсе

не по принуждению. Та прежняя жизнь здесь, та жизнь, к которой я была так рада вернуться, кончилась. Мы с Камени заживем новой жизнью и будем друг другу настоящими братом и сестрой.

- Если ты уверена...

- Я уверена, - сказала Ренисенб и, приветливо улыбнувшись, вышла из главных покоев. Потом пересекла внутренний двор. На берегу водоема Камени играл с Тети. Ренисенб осторожно подкралась и следила за ними, пользуясь тем, что они ее не заметили. Камени, веселый, как всегда, был увлечен игрой не меньше, чем ребенок. Сердце Ренисенб потянулось к нему. "Он будет Тети хорошим отцом", - подумала она.

Тут Камени повернул голову и, увидев ее, с улыбкой поднялся с колен.

- Мы сделали куклу Тети жрецом "ка", - объяснил он. - Он совершает жертвоприношения и поминальные обряды.

- Его зовут Мериптах, - добавила Тети. Личико ее было очень серьезным. - У него двое детей и писец, как Хори.

Камени засмеялся.

- Тети большая умница, - сказал он. - И еще она сильная и красивая.

Он перевел глаза с ребенка на Ренисенб, и в их ласковом взгляде она прочла его мысли - о детях, которых она ему родит.

Это вызвало в ней неясное волнение и в то же время - пронзительную печаль. Ей хотелось бы в эту минуту видеть в его глазах только себя. "Почему он не думает обо мне?" - пришло ей в голову.

Но чувство это тут же исчезло, и она нежно улыбнулась ему.

- Отец разговаривал со мной, - сказала она.

- И ты ответила согласием?

- Да, - не сразу кивнула она.

Последнее слово было сказано. Все кончено и решено. Но почему она испытывает такую усталость и безразличие?

- Ренисенб!

- Да, Камени...

- Покатаемся по реке? Я все время мечтал побыть с тобой наедине в лодке.

Странно, что он заговорил о лодке. Ведь когда она впервые его увидела, перед ее мысленным взором встала река, квадратный парус и смеющееся лицо Хея. А теперь она уже не помнит лица Хея, и вместо него в лодке под парусом будет сидеть и смеяться Камени...

И все это натворила смерть. Только смерть. "Мне видится это", - говоришь ты, или: "Мне видится то", но все это лишь слова, на самом деле ты ничего не видишь. Мертвые не оживают. Один человек не может

заменить другого...

Зато у нее есть Тети. А Тети - это новая жизнь, как воды ежегодного разлива, которые уносят с собой все старое и готовят землю для нового урожая.

Что сказала Кайт? "Женщины нашего дома должны быть заодно"? Кто она, Ренисенб, в конце концов? Всего лишь одна из женщин этого дома - Ренисенб или какая-то другая женщина, не все ли равно?

И тут она услышала голос Камени - настойчивый, чуть обеспокоенный:

- О чем ты задумалась, Ренисенб? Ты иногда куда-то исчезаешь...
Покатаемся в лодке?

- Да, Камени, покатаемся.

- Мы возьмем с собой и Тети.

II

Это похоже на сон, думала Ренисенб, - лодка под парусом, Камени, она и Тети. Им удалось уйти от смерти и страха перед смертью. Начиналась новая жизнь.

Камени что-то сказал, и она ответила, не услышав его...

"Это моя жизнь, - думала она, - уйти от нее нельзя..."

Потом растерянно: "Но почему я все время говорю "уйти"? Куда я могу уйти?"

И снова перед ее глазами предстал грот рядом с гробницей, где, подперев подбородок рукой, сидит она...

"Но то только в мыслях, а не в жизни. Жизнь здесь, и уйти от нее можно, лишь умерев..."

Камени причалил к берегу, и она вышла из лодки. Он сам вынес Тети. Девочка прильнула к нему, обхватив его за шею руками, и нитка, на которой висел его амулет, порвалась. Амулет упал к ногам Ренисенб. Это был знак жизни "анх" из сплава золота с серебром.

- Ах, как жаль! - воскликнула Ренисенб. - Амулет погнулся. Осторожней, - предупредила она Камени, когда он взял его, - он может сломаться.

Но он своими сильными пальцами согнул его еще больше и сломал пополам.

- Зачем ты это сделал?

- Возьми одну половинку, Ренисенб, а я оставлю себе другую. Это будет означать, что мы две половинки единого целого.

Он протянул ей кусочек амулета, и, не успела она взять его в руку, как что-то пронзило ей память с такой отчетливостью, что она ахнула.

- В чем дело, Ренисенб?

- Нофрет!

- Что Нофрет?

Уверенная в своей догадке, Ренисенб убежденно заговорила:

- В шкатулке Нофрет тоже была половинка амулета. Это ты дал ей ту половинку... Ты и Нофрет... Теперь я все понимаю. Почему она была так несчастна. И знаю, кто принес шкатулку ко мне в комнату. Я знаю все... Не лги мне, Камени. Говорю тебе, я знаю.

Но Камени и не пытался ничего отрицать. Он стоял и смотрел ей прямо в глаза. А когда заговорил, голос у него был глухим, и впервые с его

лица исчезла улыбка.

- Я не собираюсь лгать тебе, Ренисенб. - Он помолчал, сдвинул брови, словно собираясь с мыслями, и продолжал: - Я даже рад, Ренисенб, что ты знаешь, хотя все было не совсем так, как ты думаешь.

- Ты дал ей половинку амулета, как только что хотел дать мне, и сказал, что вы две половинки единого целого. Сейчас ты повторил эти слова.

- Ты сердишься, Ренисенб, но я доволен: это значит, что ты меня любишь. И тем не менее ты не права, все произошло вовсе не так. Не я, а Нофрет подарила мне половинку амулета... - Он помолчал. - Можешь мне не верить, но это правда. Клянусь, что правда.

- Я не говорю, что не верю тебе... - призналась Ренисенб. - Вполне возможно, что это правда.

И опять она увидела перед собой разгневанное лицо Нофрет.

- Постарайся понять меня, Ренисенб, - настойчиво убеждал ее Камени. - Нофрет была очень красивой. Мне было приятно ее внимание, и я был польщен. А кто бы не был? Но я никогда не любил ее по-настоящему...

Жалость охватила Ренисенб. Нет, Камени не любил Нофрет, но Нофрет любила Камени, любила отчаянно и мучительно. Именно на этом месте на берегу Нила она, Ренисенб, заговорила с Нофрет, предлагая ей свою дружбу. Она хорошо помнила, какой прилив ненависти и страдания вызвало у Нофрет ее предложение. Теперь причина этого была понятна. Бедняжка Нофрет - наложница старика, она сгорала от любви к веселому, беззаботному, красивому юноше, которому до нее было мало, а то и вовсе не было дела.

- Разве ты не понимаешь, Ренисенб, - уговаривал ее Камени, - что как только я приехал сюда и мы встретились, я в то же мгновение тебя полюбил и больше ни о ком и не помышлял? Нофрет сразу это заметила.

Да, думала Ренисенб, Нофрет это заметила. И с той минуты ее возненавидела. Нет, Ренисенб не могла ее винить.

- Я даже не хотел писать ее письмо твоему отцу. Я вовсе не хотел быть пособником ее замыслов. Но отказаться было нелегко - постарайся понять, что я не мог этого сделать.

- Да, да, - перебила его Ренисенб, - только все это не имеет никакого значения. Но несчастная Нофрет, она так страдала! Она, наверное, очень любила тебя.

- Но я не любил ее, - повысил голос Камени.

- Ты жестокий, - сказала Ренисенб.

- Нет, просто я мужчина, вот и все. Если женщина начинает донимать

меня своей любовью, меня это раздражает. Мне не нужна была Нофрет. Мне нужна была ты. О Ренисенб, ты не должна сердиться на меня за это!

Она не смогла сдержать улыбки.

- Не разрешай мертвой Нофрет вносить раздор между нами - живыми. Я люблю тебя, Ренисенб, ты любишь меня, а все остальное не имеет никакого значения.

Она посмотрела на Камени - он стоял, чуть склонив голову набок, с выражением мольбы на всегда веселом уверенном лице. Он казался совсем юным.

"Он прав, - подумала Ренисенб. - Нофрет уже нет, а мы есть. Теперь я понимаю ее ненависть ко мне: как жаль, что она так страдала, - но я ни в чем не виновата. И Камени не виноват в том, что полюбил меня, а не ее".

Тети, которая играла на берегу, подошла и потянула мать за руку.

- Мы скоро пойдем домой? Я хочу домой.

Ренисенб глубоко вздохнула.

- Сейчас пойдем, - ответила она.

Они направились к дому. Тети бежала чуть впереди.

- Ты не менее великодушна, Ренисенб, чем красива, - удовлетворенно заметил Камени. - Надеюсь, между нами все по-старому?

- Да, Камени, все по-старому.

- Там на реке, - понизив голос, сказал он, - я был по-настоящему счастлив. А ты тоже была счастлива, Ренисенб?

- Да, я была счастлива.

- Но у тебя был такой вид, будто твои мысли где-то далеко-далеко. А мне бы хотелось, чтобы ты думала обо мне.

- Я и думала о тебе.

Он взял ее за руку, и она не отняла ее. Тогда он тихо запел:

- "Моя сестра подобна священному дереву..."

Он почувствовал, как задрожала ее рука, услышал, как участилось дыхание, и испытал истинное счастье.

III

Ренисенб позвала к себе Хенет.

Хенет вбежала в ее покои и тут же остановилась, увидев, что Ренисенб стоит, держа в руках открытую шкатулку и сломанный амулет. Лицо Ренисенб было суровым.

- Это ты принесла ко мне эту шкатулку для украшений, Хенет? Ты хотела, чтобы я увидела этот амулет. Ты хотела, чтобы в один прекрасный день я...

- Обнаружила, у кого другая половинка? Я вижу, ты обнаружила. Что ж, тебе это только на пользу, Ренисенб. - И Хенет злорадно рассмеялась.

- Ты хотела, чтобы, обнаружив, я огорчилась, - сказала Ренисенб, пылая гневом. - Тебе нравится причинять боль людям, не так ли, Хенет? Ты никогда не говоришь откровенно. Ты выжидаешь удобного случая, чтобы нанести удар. Ты ненавидишь нас всех, верно? И всегда ненавидела.

- Что ты говоришь, Ренисенб? Я уверена, что у тебя и в мыслях нет ничего подобного.

Но теперь она не ныла, как обычно, теперь в ее голосе слышалось тайное торжество.

- Ты хотела поспорить нас с Камени. Как видишь, ничего у тебя не получилось.

- Ты великодушна и умеешь прощать, Ренисенб. Не то что Нофрет, правда?

- Не будем говорить о Нофрет.

- Пожалуй, ты права. Камени счастливчик, да и красивый он, а? Ему повезло, хочу я сказать, что, когда потребовалось, Нофрет умерла. Она бы доставила ему кучу неприятностей - настроила бы против него твоего отца. Ей вовсе не по душе было бы, если он взял бы тебя в жены, нет, ей бы это не понравилось. По правде говоря, уж она бы нашла способ помешать вам, не капли не сомневаюсь.

Ренисенб смотрела на нее с неприязнью.

- До чего же ядовит твой язык, Хенет! Жалит, как скорпион. Но тебе не удастся меня огорчить.

- Ну, и прекрасно, чего же еще? Ты, наверное, влюблена по уши в этого красавчика? Ох уж этот Камени, знает, как петь любовные песни. И умеет добиваться чего надо, не беспокойся. Я восхищаюсь им, клянусь богами. А на вид такой простосердечный и прямодушный.

- Ты о чем, Хенет?

- Всего лишь о том, какое восхищение у меня вызывает Камени. Я убеждена, что он на самом деле простосердечный и прямодушный, а не прикидывается таким. До чего это все похоже на одну из тех историй, которые рассказывают на торжищах сказочники! Бедный молодой писец женится на дочке своего господина, который оставляет им большое наследство, и с тех пор они живут-поживают припеваючи. Удивительно, до чего же всегда везет молодым красавцам!

- Я права, - заметила Ренисенб. - Ты нас и вправду ненавидишь.

- Как ты можешь говорить такое, Ренисенб, когда тебе хорошо известно, что я из последних сил трудилась на вас всех после смерти вашей матери? - Однако тайное торжество продолжало звучать в ее голосе вместо привычного нытья.

Ренисенб опять посмотрела на шкатулку, и тут ее осенила новая догадка.

- Это ты положила золотое ожерелье с львиными головами в эту шкатулку. Не отрицай, Хенет. Я знаю.

Злорадного торжества как не бывало. Хенет испугалась.

- Я была вынуждена сделать это, Ренисенб. Я боялась.

- Чего ты боялась?

Хенет подвинулась на шаг и понизила голос:

- Мне его дала Нофрет. Подарила, хочу я сказать. За некоторое время до смерти. Она иногда делала мне подарки. Нофрет была не из жадных. Да, она была щедрой.

- То есть неплохо тебе платила.

- Не надо так говорить, Ренисенб. Я тебе сейчас все расскажу. Она подарила мне золотое ожерелье со львами, аметистовую застежку и еще две-три вещицы. А потом, когда пастух рассказывал, что видел женщину с ожерельем на шее, я испугалась. Могут подумать, решила я, что это я бросила отраву в вино. Вот я и положила ожерелье в шкатулку.

- И это правда, Хенет? Ты когда-нибудь говорила правду?

- Клянусь, что это правда, Ренисенб. Я боялась...

Ренисенб с любопытством посмотрела на нее.

- Ты вся дрожишь, Хенет, будто тебе и сейчас страшно.

- Да, страшно... У меня есть на то причина.

- Какая? Скажи.

Хенет облизала свои тонкие губы. И оглянулась. А когда вновь посмотрела на Ренисенб, у нее был взгляд затравленного зверя.

- Скажи, - повторила Ренисенб.

Хенет покачала головой.

- Мне нечего сказать, - не очень твердо отозвалась она.

- Ты слишком много знаешь, Хенет. Ты всегда знала чересчур много. Тебе это нравилось, но сейчас знать много опасно - вот в чем беда, верно?

Хенет опять покачала головой. Потом зло усмехнулась.

- Подожди, Ренисенб. В один прекрасный день я буду щелкать кнутом в этом доме. Подожди - и увидишь.

Ренисенб собралась с духом.

- Мне ты зло причинить не сумеешь, Хенет. Моя мать не даст меня в обиду.

Лицо Хенет изменилось, глаза засверкали.

- Я ненавидела твою мать, - выкрикнула она. - Всю жизнь ненавидела... И тебя, у которой ее глаза, ее голос, ее красота и ее высокомерие, тебя я тоже ненавижу, Ренисенб.

Ренисенб рассмеялась.

- Наконец-то я заставила тебя признаться.

ГЛАВА XX

Второй месяц Лета, 15-й день

I

Старая Иза, тяжело опираясь на палку, вошла в свои покои.

Она была в смятении и очень устала. Возраст, думала она, наконец-то берет свое. До сих пор ей приходилось испытывать только телесную усталость, духом она была тверда, как в молодости. Но нынче, вынуждена была признать она, душевное напряжение лишало ее последних сил.

Теперь она без сомнения знала, откуда надвигается угроза, но дать себе послабление не могла. Наоборот, приходилось быть более чем когда-либо начеку, ибо она намеренно привлекла к себе внимание. Доказательства, доказательства, следует раздобыть доказательства. Но каким образом?

Вот тут она и осознала, что возраст стал для нее помехой. Она слишком устала, чтобы что-то придумать, заставить свой разум напрячься в созидательном усилии. Все, на что она осталась способна, была самозащита, следовало быть настороже, не терять бдительности, оберегать собственную жизнь. Ибо убийца - на этот счет она не заблуждалась - готов нанести очередной удар. А она не испытывала ни малейшего желания стать его жертвой. Оружием он изберет, несомненно, яд. Прибегнуть к насилию убийца не сможет, поскольку она никогда не оставалась одна, а была постоянно окружена слугами. Значит, яд. Что ж, придется искать противодействие. Еду ей будет готовить и приносить Ренисенб. Сосуд с вином и ковшик уже поставили ей в комнату, и, когда рабыня отпивала немного, она ждала еще сутки, чтобы убедиться в его безвредности. Она давно заставила Ренисенб есть и пить вместе с ней, хотя пока за Ренисенб можно было не беспокоиться. А глядишь, и вообще не придется. Но этого никто не знает.

Она сидела неподвижно, с трудом собираясь с мыслями для

доказательства истины, и порой поглядывала, чтобы отвлечься, за маленькой рабыней, которая крахмалила и разглаживала складки на ее льняных одеяниях и перенизывала бусы и браслеты.

В этот вечер Иза особенно устала. Ей пришлось по просьбе Имхотепа обсудить с ним прежде, чем он поговорит с дочерью, вопрос о замужестве Ренисенб.

От прежнего Имхотепа осталась лишь тень. Он превратился в ссутулившегося и раздражительного старика. Исчезли спесь и самоуверенность. Теперь он целиком полагался на неукротимую волю и решительность матери.

Что касается Изы, то она очень боялась сказать что-то не то. Необдуманное замечание могло навлечь на кого-то смерть.

Да, наконец сказала она, это замужество - мудрое решение. И на поиски мужа среди более влиятельных членов их рода нет времени. В конце концов владения достанутся Ренисенб и ее детям по наследству, а ее муж будет всего лишь управляющим.

Итак, предстояло только выбрать между Хори - человеком кристальной честности, старым и верным другом, сыном мелкого землевладельца, чей участок граничил с их землей, и молодым Камени, который якобы приходится им родственником.

Иза долго раздумывала, прежде чем сделать выбор. Не то слово - и грянет беда.

Наконец заявила с присущей ей властностью, не допуская и мысли о возражении: Камени должен стать мужем Ренисенб, разумеется, если Ренисенб согласна. Объявить об этом решении и устроить свадебные торжества - весьма непродолжительные из-за недавних печальных событий в доме - следует через неделю. Камени превосходный молодой человек, у них будут здоровью дети. Более того, они любят друг друга.

Что ж, думала Иза, жребий брошен. На игровой доске сделан роковой ход. Теперь от нее ничего не зависит. Она поступила так, как сочла целесообразным. Если в этом есть риск, что ж, Иза любила посидеть за игровой доской не меньше покойного Ипи. Нельзя всю жизнь остерегаться. Хочешь выиграть - рискуй.

Вернувшись к себе, она настороженно огляделась. Особенно присмотрелась к большому сосуду с вином. Он был закрыт и запечатан точно так, как при ее уходе. Она всегда, уходя, опечатывала его, а печатку для сохранности вешала себе на шею.

Да, на такой риск она не пойдет, усмехнулась Иза. Не так-то легко убить старуху. Старухи умеют ценить жизнь, и большинство уловок им

знакомо.

Завтра... Она позвала свою маленькую рабыню.

- Не знаешь, где Хори?

- Наверное, наверху, в гроте возле гробницы, - ответила девочка.

Иза была довольна.

- Поднимись туда к нему. Скажи, что завтра утром, когда Имхотеп и Яхмос уйдут на поля, прихватив с собой Камени, чтобы было кому вести счет, а Кайт будет играть с детьми у водоема, он должен прийти сюда. Поняла? Повтори.

Маленькая рабыня повторила, и Иза отпустила ее.

Да, план ее был безупречен. Разговора с Хори никто не подслушает, потому что Хенет она отправит с поручением под навес к ткачихам. Она расскажет Хори, что им предстоит, и они вместе обговорят все подробности.

Когда черная рабыня вернулась с известием, что Хори обязательно придет, Иза вздохнула с облегчением.

Только теперь, когда все было сделано, она почувствовала, как усталость разлилась по всему телу. И велела рабыне взять горшочек с душистыми притираниями и помассировать ей руки и ноги. Ритмичные движения навеяли покой, а бальзам снял ломоту в костях. Наконец она вытянулась на своем ложе, положив голову на деревянный подголовник, и заснула - страхи на мгновение исчезли.

Когда много позже она проснулась, то почувствовала, что ей почему-то холодно. Руки и ноги окоченели, она не могла шевельнуть ими... Тело словно оцепенело. Она ощущала, как стынет ее мозг, парализуя волю, как все медленнее и медленнее бьется сердце.

"Это смерть..." - подумала она. Странная смерть - неожиданная, ничем о себе не возвестившая. "Так умирают старики", - подумала она.

И вдруг пришло убеждение: это неестественная смерть! Это удар, нанесенный из тьмы врагом. Яд... Но каким образом? Когда? Все, что она ела и пила, пробовали другие и остались живы - тут не могло быть ошибки. Тогда как? Когда? Последним проблеском угасающего сознания Иза пыталась проникнуть в тайну. Она должна знать, должна, перед тем как ей суждено умереть.

Она чувствовала, что тяжесть все сильнее давит ей на грудь, смертельный холод сжимает сердце. Дыхание слабело, стало болезненным.

Что сделал враг?

И вдруг из прошлого на помощь ей пришло беглое воспоминание. Кусочек овечьей кожи - отец показывал, как кожа способна впитывать яд.

Овечье сало - благовонный бальзам, приготовленный на овечьем сале.

Вот каким путем добрался до нее враг. Горшочек с притираниями - необходимая принадлежность каждой египтянки. В них был яд...

А завтра... Хори... Он уже не узнает... Она не сумела ему сказать... Уже поздно.

Наутро перепуганная маленькая рабыня бежала по дому с криком, что ее госпожа умерла во сне.

II

Имхотеп стоял и смотрел на мертвую Изу. На его лице была боль утраты, но ни тени подозрения.

Его мать, сказал он, умерла от старости.

- Она была старой, - говорил он. - Да, старой. Вот и пришла ей пора отправляться к Осирису, а все наши беды и горести еще и ускорили ее кончину. Но, по-видимому, смерть ее была легкой. По милости Ра на этот раз обошлось без помощи человека или злых духов. Иза умерла своей смертью. Смотрите, какое у нее спокойное лицо.

Ренисенб плакала, ее утешал Яхмос. Хенет вздыхала и качала головой, то и дело повторяя, какую утрату они понесли и как она была предана Изе. Камени перестал петь и ходил, как и полагается, со скорбным выражением на лице.

Пришел Хори и тоже стоял и смотрел на покойную. Именно в этот час она велела ему прийти. Что она хотела ему сказать, думал он. Несомненно, она нашла какие-то доказательства. Но теперь ему никогда не узнать. Впрочем, думал он, может, он и сам догадается...

ГЛАВА XXI

Второй месяц Лета, 16-й день

I

- Хори, ее убили?
- Думаю, да, Ренисенб.
- А как?
- Не знаю.
- Но она была так осторожна. - В голосе Ренисенб слышались боль и недоумение. - Она всегда была начеку. Принимала все меры предосторожности. Все, что ела и пила, пробовали рабы.
- Я знаю, Ренисенб. Но тем не менее я уверен, что ее убили.
- Она была самая мудрая из всех нас, самая умная! Она была убеждена, что уж с ней-то ничего не случится. Нет, Хори, тут все неспроста. В этом случае действовали злые духи.
- Ты веришь в это, потому что таким путем легче всего объяснить случившееся. Люди всегда так поступают. Сама Иза этому ни за что бы не поверила. Если перед тем, как уснуть навсегда, она поняла, что умирает, то не сомневалась, что это дело рук человека.
- А она знала, чьих?
- Да. Она довольно откровенно намекнула, на кого падает ее подозрение. И стала опасной для убийцы. И то, что она умерла, только подтверждает, что в своих подозрениях она оказалась права.
- А она тебе сказала, кто это?
- Нет, не сказала, - ответил Хори. - Она ни разу не назвала имени. Тем не менее наши мысли, я убежден, совпали.
- В таком случае, Хори, скажи мне, чтобы я тоже его остерегалась.
- Нет, Ренисенб, мне слишком дорога твоя участь, чтобы я тебе его назвал.
- А если я не знаю, мне ничто не угрожает?

Хори потемнел лицом.

- Нет, Ренисенб, я не могу сказать, что тебе ничто не угрожает. Опасность существует для всех нас. Но опасность возрастет, если ты узнаешь правду, ибо тогда ты станешь для убийцы угрозой, которую, каков бы ни был риск, следует немедленно устранить.

- А как же ты, Хори? Ты ведь знаешь.

- Я считаю, что знаю, - поправил ее он. - Но никак этого не проявляю, я не обмолвился и словом. Иза поступила неосторожно. Она высказалась, обнаружила, куда ведут ее мысли. Этого делать не следовало, о чем я ей потом и сказал.

- Но ты, Хори... Если что-нибудь случится с тобой...

Она замолкла, почувствовав, что Хори смотрит ей прямо в глаза. Его печальный пристальный взгляд проникал в ее мысли и сердце.

- Не бойся за меня, Ренисенб, - осторожно взял он ее руки в свои. - Все будет хорошо.

Если Хори так считает, подумала она, значит, и вправду все будет хорошо. Она испытала удивительное чувство умиротворения, покоя, ликующего счастья, прекрасное, но такое недостижимое, как те дали, что она видит со скалы, в которой высечена гробница, дали, куда не достигают шумные людские притязания и запреты.

И вдруг услышала собственный голос, резкий, решительный:

- Я выхожу замуж за Камени.

Хори отпустил ее руки - словно ни в чем не бывало.

- Я знаю, Ренисенб.

- Они... Мой отец... Они считают, что так надо.

- Я знаю.

И пошел прочь.

Окружающие двор, стены, казалось, приблизились, голоса из дома и из-под навесов, где лутили кукурузу, стали громкими и настойчивыми. "Хори уходит", - мелькнуло у Ренисенб в голове.

- Хори, куда ты? - окликнула она его.

- На поля к Яхмосу. Уборка почти закончена, нужно многое подсчитать и записать.

- А Камени?

- Камени тоже будет с нами.

- Я боюсь оставаться здесь, - выкрикнула Ренисенб. - Да, даже в разгар дня, когда кругом слуги и Ра плывет по небесному океану, я боюсь.

Он тотчас вернулся.

- Не бойся, Ренисенб. Клянусь, тебе нечего бояться. Сегодня, во всяком

случае.

- А завтра?

- Живи одним днем. Клянусь тебе, сегодня ты в безопасности.

Ренисенб посмотрела на него и нахмурилась.

- Значит, нам все еще грозит опасность? Яхмосу, моему отцу, мне? Ты хочешь сказать, что я не первая в очереди тех, кому грозит опасность?

- Постарайся не думать об этом, Ренисенб. Я сделаю все, что в моих силах, хотя тебе может казаться, что я бездействую.

- Понятно... - Ренисенб задумчиво посмотрела на него. - Да, я понимаю. Первая очередь за Яхмосом. Убийца уже дважды использовал яд и промахнулся. Он сделает и третью попытку. Вот почему ты хочешь быть рядом с ним - чтобы защитить его. А потом наступит очередь моего отца и моя. Кто это так ненавидит нашу семью, что...

- Тсс. Лучше помолчи, Ренисенб. Доверься мне. И старайся прогнать страх.

Гордо откинув голову и глядя прямо ему в глаза, Ренисенб произнесла:

- Я верю тебе, Хори. Ты не дашь мне умереть... Я очень люблю жизнь и не хочу уходить из нее.

- И не уйдешь, Ренисенб.

- И ты тоже, Хори.

- И я тоже.

Они улыбнулись друг другу, и Хори отправился на розыски Яхмоса.

II

Ренисенб сидела, обхватив руками колени, и следила за Кайт.

Кайт помогала детям лепить игрушки из глины, поливая ее водой из водоема. Разминая пальцами глину и придавая ей нужную форму, она учила двух насупленных от усердия мальчиков, как и что делать. Ее доброе некрасивое лицо было безмятежно, словно страх смерти, царивший в доме, нисколько ее не коснулся.

Хори просил Ренисенб ни о чем не думать, но при всем своем желании Ренисенб не могла выполнить его просьбы. Если Хори знает, кто убийца, если Иза знала, кто убийца, то почему и ей не знать? Быть может, не знать менее опасно, но кто в силах с этим согласиться? Ей тоже хотелось знать.

Выяснить это, наверное, не так уж трудно - скорей даже легко. Отец, совершенно ясно, не мог желать смерти своим собственным детям. Значит, остаются... Кто же остается? Остаются двое, хотя поверить в это невозможно: Кайт и Хенет.

Женщины...

И что у них за причина?

Хенет, правда, ненавидит их всех... Да, она, несомненно, их ненавидит. Сама призналась, что ненавидит Ренисенб. Почему бы ей не пылать такой же ненавистью и к остальным?

Ренисенб пыталась проникнуть в самые сокровенные мысли Хенет.

Живет здесь столько лет, ведет в доме хозяйство, без конца твердит о своей преданности, лжет, шпионит, ссоря их друг с другом... Появилась здесь давным-давно в качестве бедной родственницы красивой госпожи из знатного рода. Видела, что эта красивая госпожа счастлива с мужем и детьми. Ее собственный муж покинул ее, единственный ребенок умер... Да, это могло стать причиной. Вроде раны от вонзившегося копья, как Ренисенб раз видела. Снаружи эта рана быстро зажила, но внутри начала нарываться и гноиться, рука распухла и стала твердой. Пришел лекарь и, прочитав нужное заклинание, вонзил в опухшую руку небольшой нож, и оттуда брызнула струя вонючего гноя... Еще похоже бывает, когда прочищают сточную канаву.

То же самое произошло, по-видимому, и с Хенет. Страдания и обиды, казалось, забылись, но внутри сознания просочился яд, который, накопившись, прорвался потоком ненависти и злобы.

Испытывала ли Хенет ненависть и к Имхотепу? Вряд ли. Много лет

она увивается возле него, льстит и заискивает... А он полностью ей доверяет. Неужто и с ним она притворяется?

Если же она искренне предана Имхотепу, то почему решилась причинить ему столько горя?

А что, если она и его ненавидит? Ненавидела всю жизнь? И льстила, чтобы ловко воспользоваться его слабостями? Что, если она ненавидит Имхотепа больше всех? Тогда что может доставить большую радость человеку со столь извращенными и порочными наклонностями, нежели возможность заставить своего заклятого врага собственными глазами видеть, как один за другим погибают его дети?

- Что с тобой, Ренисенб?

На нее смотрела Кайт.

- У тебя такой странный вид.

Ренисенб встала.

- Меня вот-вот вырвет, - сказала она.

Отчасти это было правдой. От картины, которую она сама себе нарисовала, ее начало тошнить. Кайт восприняла ее слова буквально.

- Ты, наверно, съела незрелых фиников либо рыба была несвежей.

- Нет, нет, это не от еды. Это от того, что у нас происходит.

- А, вот в чем дело, - откликнулась Кайт так равнодушно, что Ренисенб удивленно уставилась на нее.

- Разве ты не боишься, Кайт?

- Нет, не боюсь, - задумчиво ответила Кайт. - Если с Имхотепом что-нибудь случится, о детях позаботится Хори. Хори - человек честный, он будет им хорошим опекуном.

- Опекуном станет Яхмос.

- Яхмос тоже умрет.

- Кайт, как ты можешь говорить об этом так спокойно? Неужели тебе безразлично, умрут отец и Яхмос или нет?

Минуту-другую Кайт размышляла. Потом пожала плечами.

- Мы обе женщины, так что давай будем друг с другом откровенны. Имхотепа я всегда считала деспотичным и несправедливым. А как возмутительно он показал себя в истории с наложницей - позволил ей уговорить себя лишить наследства собственных детей. Я никогда не испытывала привязанности к Имхотепу. Что касается Яхмоса, то он пустое место. Сатипи делала с ним что хотела. Потом, когда она умерла, он повел себя более решительно, стал распоряжаться. Но он всегда будет относиться к своим детям лучше, чем к моим, что вполне естественно. Поэтому, если ему суждено умереть, это будет только на благо моим детям - вот какой я

делаю вывод. У Хори детей нет, и человек он справедливый. В том, что творится у нас в доме, конечно, ничего хорошего нет, но в последнее время я начала думать, что в конечном итоге оно, может, и к лучшему.

- Как ты можешь так спокойно, так хладнокровно рассуждать, Кайт, когда твой собственный муж, которого ты, по-моему, любила, погиб первым?

Что-то странное мелькнуло в глазах Кайт. Она бросила на Ренисенб взгляд, в котором явно сквозила презрительная усмешка.

- Ты иногда очень похожа на Тети, Ренисенб. Такой же ребенок, клянусь, как она.

- Ты не оплакиваешь смерть Себека, - медленно произнесла Ренисенб.
- Я это заметила.

- Оставь, Ренисенб, меня не в чем, упрекнуть. Я знаю, как должна вести себя вдова, только что потерявшая мужа.

- Да, упрекнуть тебя не в чем... Значит, ты не любила Себека?

- А почему я должна была его любить? - пожала плечами Кайт.

- Кайт! Он был твоим мужем, отцом твоих детей!

Лицо Кайт смягчилось. Она посмотрела сначала на двух увлеченных лепкой мальчиков, а потом туда, где барахталась, задрав ножки и что-то лепеча, малышка Анх.

- Да, он был отцом моих детей, за что я благодарна ему. Но в остальном, что он представлял собой? Красавец, хвастун и развратник. Он не привел в дом новую сестру, приличную скромную женщину, которая была бы всем нам в помощь. Нет, он посещал дома, которые пользуются дурной славой, и тратил медные и золотые украшения на вино и самых дорогих танцовщиц. Еще счастье, что Имхотеп держал сына в узде и тому приходилось до мелочей отчитываться в заключенных им торговых сделках. Почему же я должна была питать любовь и уважение к такому человеку? И вообще, что такое мужчины! Они нужны только для рождения детей, вот и все. Сила народа в женщинах. Мы, Ренисенб, передаем детям все, что есть в нас. Что же касается мужчин, то они должны участвовать в зачатии, а потом дело их - пусть умирают... - Словно заключительным музыкальным аккордом снова прозвучали в голосе Кайт презрение и насмешка. Ее некрасивое лицо преобразилось, стало значительным.

Ренисенб охватило смятение. "Какая Кайт сильная! Если она и глупая, то это самодовольная глупость. Она ненавидит и презирает мужчин. Мне бы давно следовало это понять. Ведь один раз я уже видела, что она способна на угрозу. Да, Кайт сильная..."

Взгляд Ренисенб случайно упал на руки Кайт. Они мяли и месили

глину - сильные, мускулистые руки, и, глядя на них, Ренисенб подумала об Ипи и о сильных руках, которые безжалостно держали его голову под водой. Да, руки Кайт вполне могли это сделать...

Малышка Анх, наткнувшись на колючку, громко заплакала. Кайт кинулась к ней, схватила и, прижав к груди, принялась успокаивать. На ее лице были любовь и нежность.

- Что случилось? - выбежала на галерею Хенет. - Ребенок так громко кричал. Я было решила...

И разочарованно замолкла. Ее полное злорадного любопытства лицо вытянулось: очередной беды не случилось.

Ренисенб перевела взгляд с одной женщины на другую.

Ненависть на одном лице, любовь на другом. Что, интересно, страшнее?

III

- Берегись Кайт, Яхмос.
- Кайт? - удивился Яхмос. - Дорогая моя Ренисенб...
- Говорю тебе, она опасна.
- Наша тихая Кайт? Она всегда была кроткой, покорной женщиной, не очень умной...

- Она не кроткая и не покорная, - перебила его Ренисенб. - Я ее боюсь, Яхмос. И прошу тебя быть начеку.

- Боишься Кайт? - еще раз удивился он. - Представить себе не могу, чтобы все наши беды исходили от Кайт. У нее для этого ума не хватит.

- По-моему, тут не требуется большого ума. Достаточно знать яды. А как тебе известно, в некоторых семьях в ядах отлично разбираются и передают эти знания от матери к дочери. Есть женщины, которые умеют готовить снадобья из ядовитых трав. Может, и Кайт обучена этому. Во всяком случае, когда дети болеют, она сама готовит им лекарства.

- Да, это верно, - задумался Яхмос.
- И Хенет тоже злая, - продолжала Ренисенб.
- Хенет? Да. Недаром мы ее всегда недолюбливали. По правде говоря, если бы отец за нее не заступался...

- Отец обманывается в ней, - сказала Ренисенб.
- Вполне возможно. - И сухо добавил: - Он любит лезть.

Ренисенб посмотрела на него с удивлением. Впервые в жизни ей довелось услышать, чтобы Яхмос высказался об Имхотепе в таком непочтительном тоне. Он всегда был преисполнен благоговейного страха перед отцом.

Яхмос, поняла она, постепенно становится главой в семье. За последние недели Имхотеп заметно сдал. Разучился отдавать приказы, принимать решения. Он очень одряхлел. Часами сидит, уставившись в одну точку, взгляд у него затуманенный и рассеянный. Порой он даже не понимает, о чем ему говорят.

- Ты думаешь, что она... - Ренисенб умолкла. Оглядевшись, она продолжала: - Ты думаешь, что это она...

- Молчи, Ренисенб, - схватил ее за руку Яхмос. - Об этом не следует не только говорить, но и шептать.

- Значит, ты думаешь...
- Молчи. Мы кое-что придумали, - мягко, но настойчиво повторил

Яхмос.

ГЛАВА XXII

Второй месяц Лета, 17-й день

I

На следующий день был праздник новолуния. Имхотепу предстояло подняться наверх, чтобы совершить обряд жертвоприношения. Яхмос уговаривал отца доверить это на сей раз ему, но Имхотеп и слушать не хотел.

- Откуда мне знать, что все будет сделано, как следует, если я сам обо всем не позабочусь? - тщился он напустить на себя былую важность. - Разве я когда-либо позволял себе уклониться от своих обязанностей? Не я ли добывал вам всем хлеб насущный, не я ли содержал вас всех?.. - Голос его упал. - Всех? Кого всех? Ах да, я забыл, два моих сына - красавец Себек и любимый мною отважный Ипи - ушли навсегда. Яхмос и Ренисенб, дорогие мои дети, вы по-прежнему со мной, но кто знает, надолго ли?

- Будем надеяться, что надолго, - отозвался Яхмос. Он говорил громче, чем обычно, словно обращался к глухому.

- А? Что? - Имхотеп, казалось, был не в себе. Потом вдруг ни с того, ни с сего добавил: - Это зависит от Хенет, верно? Да, все зависит от Хенет.

Яхмос и Ренисенб переглянулись.

- Я не понимаю тебя, отец, - тихо, но отчетливо сказала Ренисенб.

Имхотеп пробормотал что-то еще, чего они не расслышали. Потом громче, но глядя перед собой пустыми и тусклыми глазами, заявил:

- Хенет меня понимает. И всегда понимала. Она знает, как велики мои обязанности, как велики... А взамен всегда одна неблагодарность... Отсюда и возмездие. Так и должно быть. Высокомерие заслуживает наказания. Хенет же всегда была скромной, покорной и преданной. Ей причитается награда...

И, собрав последние остатки сил, спросил властным голосом:

- Ты понял меня, Яхмос? Хенет вправе требовать всего, что захочет. Ее

распоряжения следует выполнять!

- Но почему, отец?

- Потому что я так хочу. Потому что, если желания Хенет будут удовлетворены, смерть уйдет из нашего дома.

И, многозначительно кивнув головой, удалился, оставив Яхмоса и Ренисенб в полном недоумении и тревоге.

- Что это значит, Яхмос?

- Не знаю, Ренисенб. Порой мне кажется, что отец не отдает себе отчета в том, что говорит или делает.

- Возможно. Зато, по-моему, Хенет чересчур хорошо знает, что говорит или делает. Лишь на днях она заявила мне, что в самом скором времени она будет щелкать кнутом у нас в доме.

Они стояли и смотрели друг на друга. Потом Яхмос положил руку на плечо Ренисенб.

- Не ссорься с ней, Ренисенб. Ты не умеешь скрывать своих чувств. Ты слышала, что сказал отец? Если желания Хенет будут удовлетворены, смерть уйдет из нашего дома...

II

Сидя на корточках в одной из кладовых, Хенет пересчитывала куски полотна. Это были старые холстины, и, заметив на одной из них метку, она поднесла ее к глазам.

- Ашайет, - прочитала она. - Значит, это ее холст. Тут вышит и год нашего приезда сюда. Много лет прошло с тех пор. Знаешь ли ты, Ашайет, на что сейчас идут твои холстины? - Она захихикала, но тут же, словно поперхнувшись, умолкла, ибо услышала за спиной чьи-то шаги.

Она повернулась. Перед ней стоял Яхмос.

- Чем ты занимаешься, Хенет?

- Бальзамировщикам не хватило полотна на погребальные пелены. Все им мало. Только за вчерашний день ушло четыре сотни локтей. Ужас сколько полотна они изводят. Придется нам взять это старое. Оно хорошего качества и не совсем ветхое. Это холстины твоей матери, Яхмос.

- А кто разрешил тебе их брать?

Хенет засмеялась.

- Имхотеп сказал, что я могу распоряжаться всем, чем хочу, и ни у кого не спрашивать разрешения. Он доверяет бедной старой Хенет. Знает, что она сделает все как надо. Я уже давно веду хозяйство в этом доме. Пора и мне получить вознаграждение.

- Может, и так, - согласился Яхмос. - Отец сказал... - он помолчал, - что все зависит от тебя.

- Он так сказал? Что ж, приятно слышать. Но ты, Яхмос, я вижу, не согласен с отцом?

- Почему же? - Яхмос по-прежнему не повышал тона, но не сводил с нее пристального взгляда.

- По-моему, тебе лучше согласиться с отцом. Зачем нам лишние неприятности, а, Яхмос?

- Я не совсем понимаю тебя. Ты хочешь сказать, что, если ты станешь хозяйкой у нас в доме, смерть покинет его?

- Нет, смерть не собирается уходить.

- И кто же будет ее следующей жертвой, Хенет?

- Почему ты решил, что я знаю?

- Потому что, по-моему, тебе многое известно. Несколько дней назад, например, ты знала, что Ипи умрет... Ты очень умная, Хенет.

- А ты это только сейчас понял? - вскинулась Хенет. - Хватит мне быть

бедной глупой Хенет. Я все знаю.

- И что же ты знаешь, Хенет?

У Хенет даже голос изменился. Он стал низким и резким.

- Я знаю, что наконец-то могу делать в этом доме что хочу. И никто не посмеет мне возразить. Имхотеп уже во всем полагается на меня. И ты будешь делать то же самое, Яхмос.

- А Ренисенб?

Хенет засмеялась злорадно, с явным удовольствием.

- Ренисенб здесь скоро не будет.

- По-твоему, следующей умрет Ренисенб?

- А по-твоему, Яхмос?

- Я хочу услышать, что скажешь ты.

- Может, я только хотела сказать, что Ренисенб выйдет замуж и уедет.

- А что на самом деле ты хотела сказать?

- Иза однажды обвинила меня в том, что я много болтаю, - хихикнула Хенет. - Может, и так.

И опять рассмеялась, покачиваясь на пятках.

- Итак, Яхмос, как ты думаешь? Имею я наконец право делать в доме что хочу?

Мгновение Яхмос вглядывался в ее лицо и только потом ответил:

- Да, Хенет. Раз ты такая умная, можешь делать все, что хочешь.

И повернулся навстречу Хори, который вышел из главного зала.

- Вот ты где, Яхмос! Имхотеп ждет тебя. Пора подняться наверх.

- Иду, - кивнул Яхмос. И, понизив голос, добавил: - Хори, Хенет, по-моему, рехнулась. В нее вселился злой дух. Я и вправду начинаю думать, что вина за все случившееся лежит на ней.

Хори не сразу, но спокойным и ровным тоном откликнулся:

- Она странная женщина, а главное, злая.

- Хори, - перешел на шепот Яхмос, - по-моему, Ренисенб грозит опасность.

- От Хенет?

- Да. Она только что дала мне понять, что очередной жертвой может стать Ренисенб.

- Что, мне весь день вас ждать? - послышался капризный голос Имхотепа. - Что это такое? Никто со мной больше не считается. Никого не интересует, какие страдания я испытываю. Где Хенет? Только Хенет меня понимает.

Из кладовой отчетливо донесся торжествующий смех.

- Ты слышал, Яхмос? Хенет здесь хозяйка!

- Да, Хенет, я понимаю, - справился с собой Яхмос. - Власть теперь в твоих руках. Ты, мой отец и я - мы втроем...

Хори поспешил к Имхотепу, а Яхмос задержался, что-то еще сказал Хенет, и та согласно кивнула головой. Лицо ее расплзлось в злобной усмешке.

Когда Яхмос, извинившись за задержку, догнал отца и Хори, они все вместе двинулись наверх, к гробнице.

III

День почему-то тянулся медленно.

Ренисенб терзало беспокойство. Она то выходила из дому на галерею, то шла к водоему, то возвращалась обратно в дом.

В полдень Имхотеп вернулся. Ему подали еду, он поел и уселся на галерею. Ренисенб пристроилась рядом.

Она сидела, обхватив руками колени, и время от времени поглядывала на отца. На его лице было все то же отсутствующее выражение, смешанное с недоумением. Имхотеп почти не говорил. Только раз-другой тяжело вздохнул.

Потом встрепенулся и послал за Хенет. Но Хенет не было - она понесла холсты бальзамировщикам.

Ренисенб спросила у отца, где Хори и Яхмос.

- Хори ушел на дальние поля льна. Там надо провести подсчет. А Яхмос здесь, на ближних полях. Теперь все на нем... Когда Себека и Ипи не стало. Бедные мои сыновья...

Ренисенб попыталась отвлечь его.

- А разве Камени не может присматривать за работами?

- Камени? А кто такой Камени? У меня нет сына по имени Камени.

- Писец Камени. Камени, которому надлежит стать моим мужем.

Он уставился на нее.

- Твоим мужем, Ренисенб? Но ведь ты выходишь замуж за Хея.

Она вздохнула и промолчала. Жестоко каждый раз поправлять его.

Спустя некоторое время он, однако, очнулся, потому что воскликнул:

- Ты спрашивала про Камени? Он пошел на пивоварню отдать кое-какие распоряжения надсмотрщику. Надо и мне, пожалуй, туда сходить.

И зашагал прочь, бормоча что-то себе под нос, вид у него был такой самоуверенный, что Ренисенб даже воспряла духом.

Быть может, подобное затмение разума - явление временное?

Она огляделась. Что-то зловещее почудилось ей в том безмолвии, что царило в доме и на дворе. Дети играли на дальнем конце водоема. Кайт с ними не было. Интересно, где она, подумала Ренисенб.

На галерею вышла Хенет. Оглядевшись, робко подошла к Ренисенб. И заговорила-заныла с прежней покорностью:

- Я все ждала, пока мы останемся наедине, Ренисенб.

- А зачем я тебе нужна, Хенет?

Хенет понизила голос:

- Хори попросил меня передать тебе кое-что.

- Что именно? - жадно спросила Ренисенб.

- Он сказал, чтобы ты поднялась к гробнице.

- Сейчас?

- Нет. За час до заката, сказал он. Если его не будет, он просил, чтобы ты его подождала. Это очень важно, сказал он. - Хенет помолчала, а потом добавила: - Мне велено было дождаться, когда ты останешься одна - чтобы никто не подслушал.

И скользнула обратно в дом.

У Ренисенб стало легче на душе. Ее радовала мысль, что она пойдет туда, где правят мир и покой. Радовало, что она увидит Хори и сможет поговорить с ним, о чем захочет. Но и удивило, что он передал свое приглашение через Хенет. Тем не менее Хенет хоть и злая, но просьбу Хори она выполнила добросовестно.

"И почему я все время боюсь Хенет? - думала Ренисенб. - Ведь я куда сильнее ее".

И с гордостью выпрямилась. Она чувствовала себя молодой, уверенной в себе и хозяйкой собственной жизни...

IV

После разговора с Ренисенб Хенет снова вернулась в кладовую. Тихо смеясь про себя, она склонилась над охапками холстин.

- Скоро вы опять нам понадобятся, - радостно проговорила она. - Ты слышишь меня, Ашайет? Теперь я здесь хозяйка и сообщаю тебе, что твое полотно пойдет на пелены для еще одного тела. И чье это будет тело, как ты думаешь? Хи-хи! Ты не очень-то поспешила им на помощь, а? Ты и брат твоей матери, сам правитель! Правосудие? Разве существует правосудие в этом мире? Отвечай!

Почувствовав у себя за спиной шорох, Хенет чуть повернула голову.

И тут же кто-то набросил ей на голову огромный холст, и она стала задыхаться, и, пока не иссякли ее силы, не ведающие пощады руки все обкручивали и обкручивали тканью ее тело, туго пеленая его, точно мумию.

ГЛАВА XXIII

Второй месяц Лета, 17-й день

I

Задумавшись, Ренисенб сидела у входа в грот возле гробницы и не сводила глаз с Нила.

Ей казалось, что это было давным-давно, когда она впервые поднялась сюда после своего возвращения в дом отца. Тогда она весело говорила, что в доме ничего не изменилось, что все осталось точно таким, каким было до ее отъезда восемь лет назад.

Она вспомнила, как Хори сказал ей, что и она сама вовсе не та Ренисенб, что уехала с Хеем, и как она без тени сомнения ответила, что в самое ближайшее время будет опять той же.

Потом Хори принялся рассуждать о переменах, которые происходят не снаружи, а внутри, о порче, которая не бывает заметна сразу. Теперь она понимала, о чем он говорил. Он старался подготовить ее. Она была так уверена, так слепа, когда пыталась судить о каждом в доме лишь по его внешнему виду. И только с появлением Нофрет у нее открылись глаза... Да, с появлением Нофрет. Все началось с нее. Вместе с Нофрет в дом пришла смерть... Сама ли Нофрет олицетворяла зло или нет, но она внесла зло в дом... Которое все еще живет среди них.

В последний раз Ренисенб попыталась убедить себя, что все вершилось по воле духа Нофрет... Зло творила мертвая Нофрет... Или живая Хенет... Хенет, презираемая, угодничающая, расточающая лесть...

Ренисенб вздрогнула, встрепенулась и медленно поднялась на ноги. Больше ждать Хори она не может. Солнце вот-вот сядет. Почему он не пришел? Она огляделась по сторонам и стала спускаться по тропинке вниз в долину.

В этот вечерний час вокруг царила полная тишина. Как тихо и красиво, подумала она. Что задержало Хори? Если бы он пришел, они могли бы

провести этот час вместе... Таких часов осталось немного. Скоро, очень скоро она станет женой Камени...

Неужто она в самом деле собирается выйти замуж за Камени? Потрясенная Ренисенб вдруг очнулась от оцепенения, в котором так долго пребывала, будто пробудилась после страшного сна. Страх и неуверенность в себе, по-видимому, настолько овладели ею, что она была готова ответить согласием на любое предложение.

Но теперь она снова стала прежней Ренисенб, и если она выйдет за Камени, то это случится только потому, что она сама этого пожелает, а не потому, что так решили в семье. Камени с его красивым, вечно улыбающимся лицом! Она любит его, правда? Поэтому и собирается стать его женой.

В этот вечерний час здесь наверху не было ни лжи, ни неясности. И в мыслях не было смятения. Она - Ренисенб, она идет, глядя на мир со спокойствием и отвагой, став опять сама собой. Разве не сказала она как-то Хори, что должна одна спуститься по тропинке в час смерти Нофрет? Пусть ей будет страшно, все равно она должна это сделать. Вот она и идет. Примерно в это время они с Сатипи склонились над телом Нофрет. И опять же примерно в это время Сатипи тоже спускалась по тропинке, потом вдруг обернулась - чтобы увидеть, как ее догоняет судьба. И на том же самом месте. Что же услышала Сатипи, что заставило ее вдруг обернуться? Шаги? Шаги... Но и сейчас Ренисенб слышала шаги - кто-то шел за ней по тропинке.

Сердце ее взметнулось от страха. Значит, это правда! Нофрет шла за ней вслед... Ее объял ужас, но шагов она не замедлила. И не бросилась вперед. Она должна преодолеть страх, ибо совесть ее чиста...

Она выпрямилась, собрала с духом и, не сбавляя шага, обернулась. И сразу ей стало легко. За ней шел Яхмос. Никакой не дух из Царства мертвых, а ее родной брат. Он, наверное, был чем-то занят в поминальном зале гробницы и вышел оттуда сразу следом за ней.

- О Яхмос, как хорошо, что это ты! - остановившись, радостно воскликнула она.

Он быстрым шагом приближался к ней. И только она решила поведать ему о своих глупых страхах, как слова замерли у нее на губах. Это был не тот Яхмос, которого она знала - мягкий и добрый. Глаза его горели, он то и дело облизывал пересохшие губы. Пальцы чуть вытянутых вперед рук скрючились как когти.

Он смотрел на нее, и взгляд его, можно было не сомневаться, был взглядом человека, который уже убивал и был готов на новое убийство. Его

лицо дышало торжеством жестокости и зла. Яхмос! Убийцей был Яхмос! Под маской мягкого и доброго человека!

Она всегда была уверена, что брат любит ее. Но на этом искаженном нечеловеческой злобой, торжествующем лице не было и следа любви. Ренисенб вскрикнула - едва слышно, ни на что не надеясь. Наступила, почувствовала она, ее очередь умереть. Ибо мериться силой с Яхмосом было безрассудно. Здесь, где сорвалась со скалы Нофрет, где тропинка сужалась, предстояло и ей встретить свою смерть.

- Яхмос! - В этот последний зов она вложила всю нежность, которую всегда испытывала к старшему брату. Но напрасно. Яхмос лишь коротко рассмеялся - тихим злорадным смехом. И бросился вперед - пальцы-когти потянулись к ней, чтобы сомкнуться вокруг ее горла. Ренисенб припала к скале, выставив вперед руки в тщетной попытке оттолкнуть его. К ней приближалась сама смерть!

И вдруг послышался звук, слабый, похожий на звон натянутой струны... В воздухе что-то просвистело. Яхмос замер, покачнулся и с воплем рухнул ничком у ее ног. А она тупо смотрела, смотрела и не могла отвести глаз от оперенья стрелы.

II

- Яхмос... Яхмос... - ошеломленно повторяла Ренисенб, словно была не в силах поверить...

Она сидела у входа в грот, обитель Хори, и он все еще поддерживал ее. Она не помнила, как он вел ее наверх. Она только, как завороченная, с удивлением и ужасом повторяла имя брата.

- Да, Яхмос, - мягко подтвердил Хори. - Всякий раз это был Яхмос.

- Но как? Зачем? Почему он? Ведь его самого отравили. Он чуть не умер.

- Он знал, что делает. Знал, сколько выпить вина, чтобы не умереть. И отхлебнул ровно столько, сколько было нужно, а потом прикинулся отравленным. Только так, считал он, можно отвести от себя подозрение.

- Но не мог же он убить Ипи? Он был тогда еще так слаб, что не держался на ногах.

- Он притворялся слабым. Помнишь, Мерсу сказал, что как только яд выйдет, к нему тотчас вернутся силы? Вот так и случилось.

- Но зачем, Хори? Не могу понять, зачем?

Хори вздохнул.

- Помнишь, Ренисенб, однажды я говорил тебе о порче, которая возникает внутри?

- Помню. Я только сегодня думала об этом.

- Ты как-то сказала, что с приездом Нофрет в доме поселилось зло. Это было не совсем верно. Зло уже давно жило в сердцах членов вашей семьи. Но с появлением Нофрет оно вылезло из укромных уголков на свет. Ее присутствие вынудило его проявить себя. Кайт из нежной матери обратилась в безжалостную волчицу, алчущую преимуществ для себя и своих детей. Веселый, обаятельный Себек предстал хвастливым, распутным и слабовольным. Ипи, которого считали всего лишь избалованным красивым ребенком, оказался интриганом и себялюбцем. Хенет уже не могла скрыть за своей притворной преданностью лютой злобы. Властная Сатипи показала себя трусливой. Имхотеп превратился в суетливого тщеславного деспота.

- Знаю, - Ренисенб закрыла лицо руками, - можешь мне не объяснять. Я сама мало-помалу это поняла... Но почему, почему этому суждено было случиться? Почему эта порча, как ты говоришь, должна была проявить себя?

- Кто знает? - пожал плечами Хори. - Быть может, в человеке заложена способность к перерождению, и, если со временем он не становится добрее и мудрее, в нем растет злое начало. А может, это произошло от того, что жизнь обитателей этого дома была слишком замкнутой, обращенной лишь на самих себя, они были лишены широты видения. А может, случилось то, что бывает с растениями: заболевает одно, от него заражается другое, потом третье.

- Но Яхмос... Яхмос, он, казалось, совсем не изменился.

- Да, и именно в этом одна из причин, почему я стал его подозревать. Ибо остальные члены семьи порой могли проявить характер, позволить себе не скрывать своего истинного "я". Яхмос же, от природы робкий, легко подчинялся власти других и не осмеливался восставать. Он любил Имхотепа и тяжко трудился, чтобы угодить ему, а Имхотеп, ценя старшего сына за старательность, считал его не достаточно умным и медлительным. И презирал его. Сатипи тоже помыкала им и без конца подначивала. Чувство обиды, затаенное, но глубоко ранившее, постепенно копилось, и чем более покорным он казался, тем больше рос в его сердце протест.

А затем, как раз тогда, когда Яхмос надеялся получить вознаграждение за свои усердие и прилежание и сделаться совладельцем отца, появилась Нофрет. Нофрет, или скорее ее красота, оказалась той искрой, от которой вспыхнул давно тлеющий костер. При виде ее все три брата вспомнили о том, что они мужчины. Она растравила Себека, выказав презрение к нему как к глупцу, она привела Ипи в ярость, обращаясь с ним, как с ребенком, а Яхмосу ясно дала понять, что он для нее пустое место. После приезда Нофрет Сатипи своими издевками довела Яхмоса до белого каления. Ее насмешки, разговоры о том, что она больше мужчина, нежели он, в конце концов вывели его из себя. Он встретил Нофрет на тропинке и в приступе бешенства сбросил ее со скалы.

- Но это же сделала Сатипи...

- Нет, Ренисенб, тут вы все ошиблись. Просто Сатипи видела, как это произошло. Теперь ты понимаешь?

- Но ведь Яхмос был с тобой на поле.

- Да, в течение последнего часа. Разве ты не заметила, Ренисенб, что тело Нофрет было застывшим? Ты сама дотрагивалась до ее щеки. Ты решила, что она только что упала, а на самом деле Нофрет была мертвой уже, по крайней мере, два часа. Иначе на таком жарком солнце ее лицо никогда не показалось бы тебе холодным. Сатипи видела, как это случилось. Вот она и бродила вокруг, напуганная, не зная, что предпринять. А когда увидела, что ты идешь, попыталась увести тебя назад.

- Хори, когда ты все это понял?

- Вскорости, наверное. Меня навело на мысль поведение Сатипи. Она явно кого-то или чего-то боялась, и я довольно быстро убедился, что боится она Яхмоса. Она перестала его подначивать, более того, была готова безоговорочно ему подчиняться. Убийство Нофрет ее потрясло. Яхмос, которого она презирала за слабодушие, оказался убийцей. Это перевернуло ее представление о нем вверх дном. Как большинство крикливых, задиристых женщин, на самом деле Сатипи была труслива. Этот новый Яхмос напугал ее. А от страха она стала разговаривать во сне. И тогда Яхмос почувствовал, что она представляет для него опасность... А теперь, Ренисенб, постарайся понять то, что ты видела собственными глазами. Вовсе не злого духа испугалась Сатипи, а того же человека, которого сегодня на тропинке встретила ты. И на лице своего преследователя - ее собственного мужа - она прочла намерение сбросить ее со скалы, как он уже поступил с Нофрет. В страхе она попятилась назад и сорвалась вниз. И когда, умирая, ей удалось прошептать: "Нофрет", - она пыталась дать тебе понять, что Нофрет убил Яхмос.

Иза тоже догадалась, как было дело, благодаря сказанным Хенет случайным словам. Хенет пожаловалась, что я смотрю не на нее, а мимо нее, словно вижу за ее спиной что-то, чего там нет. И тотчас заговорила о Сатипи. Тут Иза и поняла, что все гораздо проще, нежели мы думаем. Сатипи не смотрела на что-то позади Яхмоса, она смотрела на самого Яхмоса. Чтобы проверить свою мысль, Иза, собрав всех нас, завела речь о том, что было мало понятно кому-либо, кроме Яхмоса, и только ему, если ее подозрения оправдались. Ее рассказ произвел на него впечатление, всего на миг он выдал себя, но этого было достаточно, чтобы Иза поняла, что знает правду. Но и Яхмос понял, что она его подозревает. А раз подозрение возникло, значит, до истины нетрудно докопаться, припомнив и историю с пастухом, который был так предан своему господину, что готов был беспрекословно выполнить любой его приказ, даже выпить отраву, которая не даст ему проснуться наутро...

- О Хори, как трудно поверить, что Яхмос был на это способен. Что касается Нофрет, это понятно. Но зачем он убил всех остальных?

- Это нелегко объяснить, Ренисенб, но если сердце открыто злу, тогда зло расцветает в нем, как маки на хлебном поле. Вполне возможно, Яхмос всегда тяготел к насилию, но не мог решиться совершить его. Он презирал себя за робость и покорность. Убив Нофрет, он, наверное, ощутил всю сладость власти, и первой ему дала это понять Сатипи. Сатипи, которая ни во что его не ставила и постоянно оскорбляла, вдруг стала покорной, она

боялась его. Все обиды, которые он так долго таил в себе, обнаружили себя, как та змея, помнишь, которая подняла голову здесь на тропинке. Себек и Ипи были один красивее, другой умнее Яхмоса - вот им и суждено было уйти из жизни. Он, Яхмос, должен стать единственным хозяином в доме, единственной опорой и утешением старика отца! Смерть Сатипи только усилила его жажду убивать и укрепила в сознании собственного могущества. Но одновременно зло помрачило его разум, с того дня овладев им целиком.

В тебе, Ренисенб, врага он не видел. Пока был способен любить, он тебя любил. Но он даже не допускал мысли о том, что ему придется разделить управление владениями с твоим мужем. По-моему, Иза дала согласие на твой брак с Камени из двух побуждений: во-первых, если Яхмос нанесет новый удар, то скорей жертвой будет Камени, чем ты, а на худой конец она поручила мне оберегать тебя; и во-вторых - Иза была отважной женщиной, - чтобы вынудить действовать Яхмоса, за которым я непрерывно следил, а он и понятия не имел, что я его подозреваю, следовало поймать его с поличным.

- Что ты и сделал, - сказала Ренисенб. - О Хори, я так испугалась, когда оглянулась и увидела его.

- Я знаю, Ренисенб. Но через это нужно было пройти. Пока я был рядом с Яхмосом, тебе не грозила опасность, но вечно так продолжаться не могло. Я понимал, что если ему представится возможность сбросить тебя со скалы, в том же самом месте, он ее не упустит. Тогда можно будет снова все свалить на дух убитой Нофрет.

- Значит, просьба, которую мне передала Хенет, исходила не от тебя?

Хори покачал головой.

- Я ничего не просил передать тебе.

- Но в таком случае, зачем Хенет... - Ренисенб помолчала. - Не понимаю, какую роль во всем этом играла Хенет.

- По-моему, Хенет знает правду, - задумчиво сказал Хори. - Сегодня утром она ясно дала это понять Яхмосу, что было крайне опасно. Он уговорил ее звать тебя сюда, что она и сделала с большой охотой, поскольку ненавидит тебя, Ренисенб...

- Я знаю.

- А затем... Трудно сказать... Хенет уверена, что раз она все знает, власть у нее в руках. Вряд ли Яхмос оставил бы ее в живых. Может, сейчас она уже...

Ренисенб задрожала.

- Яхмос сошел с ума! - воскликнула она. - Злые духи овладели его

разумом, ибо раньше он таким не был.

- Не был, но тем не менее... Помнишь, Ренисенб, я рассказывал тебе про Себека и Яхмоса, как Себек бил Яхмоса по голове и как ваша мать подбежала, бледная и дрожащая, и сказала: "Это опасно". По-моему, Ренисенб, она хотела сказать, что опасно так поступать с Яхмосом. Вспомни, что на следующий день Себек заболел - считалось, что он чем-то отравился, но мне кажется, Ренисенб, ваша мать знала, какая бешеная злоба глубоко скрыта в груди ее мягкого, робкого сына, и боялась, что в один прекрасный день она вырвется наружу.

- Неужто никто не бывает таким, каким видится со стороны? - содрогнулась Ренисенб.

- Почему же? - улыбнулся ей Хори. - Вот мы с Камени, например, такие, какие мы есть. Камени и я, мы оба...

Последние слова он произнес многозначительно, и Ренисенб вдруг осознала, что стоит перед величайшим в ее жизни выбором.

- ...мы оба любим тебя, Ренисенб, - продолжал Хори. - Ты должна это знать.

- Однако, - не сразу возразила Ренисенб, - ты не противился приготовлениям к моему замужеству и не сказал ничего, ни единого слова.

- Для твоей же безопасности. Иза тоже считала, что я должен держаться в стороне, проявлять безразличие, чтобы иметь возможность неотрывно следить за Яхмосом и не возбуждать у него неприязни. - И с жаром Хори добавил: - Не забудь, Ренисенб, что Яхмос много лет был мне другом. Я любил его. И уговаривал вашего отца взять его в совладельцы и облечь властью, какой он добивался. Ничего не получилось. Все это пришло слишком поздно. И хотя в глубине души я был уверен, что Нофрет убил Яхмос, я старался этому не верить. Я находил оправдания его поступку, даже если он его совершил. Он был мне очень дорог, Яхмос, мой несчастный, терзаемый уязвленным самолюбием друг. Потом умер Себек, за ним Ипи и, наконец, Иза... Я понял, что в сердце Яхмоса не осталось добра. Поэтому Яхмос и принял смерть от моей руки - он умер быстро и почти безболезненно.

- Смерть - всегда смерть.

- Нет, Ренисенб, впереди у тебя не смерть, а жизнь. С кем ты разделишь ее? С Камени или со мной?

Ренисенб смотрела вниз на долину и на серебристую полосу Нила. Перед ее глазами вдруг возникло смеющееся лицо Камени, такое же, как тогда, когда он сидел напротив нее в лодке. Красивый, сильный, веселый... Она опять почувствовала, как кровь быстрее побежала по ее жилам. Она

любила Камени. Он займет место Хея в ее жизни.

"Мы будем счастливы, да, мы будем счастливы, - думала она. - Будем жить вместе, наслаждаться любовью друг друга, иметь здоровых, красивых детей. Будут дни, занятые работой... и дни радости, когда мы будем плавать по реке... Жизнь станет такой, какой была у меня с Хеем... Чего еще мне ждать? Что еще мне нужно?"

И медленно, очень медленно она повернула голову к Хори. Словно, не произнося ни слова, задавала ему вопрос.

И, словно поняв ее, он ответил:

- Когда ты была ребенком, я любил тебя. Мне нравилось твое серьезное личико и доверчивость, с которой ты являлась ко мне, чтобы я починил твои сломанные игрушки. А потом, восемь лет спустя, ты снова пришла сюда, села и поделилась со мной своими мыслями. А мысли твои, Ренисенб, совсем не похожи на мысли всех других в вашей семье. Они не обращены внутрь себя, не ограничены узкими рамками собственного "я". Как и меня, они побуждают тебя смотреть за реку, видеть меняющийся мир со всеми его новшествами, мир, доступный только тем, кто наделен отвагой и способностью видеть...

- Я понимаю, Хори, я понимаю тебя. Я испытываю эти чувства, находясь рядом с тобой. Но не всегда. Будут минуты, когда я не смогу следовать за тобой, когда я останусь одна...

Она умолкла, не в силах найти слова, в которые можно было бы облечь ее бессвязные мысли. Она не могла представить себе, какой будет жизнь с Хори. Несмотря на его мягкость, на его любовь к ней, он в чем-то останется для нее непредсказуемым и непонятным. Их ждут прекрасные минуты радости, но какой будет их повседневная жизнь?

В безотчетном порыве она протянула к нему руки.

- О Хори, реши за меня. Скажи мне, как поступить.

Он улыбнулся ей - в ней говорил ребенок, быть может, в последний раз. Но руки ее в свои он не взял.

- Я не могу подсказать тебе, что делать с твоей собственной жизнью, Ренисенб, потому что это твоя жизнь - тебе и решать.

Она поняла, что помощи ждать не приходится - Хори не вззовет к ее чувствам, как поступил когда-то Камени. Если бы Хори дотронулся до нее! Нет, он не сделает ни единого движения.

И вдруг она осознала, что в действительности выбор очень прост. Какой жизни она ищет: легкой или трудной? Ей захотелось встать и спуститься вниз по извилистой тропинке к обычной счастливой жизни, которую она уже знала, которой она жила вместе с Хеем. Эта жизнь не

сулила опасностей, в ней ее ждали повседневные радости и горести, в этой жизни нечего было бояться, кроме старости и смерти...

Смерть... В мыслях о жизни она, сделав круг, снова пришла к мысли о смерти. Хей умер, возможно, умрет и Камени, и его лицо, как и лицо Хея, постепенно сотрется из ее памяти...

Она посмотрела на Хори, молча стоявшего подле нее. Странно, подумала она, но она до сих пор его толком не разглядела. Ей это было ни к чему...

Она заговорила таким не терпящим возражения тоном, как тогда, когда заявила, что пойдет одна вниз по тропинке в час заката.

- Я сделала выбор, Хори. Я разделю жизнь, все радости и горести с тобой, пока смерть не разлучит нас...

Когда он обнял ее, а лицо его, прильнувшее к ее лицу, стало невиданно ласковым, она испытала восторг перед радостью бытия.

"Если Хори суждено умереть, - думала она, - его я не забуду! Хори будет вечно жить в моем сердце... А это значит, что смерть ушла навсегда..." 1 "Ка" - в египетской мифологии один из элементов, составляющих человеческую сущность, в том числе загробное воплощение человека. 2 Осирис - бог производительных сил природы, царь загробного мира. 3 Гераклеополь - столица правления IX-X династий Древнего Египта (XXIII-XXII в.в. до н.э.). 4 Херишеф - бог города Гераклеополя, хранитель вод. 5 Птах (Пта) - бог города Мемфиса, создавший мир и все в нем существующее. 6 Птахотеп - возможно, главный советник фараона V династии Исеси (XXV в. до н.э.). Считался позднее одним из великих древних мудрецов. 7 Перевод В. Потаповой. 8 Себек - бог воды и разлива Нила. 9 Нейт - богиня войны и охоты; богиня воды и моря. 10 Ра - бог солнца. 11 Северные (и Южные) Земли - образованные около шести тысяч лет назад номы Древнего Египта, представлявшие собой маленькие самостоятельные государства; со временем объединились в Нижний Египет, или Северные Земли, в дельте Нила, и Верхний Египет, или Южные Земли, в верхнем течении Нила. 12 Хатор - богиня неба. 13 Сехмет - богиня войны и палящего солнца. 14 Мехит - богиня-львица. 15 Тот - бог мудрости, счета и письма. 16 Гор - бог охоты, покровитель царской власти. 17 Меритсегер - богиня, охраняющая кладбища и покой умерших. 18 Исида - богиня плодородия, воды и ветра, символ женственности и семейной верности. 19 Амон (Амон-Ра) - бог солнца, культ которого зародился в Фивах. 20 Иарит - богиня-змея, охранительница власти фараона. 21 Нефертум - бог растительности. 22 Золотая - эпитет богинь Хатор и Сехмет. 23 Девятка богов Эннеады - девять изначальных богов города

Гелиополя: Атум, Шу, Тефнут, Геб, Нут, Осирис, Исида, Сет, Нефтида. 24 Владыки справедливости - согласно древнеегипетскому мифу сорок два бога во главе с Осирисом образуют судилище, куда приводят покойника. В центре зала суда стоят весы, на которых взвешивают сердце покойника. На одной чаше весов находится сердце, на другой - статуэтка богини правды. Если сердце и правда весят одинаково, покойник признается оправданным и отправляется в цветущие поля рая. Если сердце перетягивает правду, покойника пожирает чудовище Амаат. Покойник должен перечислить сорок два греха, отрицая при этом их совершение. 25 Маат - богиня истины и порядка. 26 Анубис - бог - покровитель умерших. 27 Времена строителей пирамид - Древнее царство, почти все цари которого начиная с III династии воздвигали огромные каменные гробницы-пирамиды. 28 Сет - бог пустыни, олицетворение злого начала. ??

??

??

??

1

This file was created

with BookDesigner program

bookdesigner@the-ebook.org

23.02.2010